

Современная интеллигенция

проблемы социальной идентификации

Материалы
IX Международной конференции
“Байкальские встречи”

18 - 21 июня 2012г.

Том 1

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
КОМИТЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ И РАЗВИТИЮ
ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН, ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
ЖУРНАЛ «СОЦИС», РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СОЦИОЛОГОВ
ЖИТОМИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (УКРАИНА)
МОНГОЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (МОНГОЛИЯ)
ЩЕЦИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ПОЛЬША)
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**IX Международная научная конференция
(«Байкальская встреча»)**

**СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ**

МАТЕРИАЛЫ

*IX Международной научной конференции
18 – 21 июня 2012 г.*

В 3 томах

Том I

Москва – Улан-Удэ
2012

УДК 316.343.725

ББК 60.543.132.1

С 568

Редакционная коллегия

И. И. Осинский, д-р филос. наук, проф. (отв. редактор); **О. Ж. Гончикдоржиева**, канд. социол. наук (отв. секретарь); **М. В. Бадмаева**, д-р филос. наук, доцент; **А. Н. Постников**, д-р филос. наук, проф.; **М. И. Добрынина**, д-р социол. наук, доцент; **Э. Д. Чагдурова**, канд. филос. наук, доцент; **О. Ю. Рандалова**, канд. филос. наук, доцент; **К. А. Багаева**, канд. филос. наук, ст. преп.; **Ю. С. Ринчинова**, канд. филос. наук, ст. преп.; **Н. А. Жапова**, канд. филос. наук, ст. преп.

E-mail: intellige2007@rambler.ru

Материалы публикуются в авторской редакции

С 568 Современная интеллигенция: проблемы социальной идентификации: сборник научных трудов: в 3 т. / отв. ред. И. И. Осинский. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – Т. 1 – 260 с.

ISBN 978-5-9793-0476-2

ISBN 978-5-9793-0479-3

В сборник научных трудов включены материалы международной научной конференции, состоявшейся в г. Улан-Удэ 18-21 июня 2012 г. В них обсуждаются проблемы социальной идентификации и самоидентификации современной интеллигенции. Рассматриваются особенности, характер, структура, направление этих процессов в условиях растущей глобализации и формационных сдвигов. Анализируется влияние происходящих перемен на природу, облик, настроение, поведение интеллигенции. Рассматривается характер идентификационных процессов.

Present Intelligentsia: Problems of Social identification: the collection of proceedings: in 3 pt. / the chief editor I. I. Osinsky. – Ulan-Ude: the Publishing Department Buryat State University, 2012. – Pt. 1 – 260 p.

This collection of scientific studies contents the materials of the international conference which was hold in Ulan-Ude on June 18-21, 2012. The problems of social identification and self identification of the modern intellectuals were discussed there. There were studied the main features, structure and the direction of these processes in the conditions of rapid globalization and formation shifts. Also the influence of occurring changes on the nature, habit, mind and behavior of the intellectuals was analyzed there. And the nature of identification processes was studied.

ISBN 978-5-9793-0479-3

© Бурятский госуниверситет, 2012

СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ (предисловие к книге)

Очевидно, с тех пор как появилась интеллигенция в России, существует интерес к осмыслению её сущности, места и роли в жизни общества. По мере развития страны этот интерес не только не ослабевал, а, наоборот, всё больше возрастает. И сегодня, вступив в новый век, мы вновь задумываемся над тем, что такое интеллигенция, какими качествами она характеризуется, каков её социальный статус, предназначение как самостоятельной общности и субъекта исторического процесса. Это тем более важно осмыслить в условиях кардинальных сдвигов, произошедших в последние два десятилетия. Основным действующим лицом этих изменений являлась интеллигенция. Она и ощутила на себе, пожалуй, в наибольшей мере воздействие так называемых перестроечных и постперестроечных процессов. Анализ проблем интеллигенции, её исторической изменчивости как социокультурной группы посвящены международные научные конференции, которые были проведены на базе Бурятского государственного пединститута (с 1995 г. Бурятского госуниверситета).

По установившейся традиции в предисловии дается краткий обзор тематики предыдущих конференций.

Первая международная научная конференция была проведена 21-24 сентября 1994 г. Её главным инициатором и организатором явился Бурятский государственный пединститут. Соорганизаторами выступили Министерство образования РФ, Международная академия наук высшей школы (МАН ВШ), Институт философии РАН, Институт социологии РАН. Эти же учреждения и организации являлись соорганизаторами и всех последующих конференций, посвященных проблемам интеллигенции. Кроме них, позже, в таком качестве выступали Министерство образования Республики Бурятия, Житомирский государственный университет (Украина), Монгольский национальный университет (Монголия), Щецинский государственный университет (Польша), журнал «СОЦИС» и др.

Все конференции были проведены на базе Бурятского госуниверситета. Начиная с 1970-х гг. здесь ведутся исследования, посвященные проблемам интеллигенции. Результатом научных поисков явились подготовка и издание десятков монографий, сборников статей, защита диссертаций. Определение тем конференций диктовалось значимостью проблем, выдвигаемых жизнью, обсуждаемых в научных кругах.

В начале 1990-х гг. необычайную остроту и важность приобрели вопросы гуманизма, народа, власти и роль в их разрешении интеллигенции. Они-то и стали предметом рассмотрения участниками конференций. На конференции было представлено более ста докладов. Они были изданы к началу конференции в 3-х частях объемом 25 п.л. Участники конференции приняли рекомендации, в числе которых – создать на базе Бурятского госуниверситета Всероссийский научный центр и проблемный совет «Интеллигенция в современном обществе: национальный и региональный аспекты» (председатель профессор И. И. Осинский). Тогда же было принято решение научные конференции про-

водить один раз в три года. Фактически они проводятся чаще, в среднем один раз в два года.

В 1997 г. состоялась вторая конференция – «Интеллигенция: национальный и региональные аспекты». Было прочитано и обсуждено более 120 докладов. Третья конференция «Российская интеллигенция на рубеже XX-XXI веков» была проведена в июне 2000 г. На ней было заслушано около 100 докладов. Четвертая была посвящена теме «Интеллигенция в процессе поиска Россией Будущего» (2003 г.) В ней участвовали ученые из 48 вузов и НИИ более 20 городов России, а также исследователи Украины, Узбекистана, Польши, Монголии. Пятая конференция состоялась 30 июня – 1 июля 2005 г., на ней была обсуждена тема «Интеллигенция и нравственность», изданы материалы в двух томах объемом более 40 п.л.

В мае 2006 г. была проведена научная конференция «Социально-стратификационная дифференциация российского общества», на которой значительная часть докладов была посвящена интеллигенции.

В июне 2007 г. была проведена Шестая Международная научная конференция «Интеллигенция и взаимодействие культур». В ней приняли участие около 170 человек.

Седьмая конференция была посвящена теме «интеллигенция и проблемы национальных отношений» (16-18 сентября 2008 г.). На конференции было прочитано и обсуждено более 130 докладов.

Восьмая конференция состоялась 15-18 июня 2010 г. Обсуждался вопрос «Интеллигенция в изменяющемся обществе: социальный статус, облик, ценности, сценарии развития». На конференции были представлены более 70 докладов.

В конференции принимали участие представители многих отраслей знаний – философы, историки, социологи, политологи, культурологи, что позволяло анализировать обсуждавшиеся проблемы с разных сторон.

Традиционно активными участниками проводимых конференций были (если не лично, то присланными докладами) М.Н. Руткевич, В.С. Семёнов, В.И. Астахова, Е.В. Астахова, Ж.Т. Тощенко, В.А. Мансуров, В.Л. Соскин, К.Г. Барбакова, В.Х. Беленький, А.О. Бороноев, К.Х. Ханазаров, Г.Г. Халиуллин, Н.Е. Покровский, В.С. Меметов, Д. Улзийсайхан, В.И. Затеев, В.А. Кобылянский, В.А. Балханов, В.В. Гаврилюк, В. В. Мантатов, Л.Н. Коган, О.Н. Козлова, П.Ю. Саух, Ю.Б. Рандалов, Ц.Ц. Чойропов, П.А. Чукреев, Л. Г. Сысоева, В. А. Барьядаева, Л. И. Иванкина и др.

На IX Международную научную конференцию «Современная интеллигенция: проблемы идентификации», которая состоится 18-21 июня 2012 г., представлено 146 текстов докладов. Цель конференции – обсудить результаты исследований по данной проблеме, актуализировать координацию усилий ученых, разрабатывающих эту тему.

В предлагаемом сборнике представлены различные позиции, авторские концепции, идеи по обсуждаемым проблемам, которые, надеемся, помогут исследователям в их работе.

*Ответственный редактор
И. И. Осинский*

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

© Барбара Кромольска, О. Н. Козлова
(Щецин)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В XXI ВЕКЕ

Социокультурный процесс начала XXI века, находящийся в странном состоянии глобализации, характеризуется расширением двух альтернативных тенденций – *стандартизации и роста разнообразия* в нем. Распространение стандартизации приводит к тому, что социальный субъект унифицируется, утрачивает специфику, отрешается от идентичности. Разрастание же социокультурного разнообразия, разнородности, напротив, ведет с неизбежностью к актуализации проблем, связанных с идентичностью, к интенсификации интеллектуальной работы в области идентификации. Современная интеллигенция является именно той социальной группой, которая превращает конфликт бытия в этом противоречивом пространстве в объект анализа, помогая существовать в нем себе самой и обществу в целом. Потребность же в такой помощи растет буквально на глазах, расширяется по мере того, как выясняется, что современная легкость перемещения, пересечения границ вовсе не приводит к тому, что личности легко *найти свое место*; что даже остающаяся на месте личность вовсе не застрахована от того, что это место *перестанет быть своим*. Спонтанное распространение стандарта, усиление связанности в условиях глобализации неизбежно приводит к реорганизации социокультурного пространства. Для того, чтобы обосноваться в этом иначе организованном, новом пространстве, необходимо прояснить структуру текущей реорганизации. Такое прояснение и является функцией современной интеллигенции.

Идентичность (лат. *identicus* — тождественный, одинаковый) можно определить как устойчивое представление социального субъекта о самом себе. Все чаще обсуждаемый феномен идентичности рассматривается как результат процесса идентификации социального субъекта, т.е. самоопределения себя как представителя социума, чаще всего (и, как попытаемся показать ниже, точнее всего) этносоциальной общности.

В психологическом анализе становления идентичности индивида важнейшим авторитетом является Эрик Эриксон, который показал, что «идентичность развивается из постепенной интеграции всех идентифика-

ций» человека [1]. По его мнению, каждая из стадий развития личности отмечена специфичным для неё конфликтом, благоприятное разрешение которого приводит к переходу на новый этап. Важнейшим для становления идентичности выступает в данной классификации пятый этап — юность, когда главное напряжение развития личности определяется взаимодействием процессов идентификации личности и разрастанием «путаницы ролей». Благоприятное разрешение конфликта этого пятого из восьми этапов развития личности Э. Эриксон определяет как «верность», что опять-таки возвращает нас к тому, что ключевым актом идентификации является соотнесение, сравнение (верность себе через верность другому). Именно наличие выработанной идентичности позволяет личности ощущать себя «в своей тарелке», «на своем месте», среди своих — поскольку человек существо общественное.

В 2009 году свое 80-летие Институт философии РАН отметил проведением конкурса сочинений на тему «Человек в лабиринте идентичностей». В опубликованной под таким названием статье Е.О. Труфанова констатирует: «Существует множество идентификаций, идентичность же — одна» [2, С. 13]. Однако эта единственная идентичность «постоянно претерпевает изменения, она является живым, беспрестанно развивающимся организмом, потому выход из лабиринта идентичности невозможен — лабиринт постоянно разрастается и уводит нас все глубже в свои дебри. И лишь иногда мы имеем возможность подняться на смотровую площадку, окинуть взором простирающийся до бесконечности лабиринт и, увидев уже знакомые нам переходы, повороты и тупики, сказать: «Это все Я!». ... современный человек должен сам выбирать, как именно, на каком фундаменте и из каких элементов ему конструировать свое Я и свою идентичность, как именно он обустроит лабиринт, в котором ему предстоит странствовать» [2, С. 20]. С таким выводом можно было бы, видимо, согласиться на уровне философского анализа. Однако если перейти от понятия «современный человек» к понятию «современные люди» — на социологический уровень, вышеприведенное утверждение становится менее убедительным. Долженствование оказывается здесь не применимо, не может быть предписано.

Общество развивается как сложная, а, следовательно, самоорганизующаяся система, в огромной степени определяющая действия и представления социальных субъектов, из которых эта система состоит. У биологов есть выражение «функция строит орган». Не стремясь отождествить общество с организмом, попробуем, однако, опираясь на представ-

ления об изоморфизме принципов развития обеих форм жизни – биологической и социальной – использовать этот принцип в нашем анализе. В сложной системе «общество» в XIX веке возникает такая подсистема, как интеллигенция – в огромной степени именно для реализации функции *конструирования национальной идентичности*. Эта функция «выстраивает» данный социальный «орган», определяет интенсивность его работы, его влияние именно в тех странах, где проблема идентификации личности как представителя народа была особенно остра. Именно поэтому, как представляется, отчетливо и значительно играет свою роль интеллигенция XIX – начала XX веков, например, в Польше, не имеющей в этот период политической независимости. И, напротив, интеллигенция играет менее заметную роль в странах, где национальная идентичность давно и устойчиво воспроизводится – таких как Франция, с ее настойчивой уверенностью в себе, отраженной в девизе «Vive la France!» или Великобритания, граждане которой с XVI века по несколько раз в день благодарили Бога за то, что родились англичанами – за свою идентичность.

В XX веке – в условиях модернизации – характер и логика функционирования социальных систем существенно изменяются, в них возникает функция конструирования классовой идентичности, за реализацию которой берется часть интеллигенции. Другая ее часть берется за анализ «идеологии и утопии», что также непосредственно связано с трансформацией процесса идентификации индивида в обществе. Одновременно в обществе продолжают разворачиваться тенденции *индивидуализации и рационализации*, возникшие с начала Нового времени, как показал Макс Вебер. Действие этих тенденций ведет к расширенному воспроизводству в обществе социальной энтропии, отчуждения, социальной аномии. Отчужденная, впадающая в эскапизм или в предельный конформизм личность утрачивает инедничность. Описанный на американском материале Р.Дж. Лифтоном феномен человека-Протея становится все более распространенным [3].

В конце XX века процесс *деконструкции* идентичности уже вполне проявлен: личность все чаще не имеет и не стремится иметь устойчивого представления о себе, не соотносит себя со «своими», вообще с другими – стремится быть *single*, т.е. во всех отношениях отдельной, ни с кем не сравнимой, ни на кого не похожей.

Деконструкция идентичности предполагает также деконструкцию (симуляризацию) времени и пространства. Время замещается фаст-временем, суррогатом времени, «адаптированным» к условиям растущего динамизма. В жизни человека событийность уплотняется до абсурда.

По мере усиления влияния виртуального пространства и все более активного использования средств коммуникации «старое» пространство теряет свои границы и превращается в свой симулякр. Успешный индивид «вездесущ» и удовлетворен этим суррогатом пространственной адаптации. Стремление к устойчивому определению «своего» пространства преодолевается как рудимент.

И в этом состоянии деконструкции идентичности мы входим в XXI век, где быстро выясняется, что индивидуальный успех на основе использования интенсивно развитого личностного капитала может превратиться – и превращается – в стратегическое поражение для сообщества, распадающегося вследствие углубления социальной аномии, кризиса доверия, недостатка социального капитала; где и сама личность, ее характер распадается, как показывает в своем анализе Ричард Сеннетт [4]. Исследуя последствия работы личности в условиях современного общества, которое он называет «новым капитализмом», Сеннет комплексно характеризует эти последствия как *коррозию характера*. Сущностью этой коррозии является «выворачивание наизнанку» всех преимуществ и выгод эксплуатации личностного капитала, когда эластичный, сетевой, изменчивый образ современника (чаще всего «стройной спортсменки») превращается – при более пристальном изучении – в бесхарактерного, т.е. не имеющего идентичности, не способного себя идентифицировать и не имеющего будущего «временщика».

Анализируя статистические данные европейского социального диагноза, Януш Чапиньски, например, отмечает, что Польша находится в фазе «атомарного развития», альтернативного развитию сообщества: «Мы живем в стране все более эффективных индивидуальностей и неизменно неэффективной общественности» [5]. Нельзя не видеть, что такая характеристика может быть отнесена не только к Польше.

«Эффективная индивидуальность» успешна именно на основе преодоления устойчивости, благодаря своей «протейной» бесхарактерности. Личности в состоянии «без идентичности» образуют при взаимодействии не социальную систему, но социальную совокупность (все более сложно организованную, бюрократизирующуюся), т.е. суррогат общества, в котором отсутствуют метанаррации (Ж.Ф. Лиотар), потеряна идея исторического развития (Ж. Бодрийяр), что ведет к накоплению огромного потенциала тоски, который, в свою очередь, специально смягчают «прокладками» транквилизаторов, помощью психоаналитиков. Социальное пространство вследствие своей бессистемности, кризиса структуры переполняется отходами, спамом. И одновременно в обществе все с большим напряжением ведется поиск выход из сложившейся ситуации.

В настоящее время можно говорить о состоянии поляризации социокультурной системы (П.А. Сорокин), обостряющемся вследствие действия двух тенденций:

- 1) дальнейшего расширения процесса деконструкции идентичности;
- 2) интенсивного разворачивания процесса *реконструкции идентичности*.

Обе тенденции имеют спонтанный характер, являются следствием социокультурной самоорганизации. Однако это не означает, что интеллигенция не имеет тут собственного поля деятельности. Напротив, именно процесс реконструкции идентичности формулирует новый вызов интеллигенции, новую функцию, которая способна «выстроить» ее в новых социокультурных условиях, а именно функцию оптимизации процесса реконструкции идентичности.

В XXI веке, в постэкспериментальном состоянии усталости от создания невообразимых котлованов для авангардных социокультурных творений, выявивших способность социальных субъектов доходить до пределов тотального абсурда, общество как бы открывает для себя не только прелесть, очарование, но и необходимость нормы, устойчивой нормальности. Параллельно личность открывает в себе тягу к устойчивости, идентичности. Одной из сторон этого открытия является выяснение заново того, что пространства физическое и культурное, ментальное связаны, соединены глубже, чем нам представлялось в XX веке и «на заре глобализации». Мало того, пространства эти имеют общие границы. Сегодня проблема идентичности напрямую связана с проблемой глубины насыщения личности отражением содержания этих пространств - физического и культурного - и их границ (часто совпадающих с политическими). Поскольку разделительная функция границ обеспечивает стабильность структуры. Тогда как полное снятие границ ведет к возникновению топологического абсурда, заменяет пространство его отсутствием: тогда вместо того, чтобы «быть везде», оказуемся нигде. Это относится к пространству одновременно и физическому, и социокультурному. Используя метафору профессора Войцеха Свѣнткевича, можем сказать о состоянии деконструкции идентичности (и на пороге ее реконструкции): думали, что снимаем «пропотевшую рубаху» своей идентичности, сбрасываем кандалы, а вместо этого оказываемся без кожи и в невесомости [см. 6].

Разворачивается процесс глокализации как ответ на вызов глобализации. В нем победителем в борьбе за лучшую жизнь, за социальную позицию, в которой субъект чувствует себя «в своей тарелке», за наилучшее оснащение социальным капиталом оказывается

отнодь не гиперпрогрессивный покупатель в «супермаркетах идентичности». Основательное преодоление отчуждения, аномии базируется сегодня на работе над идентичностью, которая неизбежно выявляет глубокую связь между культурой и природой. Не стоит, поэтому, удивляться тому, что в научном дискурсе все чаще возникает тема *естественности*. Оказывается, что естественная потребность укоренения, потребность в своей почве, в своей природно-культурной среде отнодь не исчезает из набора основных потребностей личности.

Вероятно, поэтому в анализе идентичности так часто проявляется несоответствие провозглашенной М. Вебером «расколдованности мира». В этом анализе пространства реконструируемой идентичности описываются как веками, а быть может и недавно наполненные специфичным духовным опытом, «*заколдованные*», «наполненные мифами культурные пространства», «многоцветные и сказочные миры многомерной таксономии мультикультурализма», «магические среды» [см. 6]. Каждое из таких пространств уникально и несравненно. Каждое из них определяется именно своим прорастающим одно в другое природным и духовным своеобразием, создавая основу для нового взаимодействия социальных субъектов, идентифицирующих себя с данным пространством.

Современный научный дискурс все чаще включает эмоционально насыщенные понятия, что можно интерпретировать, как свидетельство готовности современной науки заниматься комплексным анализом социальных взаимодействий, процесса самоорганизации социокультурного развития. Это тем более важно, что процесс «нового заколдовывания» социальной действительности, который сопровождает попытки реконструкции идентичности, может скрывать в себе и большой запас сил социальной деструкции, девиации, сил, с использованием которых расширяет свое влияние современный национализм. И уже, поэтому, его нельзя оставлять без научного анализа, без внимательной работы по оптимизации – работы интеллигенции.

В спорах об идентификации практически неизбежно возобновляется диалог с традицией, ее реинтерпретация направляется на решение задачи преодоления символического вакуума и создания того, что можно было бы назвать символическо-знаковым ложем движения в будущее. И здесь разрастается проблема социальной ответственности, определяющей границы толерантности.

Разнородность, многообразие идентичностей, радужный спектр их внутреннего потенциала помогает приблизиться к пониманию других, мира, а затем снова себя. Не уход от идентичности, не пренебрежение ею, а, напротив, максимально глубокое освоение «в собственной шкуре» рассматривается как путь вперед, который открывает перед нами социокультурное пространство XXI века. Работа интеллигенции в этом процессе заключается в обеспечении системных связей конструируемого пространства устойчивости, с которым индивиды себя идентифицируют, с общим социокультурным контекстом, что позволит не допустить «выстраивания в умах стен, ведущего к социокультурному аутизму». Это и есть современная идентификация, понимание себя, основанное на тщательной разработке своего как надлежащего, правильного в сочетании с открытостью по отношению к другим, вписывание в действительность глобализированного мира.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Эриксон Э. Г. Детство и общество / Пер. [с англ.] и науч. ред. А. А. Алексеев. — СПб.: Летний сад, 2000.
2. Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии, 2010, №2. С.13-22.
3. Lifton R.J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. N.Y., 1993.
4. Sennett Richard. The Corrosion of Character. The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. W.W.Norton & Company Inc. New. York, 1998.
5. Czapiński J., Diagnoza społeczna 2009 // <http://badania.ngo.pl/files/badania.ngo.pl/public/podstawowefakty>
6. Kulturowe różnicowanie narodowych, regionalnych i organizacyjnych tożsamości. Redakcja naukowa Oksana Kozłowa Agnieszka Kołodziej-Durnaś. Szczecin, Copyright by ECONOMICUS and University of Szczecin, 2011

АЛЬТРУИЗМ: ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Социологи рассматривают профессиональный альтруизм как социальное благо и как важную неотъемлемую характеристику профессий интеллектуального труда, в первую очередь — врачей, юристов и преподавателей. Альтруизм может быть не свойственен каждому отдельному профессионалу, но для профессиональной группы в целом является необходимым качеством. Деятельность социально значимых интеллектуальных профессий направлена на реализацию жизненно важных целей в сферах, связанных со здоровьем человека, его правами и образованием. Функционалисты полагали, что профессии интеллектуального труда являются стабильными, эффективными и аполитичными социальными институтами современного общества. В их глазах, врачебная профессия воплощала на практике наиболее значимые общественные этические ценности. Критики функционалистского подхода подвергли сомнению идею альтруистического служения врачебной профессии обществу. Они обратили внимание на случаи коррупции отдельных представителей профессиональной группы врачей, на примеры несоответствия деятельности полученному сертификату и на профессиональные практики, направленные на извлечение выгоды. В наших исследованиях мы придерживаемся неовеберовской традиции, полагая, что, с одной стороны, профессионалы в своей деятельности стремятся к извлечению выгоды на рынке труда или улучшению статуса в рамках государственной системы. С другой стороны, важным для профессионалов является оказание услуг на должном профессиональном уровне.

Альтруизм профессионалов: теоретические подходы

Функционалисты полагали, что профессии интеллектуального труда являются стабильными, эффективными и аполитичными социальными институтами современного общества. Данное научное направление зародилось в работах основателя структурного функционализма Э. Дюркгейма. В его книге «О разделении общественного труда» (1893 г.) профессиональные группы были выделены в качестве важнейших социальных институтов, которые обеспечивают органическую солидарность в обществе, создают и поддерживают положительные социальные образцы по-

ведения, а также выступают как посредники между отдельными индивидами и государством [1]. Именно разделение труда и профессии воссоздают моральное единство общества, в котором традиционные верования утратили былую силу и привлекательность. Подобное видение социальной роли профессиональных групп в обществе получило развитие в работах социологов функционалистов в двадцатом веке [2, 3, 4, 5].

В середине 1950-1960-х годов функционалистский подход в западной социологии был настолько влиятельным, что сами понятия функционализма и социологии стали на время синонимичными [6]. В рамках данного научного направления социально значимые профессиональные группы, – в первую очередь врачи, юристы и преподаватели, – рассматривались как особые элементы социальной системы, отличительной характеристикой которых являлся профессиональный альтруизм [7]. Социологи считали профессиональный альтруизм социальным благом и были убеждены, что профессионалы в своей работе неукоснительно соблюдают этические нормы. В случае медицинской профессии речь шла о следовании принципам клятвы Гиппократова. В дальнейшем социологи не отрицали значимости профессионального альтруизма, однако фокус исследований сместился в сторону изучения социальных стратегий, используемых профессионалами для достижения высоких социальных позиций в обществе [8, Р.6].

По мнению функционалистов, профессиональная компетентность должна была коррелировать с основными ценностями общества. Они полагали, что именно те рода занятий, которые имеют непосредственное отношение к формированию основных ценностей в обществе и их сохранению, могут быть отнесены к идеальному типу профессии [9]. Как утверждал Т. Парсонс, истинные «идеально типические» профессии должны обладать институциональными средствами, которые могут гарантировать, что профессиональная компетентность будет направлена на реализацию наиболее значимых целей общества [10, Р. 545]. По его мнению, врачебная профессия является наглядным примером «истинной» профессии, так как решает важную социальную задачу сохранения здоровья населения. В то же время, Т. Парсонс полагал, что преподавание и научно-исследовательская работа в рамках таких интеллектуальных дисциплин, как гуманитарные, естественные и социальные науки, также могут считаться истинными профессиями. Большинство социологов считали истинными или «состоявшимися» профессиями, основанными на идее служения обществу, следующие: врачей (сохранение здоровья), священнослужителей (спасение души) и юристов (защита прав человека) [11].

Утверждалось, что истинные профессионалы в первую очередь ориентированы на то, чтобы служить интересам общества, в противоположность достижению своекорыстных интересов. Все принимаемые ими повседневные профессиональные решения рассматривались как основанные на интересах клиента, в противоположность материальным интересам и потребностям самих профессионалов [12, Р. 278]. В результате социологи-функционалисты объясняли привилегированное положение профессиональных групп врачей, юристов и преподавателей вузов как справедливое, исходя из различной функциональной значимости родов занятий в обществе. Как функционирующий организм, общество должно каким-то образом распределять своих членов по различным социальным позициям и побуждать их выполнять обязанности, связанные с этими позициями. Оно должно, следовательно, гарантировать себе два разных уровня стимулирования: исподволь возбуждать у нужных индивидов желание занять определенное положение; и у уже занявших это положение — желание выполнять связанные с ним обязанности [13]. Некоторые социологи полагали, что альтруизм свойственен каждому члену социально значимых профессиональных групп [9, 14].

Согласно функционалистам, представители истинных профессий рассматривают свою работу как призвание или миссию, при этом их отличает долговременное вовлечение в профессиональную деятельность. Они не стремятся поменять выбранную профессию и утверждают, что опять бы выбрали тот же путь в жизни, если бы вновь оказались в ситуации профессионального выбора. Истинных профессионалов отличает длительный период социализации, тщательно разработанные формальный (письменный) и неформальный этические кодексы. Степень разработанности этических норм и правил часто рассматривалась в качестве одной из основных характеристик, которая позволяла понять, можно ли профессиональную группу отнести к истинной или социальной значимой профессии [15, Р. 74]. Утверждалось, что представители истинных профессий работают, руководствуясь «высшими ценностями альтруизма, [социального] процветания, или морального, духовного или эстетического призвания, а не ради будничной прибыли» [16, Р. 35].

В 1970-е годы меняется общественный и научный климат. Все чаще под сомнение ставится сама идея профессионального альтруизма элитных профессий [17]. Примеры коррупции профессионалов, несоответствия профессиональной деятельности полученному сертификату все чаще становятся предметом внимания со стороны широкой общественности. В свою очередь, происходит смещение акцента с функционалистской на конфликтологическую модель объяснения социальной реальности, и на

авансцену социологии выходят неовеберианцы и неомарксисты [16, Р. 24]. Социологи функционалисты начинают рассматриваться как «жертвы обмана», которые приняли идеологию профессиональных групп за «чистую монету», не проверяя, насколько провозглашенные идеалы альтруизма и бескорыстного служения соответствуют действительности [18]. Социологи задались вопросами о том, почему элитным «истинным» профессиям удалось достичь своего нынешнего высокого социального положения в западном обществе; может ли альтруизм являться неотъемлемой и неизменной характеристикой профессиональной группы.

Возникает понимание того, что функционалисты часто ставили знак равенства между «описательными» (descriptive) и «нормативными» определениями профессиональных групп [19]. К описательным можно отнести определения, в которых выделялся набор характеристик, необходимых для того, чтобы профессию можно было назвать «истинной» или «состоявшейся». К нормативным определениям можно отнести те, в которых указываются идеалы, к которым должны стремиться члены профессиональных групп. На практике часто оставалось неясным, какое определение – описательное или нормативное – предлагалось социологами. Как пишет Гроссман: «Когда говорится о том, что профессионалы обязуются заботиться о благополучии клиентов и соблюдать их интересы, речь идет о том, что такое положение дел существует в реальности или о том, что профессионалам следует стремиться к тому, чтобы выполнить данное обязательство?» [19, Р. 2]

К середине 1970-х годов появились две новые модели «идеального типа» профессии: неовеберианская модель «профессии как монополии» и неомарксистская модель, основанная на «производственных отношениях». Несмотря на все существующие разногласия, представители этих теоретических направлений сосредоточились на анализе властных полномочий профессионалов. В результате им удалось уйти от статичного функционалистского взгляда на профессию как на аполитичную и однородную группу экспертов. Неомарксисты стремились к тому, чтобы развенчать представление о том, что альтруизм является неотъемлемой характеристикой профессионалов. Утверждалось, что все заявления о бескорыстном служении обществу являются не более чем маской, за которой скрываются своекорыстные интересы профессионалов. Как утверждает М. Сакс, работы авторов данного направления чаще всего сводились к тому, чтобы продемонстрировать, что профессионалы в западных капиталистических странах находятся на стороне класса угнетателей и действуют в их интересах [20, 21].

Неовеберянцы рассматривают социально значимые профессиональные группы как институционализированную форму монополии на рынке труда и/или как группы, обладающие особыми властными ресурсами. В результате особых исторических и социально-политических условий некоторым профессиональным группам удалось занять монополистическую позицию на рынке услуг здравоохранения, юриспруденции, образования и науки. Неовеберянский анализ выдвигает на первый план задачу описания мобильности профессиональных групп в терминах концепции социального закрытия, введенной научный оборот М. Вебером [22]. Данное понятие описывает процесс, при помощи которого социальные группы действуют в собственных интересах, обеспечивая относительно небольшой группе избранных широкие возможности на рынке труда. Профессиональные группы рассматриваются как солидарные группы интересов, действующие с целью расширить собственные возможности пользоваться культурными и социальными привилегиями. В соответствии с подходом М. Вебера, в основе самого определения «профессии» лежит понимание профессиональных групп как статусных, то есть в качестве коллективов, которые имеют схожий стиль жизни, язык и культуру, а также руководствуются едиными для всей группы нравственно-этическими принципами [14, Р. 658].

Под профессионализацией социально значимых профессий неовеберянцы понимают развертывание своего рода механизма, который позволил представителям этих профессий в значительной мере отгородиться от влияния развивающегося национального государства, организованного капитала и менеджериального контроля. Так, М. Ларсон, одна из первых и наиболее известных исследователей этого направления, утверждает: «Профессионализация является попыткой перевести редкие ресурсы профессиональных групп одного порядка – специализированное знание и умения – в ресурсы другого порядка – социально-экономические вознаграждения. Сохранение редких ресурсов предполагает стремление к монополии: монополии экспертного знания на рынке труда и монополии статуса в системе стратификации» (Larson 1977: 66). Подобное теоретическое видение социально значимых профессий как статусных групп привело к новой трактовке термина «профессиональный альтруизм». Альтруизм стал восприниматься как составная часть идеологии профессиональных групп, как необходимая характеристика для формирования благоприятного публичного образа профессии [23].

Критики функционалистского подхода акцентировали внимание на том, что социально значимые профессиональные группы обладают высо-

ким статусом, доходом и широким набором властных полномочий, тогда как идеализация их работы является для них дополнительным социальным вознаграждением [24]. Сами профессионалы обращаются к идее «профессионального альтруизма» и «альтруистического служения обществу» для того, чтобы обосновать соответствующую их высокой социальной миссии «статусную заработную плату». Возникновение профессиональной идеологии альтруизма в Англии XIX века красноречиво описано в работе Д. Думана: «Центральным для этого процесса стала создание и распространение уникальной идеологии, которая основывалась на идеи служения как на моральном императиве. Это позволило врачам, юристам, священнослужителям и другим членам постоянно возникающих профессиональных групп заручиться доверием в обществе, которое позволило обосновать запрос профессионалов на более высокий статус и особые привилегии, такие как автономия» [25, Р. 38].

Э. Фрейдсон изучал потенциал различных профессиональных групп создать идеологию, которая гарантировала бы успех на рынке труда [24]. Он пришел к заключению, что идеология, в которой акцент делается на обладании особыми когнитивными и нормативными характеристиками, позволяет профессиональным группам не только занять высокую социальную позицию, но и определять социальную реальность в рамках их сферы деятельности. Профессионалы, опираясь на экспертные знания, претендуют на универсальную обоснованность собственных суждений, даже в тех сферах, которые выходят за рамки их непосредственной компетентности. Хотя основной задачей идеологии, по мнению Э. Фрейдсона, является социальное закрытие группы посредством создания барьеров на пути проникновения обывателей в сферу профессиональной компетентности. В результате, только сами профессионалы могут полноправно судить о качестве проделанной ими работы.

Определенная версия изложения событий, преподнесения фактов, вне зависимости от их истинности или ложности, является идеологизированной, если она позволяет обладающей властью группе поддерживать и воспроизводить собственный властный ресурс [26, Р.82]. В случае профессиональной группы, идеология выстраивается на утверждении собственной компетентности (знаний и навыков) и респектабельности, которые подразумевают высокий уровень социально-экономических вознаграждений для поддержания соответствующего стиля жизни. Идеология имеет особое значение и для создания внутренней сплоченности, и для внешнего позиционирования группы, без которого невозможно доверие

со стороны общества. Профессиональная идеология не только вдохновляет и обязывает к определенному типу поведения, но и оправдывает привилегии профессионалов, ввиду их служения главным социальным целям.

Помимо традиционных профессий врачей, юристов и преподавателей, создать профессиональную идеологию стремятся и новые профессионализирующиеся группы для повышения коллективного статуса в системе разделения труда. Современная профессиональная идеология не только затрагивает вопрос альтруистического служения обществу, но и акцентирует проблему «внешних атрибутов респектабельности». Как справедливо утверждает К. Макдональд, идеологический характер носят те действия профессионалов, которые оказывают влияние на самооценку группы и на ее имидж в глазах ее клиентов и представителей других профессий [22, Р. 189]. К внешним атрибутам респектабельности можно отнести: расположение офисов в центре города, статусное потребление вещей и дорогостоящей еды, награждение профессионалов различными знаками отличия. Р. Коллинз полагает, что профессиональная идеология, гарантирующая почетный статус, во многом основывается именно на внешних признаках респектабельности и «ритуалах», которые создают сами профессионалы [16, Р. 37].

Однако профессионалы не могут быть успешными на рынке труда, преследуя только собственные интересы, направленные на получение рыночной монополии или улучшение собственного социально-экономического положения [22, 27]. Как справедливо утверждает К. Макдональд, мы не можем вернуться к функционалистскому взгляду на профессиональный альтруизм, как на зеркальное отражение реальности [22, Р.101]. В то же время, нельзя забывать о том, что представители социально значимых профессиональных групп оказывают услуги, которые имеют непосредственное отношение к жизни, здоровью, собственности и другим важным аспектам жизни людей. Свой вклад в становление профессиональной идеологии могут вносить как своекорыстные, так и альтруистические мотивы.

Профессиональное поведение обладает двойственной природой, в нем, подобно мифическому Кентавру, можно обнаружить и человеческие и бесчеловечные проявления [21, Р. 21]. Используемая аналогия предполагает, что баланс, который существует между позитивным и негативным набором черт социально-значимых профессиональных групп, пока мало исследован. В рамках работы сектора социологии профессий и профес-

сиональных групп Института социологии РАН мы не ставили перед собой глобальной задачи оценить соотношение между своекорыстными и альтруистическими интересами врачей. В целом, мы придерживаемся сбалансированного взгляда на мотивы профессионалов, признавая двойственную природу профессиональной идеологии. С одной стороны, представители врачебного сообщества стремятся к созданию позитивного имиджа группы для улучшения собственного статуса в системе разделения труда. С другой стороны, многие врачи искренне стремятся к повышению качества оказываемых услуг и соблюдают профессиональный этический кодекс.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Durkheim, E. (1933) *The Division of Labor in Society*, New York: The Free Press.
2. Carr-Saunders, A. M. and Wilson, P. A. (1933) *The Professions*, London: Frank Cass.
3. Parsons, T. (1951) *The Social System*, New York: Free Press
4. Ben-David, J. (1960) 'Scientific productivity and academic organization in nineteenth century medicine', *American Sociological Review*, 25: 823-43.
5. Halmos, P. (1970) *The Personal Service Society*, New York: Schocken Books.
6. Wallace, R.A. and Wolf, A. (1995) *Contemporary Sociological Theory*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
7. Далее по тексту под социально значимыми или «истинными» профессиями мы понимаем именно эти профессиональные группы.
8. Cant, S. and Sharma, U. (eds) (1996) *Complementary and Alternative Medicine: Knowledge in Practice*, London: Free Association Books.
9. Barber, B. (1963) 'Some problems in the sociology of professions', *Daedalus*, 92: 669-88.
10. Parsons, T. (1968) 'Profession', in Shills, D. (ed.) *International Encyclopaedia of the Social Science* Vol. 12, London: Macmillan and Free Press.
11. Dingwall, R. and Lewis, P. (1983) (eds) *The Sociology of the Professions: Lawyers, Doctors and Others*, London: Macmillan.
12. Goode, W. (1969) 'The theoretical limits of professionalization', in Etzioni, A. (ed.) *The Semi-Professions and Their Organizations: Teachers, Nurses and Social Workers*, New York: Free Press.
13. Davis, K., Moore, W. (1945) Some principles of social stratification // *American Sociological Review*, 10: 242-49
14. Позднее Дж. Ритцер справедливо писал о том, что функционалисты часто смешивали исследования профессиональных групп как корпоративных акторов с исследованиями профессионалов как индивидуальных работников (Ritzer 1973).

15. Hall, R. (1975) *Occupations and Their Social Structure*, New Jersey: Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs.
16. Collins, R. (1990) 'Market closure and the conflict theory of the professions', in Burrage, M. and
17. Saks, M. (1995) *Professions and the Public Interest: Professional Power, Altruism and Alternative Medicine*, London: Routledge.
18. Roth J. (1974) Professionalism: the sociologist's decoy // *Sociology of Work and Occupations*, 1(1): 6-23
19. Grossman, A. (2004) Is Professionalisation Always to be Desired? Paper for the Royal Society for the Encouragement of Arts, Manufacture and Commerce.
20. Saks, M. (1999a) 'The wheel turns? Professionalisation and alternative medicine in Britain', *Journal of Interprofessional Care*, 13 (2): 129-38.
21. Saks, M. (1999b) 'Professions, markets and public responsibility', in Dent, M., O'Neill, and Bagley, C. (eds) *Professions, New Public Management and the European Welfare State*, Stafford: Staffordshire University Press.
22. Macdonald, K.M. (1995) *The Sociology of the Professions*, London: Sage.
23. Porter, R. (1995) *Disease, Medicine and Society, 1550-1860*, 2nd edition, Cambridge: Cambridge University Press.
24. Freidson, E. (1994) *Professionalism Reborn: Theory, Prophecy and Policy*, Chicago: University of Chicago Press.
25. Duman, D. (1979) 'The creation and diffusion of a professional ideology in nineteenth century England', *American Sociological Review*, 113: 38.
26. Burr, V. (1995) *An Introduction to Social Constructionism*, London and New York: Routledge.
27. Saks, M. (2003) *Orthodox and Alternative Medicine: Politics, Professionalization and Health Care*, London: Sage/Continuum.
28. Саркисян А., Злодеева Е. «Всероссийское обсуждение. Реформа здравоохранения, предлагаемая правительством РФ и его экспертами: точка зрения врачебных коллективов учреждений здравоохранения РФ», 2005, <http://www.rmass.ru/publ/info/VMO1>
29. Фонд общественного мнения, 2006, <http://bd.fom.ru/report/map/dd062926>
30. Abbott, A. (1988) *The System of Professions: an Essay on the Division of Expert Labour*, Chicago: University of Chicago Press.
31. Burrage, M., Jarausch, K. and Siegrist, H. (1990) 'Actor-based framework for the study of the professions', in Burrage, M. and Torstendahl, R. (eds) *Professions in Theory and History: Rethinking the Study of the Professions*, London: Sage.
32. Field, M. (1995) 'Health crisis in the former Soviet Union: a report from the 'post-war' zone', *Social Science and Medicine*, 41 (11): 1469-1478.
33. Freidson, E. (2001) *Professionalism: The Third Logic*, Chicago: University of Chicago Press.
34. Goode, W. (1960) 'Encroachment, charlatanism and the emerging profession', *American Sociological Review*, 25: 902-14.

35. Halmos, P. (1970) *The Personal Service Society*, New York: Schocken Books.
36. Millerson, G. (1964) *The Qualifying Associations*, London: Routledge and Kegan Paul.
37. Ritzer, G. (1973) 'Professionalism and the individual', in Freidson, E. (ed.) *The Professions and Their Prospects*, Beverly Hills: Sage.
38. Yurchenko, O. (2004) *A Sociological Analysis of Professionalisation of Orthodox and Alternative Medicine in Russia*. Unpublished PhD thesis. University De Montfort, 2004.
39. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.

© И. И. Осянский
(Улан-Удэ)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

На предыдущих конференциях, посвященных вопросам интеллигенции, мы обсуждали проблемы интеллигенции во взаимосвязи с категориями гуманизма, народа, власти, нравственности, культуры, будущего России. Тема нынешней конференции предложена польскими коллегами из Щецина. Проблема социальной идентификации – одна из коренных в современном интеллигентоведении, да и в науках об обществе в целом. Феномен идентификации стал объектом исследовательского внимания многих научных дисциплин. В фокусе научной аналитики сегодня находятся религиозная, политическая, этническая, лингвистическая, возрастная, гендерная, профессиональная, различные аспекты этнонациональной и связанной с ней локально-цивилизационной идентичности. Несколько лет назад опубликованы работы американского совета по изучению идентификационных процессов современности. Все чаще в отечественной научной литературе встречаются понятия «идентификационный кризис», «негативная идентичность», «идентификационные противоречия современной России».

Термин «идентификация» происходит от позднелатинского *identificare* и в буквальном понимании означает отождествление, уподобление, установление, совпадение объектов. В «Философском энциклопедическом словаре» идентификацию называют процессом эмоционального и иного самоотождествления индивида с другим человеком, группой, образцом.

Идентификация (самоидентификация) предполагает действия, некоторый процесс соотношения одного субъекта с другим, выявления общих или, наоборот, специфических признаков, черт. С понятием идентификации связано другое понятие «идентичность», которое выступает как определенная данность, результирующая процесс идентификации (самоидентификации). Кстати, в 1979 г. немецкие исследователи О.Маркевард и К.Штирле издали объемный труд – энциклопедию на тему идентичности, насчитывающую 765 страниц, которая, как они пишут, освещает более 2500 литературной, около 2500 философской, более 100 лет социологических, психологических и социально-психологических дискуссий, посвященных теме идентичности. В результате, авторы пришли к выводу, что «идентичность означает ответ на вопрос, кто есть человек ... через его единство с самим собою и через его инаковость по сравнению с другими».

В структуре социальной идентичности обычно выделяют две основные компоненты: когнитивную – знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом, и аффективную – оценка качеств собственной группы, значимости членства в ней. Идентификация как процесс отождествления индивида с тем или другим объектом, человеком, группой происходит на основе усвоения определенных культурно-символических признаков, ценностей, стандартов поведения, социальных установок и ролей, отличий и даже противопоставления «своего» и «чужого».

Идентичность – это не только самоотнесение себя с той или иной общностью людей, например, нацией, но и представление о ней, ее речи, культуре, территории, истории, государственности.

Идентификация, соотнесение человека с интеллигенцией, предполагает знание интеллигенции, ее основных признаков, черт, облика как специфической социальной группы. Однако изучение идентификации затрудняется тем, что в современной литературе отсутствует однозначность в определении идентификационных признаков интеллигенции. В своем абсолютном большинстве они сводятся к двум: функциональная занятость сложным интеллектуальным трудом и наличие общепризнанных духовно-нравственных личностных качеств. Получившая широкое распространение теоретическая модель, связывающая интеллигенцию исключительно с умственной деятельностью, как свидетельствуют современные социальные отношения, не является жизнеспособной. Она игнорирует традиционную духовно-нравственную характеристику интеллигенции и не позволяет разграничить интеллигенцию и интеллектуалов.

Дело в том, что понятия интеллигенции и интеллектуалов различаются не по месту в системе общественного разделения труда, а, прежде всего, по своим атрибутивным характеристикам нравственного порядка. Мы придерживаемся мнения, что интеллигенция является носителем не только социально-функциональных качеств, ее представителям присущи определенные культурно-личностные свойства, совокупность которых выражается понятием интеллигентности. Кстати, еще в начале 1980-х годов высказывалось соображение (В.И. Толстых и Л.Я. Смоляковым) о дополнении социально-функциональной характеристики культурно-личностной (правда, В.И. Толстых позднее отказался от этого предложения) [1]. Эти две стороны в своей совокупности составляют родовую сущность интеллигенции.

Некоторые авторы игнорируют духовно-нравственные черты в качестве критерия при определении интеллигенции на том основании, что их трудно определить, измерить. К тому же их определение субъективно, и с этим можно частично согласиться. Но трудности познания того или иного явления или его признаков не значат, что данного явления или его признаков не существует. К тому же, как свидетельствуют исследования в области социологии нравственного развития личности, определение структуры морали, ее компонентов, критериев нравственного развития личности не является чем-то невозможным. «Каждый компонент системы морали, — пишет В.М. Соколов, — имеет свои критерии, показатели развития, которые можно измерить... Критерии нравственного развития позволяют выявить уровни развитости, совершенства (или несовершенства) уже качественно «рассортированных», определенных моральных компонентов... Этические знания разных конкретно-исторических эпох можно сравнивать между собой, определять степень истинности отраженного в них познания природы морали». В качестве общепризнанных духовно-нравственных критериев являются гражданственность, духовность, порядочность, совестливость и некоторые другие. Важнейшие общечеловеческие духовно-нравственные качества были определены еще основоположниками трех мировых религий. Они в качестве основы не потеряли своей актуальности и в наше время. Кстати, на базе 10 христианских заповедей был создан «Кодекс строителя коммунизма».

Думается, что нельзя согласиться и с авторами, которые относят или не относят к интеллигенции работников по признаку участия или неучастия во властных структурах. Управленческий труд — это такой же как и любой другой сложный умственный труд, который выполняет один из

отрядов интеллигенции – управленческая интеллигенция. Дело не в самом факте участия в реализации властных, управленческих функций, а в том, как участвующие в них выражают и защищают интересы людей, насколько их деятельность соответствует критериям нравственности.

Таким образом, при идентификационном анализе интеллигенции важно исходить из: 1) ее функциональной занятости сложным умственным трудом; 2) высокого образовательного уровня; 3) наличия общепризнанных духовно-нравственных качеств, прежде всего, высокой нравственности, гуманизма, гражданственности и общественного долга. Совокупность этих характеристик – современная теоретическая модель идентичности, т.е. то, с чем можно сравнивать реалии.

Произошедшие в 1990-е и последующие годы изменения в обществе обусловили кардинальные сдвиги в процессе идентификации, в формировании новых символов, механизмов социальной идентификации интеллигенции.

Идентификация и самоидентификация интеллигенции в новых условиях, как справедливо отмечают профессора С.И. Барзилов и А.Г. Чернышов, происходила и происходит на базе двух тенденций: антикоммунизма и некритического перенесения зарубежных мировоззренческих установок в политическое мышление и технологии. Антикоммунизм продемонстрировал свою непродуктивность. Упор на всякое «анти» вообще, как правило, является шагом в худшую сторону. Российский антикоммунистический либерализм в современном своем варианте представляет собой мечтательно-разрушительное направление. Идея прав человека противопоставлена в нем идее социальной справедливости, что прямо противоположно российской политической ментальности» [2].

«Одна свобода еще ничего иного дает народному большинству, если нет равенства» [3]. Касаясь проблемы социального равенства, следует отметить, что в прошедшее 20-летие «Социальное расслоение, которого достигло наше общество, – пишет О.Попцов, – не поддается никаким измерениям» [4]. Произошло резкое расслоение интеллигенции на богатых и бедных, разрыв между которыми составляет десятки раз. Наиболее богатую часть, так называемой интеллектуальной элиты российского общества, составляют представители крупного бизнеса, политики, чиновники, бывшие криминальные авторитеты, «звезды эстрады», кино, СМИ, отдельные представители университетской, научной интеллигенции. Богатство достигнуто путем разграбления общенационального достояния. В нынешней власти тесно переплелись интересы политических структур и

крупного предпринимательства. Рост богатства одной, относительно небольшой части интеллигенции, сопровождался падением жизненного уровня основной ее массы.

Проведенный нами в первые годы реформ (1995 г.) анкетный опрос интеллигенции Бурятии (было опрошено около 900 человек) показал, что только 1% респондентов мог ни в чем себе не отказывать, тогда как у 62% денег от зарплаты до зарплаты не хватало. В конце 2011 г. эти показатели составили 3,5% и 33%. По-прежнему треть интеллигенции Бурятии – это бедные и нищие. Наибольшая доля тех, у кого «денег не хватает до зарплаты» – работники культуры и искусства, народного образования, специалисты сельского хозяйства. Широкие масштабы бедности, социальная и морально-психологическая униженность обесценили механизмы самоидентификации интеллигенции, существенно снизили ее статус и роль как референтной группы, традиционно выступавшей носителем высокой социальной ответственности, совестливости и образованности. Очевидно этим, если не полностью, но частично объясняется то, что на вопрос «Считаете ли Вы себя интеллигентом?» только 39,4% респондентов ответили положительно, 21,8% – отрицательно, 33,2% – затруднились ответить.

Снизилось непосредственное участие интеллигенции в системе политических отношений. По сравнению с советским периодом произошло еще большее отторжение ее от институтов власти, что привело к росту бюрократизации, криминализации политических структур. Абсолютное большинство представителей интеллигенции (независимо от ее национальности) не принимает никакого участия в политической жизни. Согласно социологическим исследованиям 2011 г., проведенным в Бурятии (было опрошено 995 интеллигентов), 50,4% респондентов ответили, что у них нет возможности влиять на политические события, 18,0% – политика их не интересует, 14,3% – в последнее время разочаровались в политике и перестали участвовать в ней. Итого 82,7%. Лишь 5,1% увидели возможность участия в политической жизни и начали в ней участвовать. 12,2% отметили, что они всегда принимали участие в общественно-политической жизни страны. Выборы все больше воспринимаются в качестве пустой формальности. Следовательно, интеллигенция (имеется в виду, прежде всего, периферийная) ныне находится на обочине политической жизни России. К тому же, традиционно многим ее представителям присуща сervilleность политического мышления.

Различия по отношению к власти, в возможностях адаптации к рыночным отношениям, а главное социальный раскол — привели к распаду интеллигенции на отдельные социальные группы с противоположными идеологическими и ценностными ориентациями, имеющими различные векторы и перспективы развития. Одна из них стала опорой или частью режима и олигархического капитала. Она ориентирована преимущественно прозападно. Ей чужды интересы народа. Она настроена на продолжение либеральных реформ. К ней примыкает часть интеллигенции, в той или иной степени разделяющая и защищающая либеральные ценности, работающая на современный политический режим, пропагандирующая его основные идейно-политические установки. К ним относятся сторонники Единой партии России и близких им партий — около 30%. Значительная часть интеллигенции не приемлет либеральных ценностей, выступает носителями или сторонниками левых, в том числе коммунистических взглядов. Они составляют примерно 25% интеллигенции. Велика часть интеллигенции, которая не идентифицирует себя с указанными группами, не определилась со своими идейно-политическими предпочтениями (она оставила данный вопрос без ответа). Она насчитывает 42,8% респондентов. Это в основном учителя, врачи, инженеры, другие представители массовых профессий интеллигенции. Вместе с тем, необходимо отметить, что основная масса интеллигенции весьма положительно оценивает период существования советской власти, как период большого или значительного прогресса. Только 10,6% респондентов указали, что в эти годы народ больше потерял, чем достиг. Историческими событиями, которые сыграли решающую положительную роль в развитии народа были названы вхождение Бурятии в состав России (57,2%), победа в Великой Отечественной войне (41,5%), образование Бурятской АССР в 1923 г. — 25,0%, избрание президентом России В.В. Путина, его деятельность — 21,9% и др. К наиболее отрицательным событиям в жизни народа отнесены приватизация государственной собственности (31,5%), перестройка 1985 г. под руководством М.С. Горбачева (26,9%), ликвидация колхозного строя (25,8%), распад СССР (23,6%).

Оценивая прошлое и настоящее интеллигенция в своей основной массе считает, что сегодня народ имеет больше возможностей для своего развития, чем в годы советской власти (55,5%). В качестве позитивных черт постсоветского пространства интеллигенция называет возможность быть хозяином своей судьбы — 21,8%, отсутствие политического и идеологического диктата — 21,5%, право свободно высказывать свои мысли — 19,7%, возможность бывать за границей — 18,9%, свободу творчества —

15,0%, возможность стать богатым, состоятельным – 6,3%. Исследования, проведенные в 1995 и 2011 г., показывают, что в структуре ценностных ориентаций части интеллигенции, особенно молодой, стала заметной амбивалентность ценностных позиций, своеобразный кентавризм – совмещение несовместимого – высоких идеалов и равнодушия, бескорыстия и алчности, добросовестности и теневых практик. Все очевидней становится приоритет экономического над культурным, интеллектуального над творческим, прагмы над идеалом. Ничего необъяснимого здесь нет. В обществе прагматизма и массовой культуры – благодарность, дружба, сочувствие – тускнеют, в значительной степени лишаются социального и культурного престижа. На вопрос анкеты «Что составляет для Вас смысл жизни?» 64,6% опрошенных интеллигентов ответили «создание и сохранение хорошей семьи», 33,9% – «финансовая независимость», 28,5% – «устроенный быт, комфорт». Что касается варианта ответа «служение идеалам добра, борьба за справедливость», то его подчеркнули только 8,2%. Это, разумеется, не означает, что интеллигенции нет, что она превратилась в интеллектуалов. Ей по-прежнему присущи общепризнанные духовно-нравственные качества – гуманизм, доброта, гражданственность и другие. Интеллигенция есть, но она претерпела некоторые изменения, возможно, она не во всем соответствует характерным чертам классической модели интеллигенции досоветского времени. У части интеллигенции произошло уменьшение морально-психологической нагрузки, многие идейно-нравственные константы российского интеллигента оказались в режиме переоценки. Но это не значит, что всю интеллигенцию захлестнула коммерциализация, что она превратилась в бездушных прагматиков, интеллектуалов. Мы убеждены в том, что абсолютное большинство учителей, врачей, инженеров, ученых, военных специалистов, библиотекарей, артистов и представителей многих других интеллектуальных профессий – это подлинные интеллигенты, люди, отдающие знания, силу, энергию народу, любящие свою Родину.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Толстых В. И. Об интеллигенции и интеллигенции // Вопросы философии. – 1982. – №10. С 83-98, Смоляков Л.Я. Социалистическая интеллигенция. – Киев, 1986, С. 150.
2. Барзилов Сергей, Чернышов Алексей. Самоидентификация российской интеллигенции // Свободная мысль. 2001. № 12. – С. 35.
3. В.С. Соловьев. Сочинения. В 2-х т. Т.2. «Чтения о бого-человечестве. Философская публицистика». М., 1989. – С. 7.
4. Попцов О. Литературная газета, 2010, 3-9 марта.

МОДЕРНИЗАЦИЯ *versus* НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Глобализационные и модернизационные процессы глубоко затронули ценностные основания идентификации людей. В периоды всеобъемлющих трансформаций идентичности как самотождественности, «символические самоопределенности» (С. Хантингтон) подвергаются серьезным испытаниям. Не случайно, сегодня все чаще говорят о таких явлениях, как «*identity crisis*» («кризис идентичности») или «*identity vacuum*» («вакуум идентичности»). Наиболее остро стоят вопросы самоидентификации народа, нации, государства, то есть этнической, национальной, государственной идентичности, что особенно актуально для стран постсоветского пространства. Бывшие советские республики в большинстве своем переживают кризис национальной идентичности, вызванный распадом СССР и необходимостью поиска новых оснований для своей общности.

Теория «модернизации», возникшая в 50-60-х гг. XX в. в лоне университетской науки США под влиянием работ Т. Парсонса и Р. Мертон, была создана американскими специалистами по странам «третьего мира» (С. Липсет, Ф. Ригтс, Д. Энтер, Р. Уарт, С. Хантингтон и др.) для объяснения происходящих там процессов, взрывающих традиционный порядок и способствующих переходу этих стран к индустриальному и демократическому обществу. Позднее данная теория была взята на вооружение США и другими западными государствами для обоснования их политики в отношении стран Азии, Африки, отчасти Латинской Америки. После исторического поражения коммунизма и распада СССР объектами изучения теории модернизации стали и постсоветские республики.

Модернизация (франц. *modernization* – обновление) в историческом значении – это макропроцесс перехода от традиционного общества к современному, от аграрного – к индустриальному, процесс полной или частичной реконструкции общественной системы с целью ускорения развития. Модернизированное общество имеет комплекс взаимосвязанных черт, которые часто рассматриваются как отдельные процессы экономической, политической, социальной и культурной модернизации.

Заметим, что происходящая в истории смена способов производства, форм правления, типов мировоззрения, если, она, естественно, никем заранее не планируется, будучи развитием, не может считаться модерниза-

цией. Так, реформы, проводимые на Западе (например, кейнсианская), не были модернизацией, поскольку не требовали от западного человека отказа от его идентичности. Они могли испытывать на себе влияние разных идеологий — от либеральной до социал-демократической или консервативной — но не подрывали у людей их западной самоидентификации [1].

Различают два основных типа модернизации — органическую и неорганическую. Органическая модернизация подготавливается внутренней эволюцией общества, происходит благодаря ресурсам собственного развития и начинается не с экономики, а с изменений культуры, общественного сознания, ментальности, мировоззрения. Например, переход Англии от феодализма к капитализму в результате промышленной революции XVIII в. Капитализм в этом случае предстал естественным следствием изменений у традициях, ориентациях, мыслях людей. Органической модернизации свойственны имманентные закономерности и творческий поиск путей усовершенствования политической, экономической, культурной и социальной жизни общества, а развитие происходит у форме непрерывного эволюционного, реформационного процесса.

Неорганическая модернизация обусловлена не внутренними, а внешними факторами и является ответом на вызов со стороны более развитых стран. Она начинается не в сфере культуры, а в экономике и/или политике и осуществляется преимущественно под влиянием заимствования чужих технологий и форм организации производства и общества, привлечения инвестиций, приглашения иностранных специалистов, обучение кадров за границей. Итогом ее есть не столько совокупность качественных изменений общества, сколько усвоение технологических достижений Запада. Неорганическая модернизация является своеобразной реакцией на достижения развитых стран, формой «догоняющего развития» с целью преодоления исторического отставания и характеризуется неравномерностью изменений в экономике, политике, культуре, социальных отношениях. Например, Россия неоднократно пыталась догнать развитые страны (петровские реформы XVIII в., индустриальная модернизация 30-50-х гг. XX в., перестройка 1985 г.).

В любом случае модернизация процесс вторичный, как бы повторяющий, копирующий сделанный кем-то первоначальный ход. Не каждая модернизация инновационна по своей сути: большинство индустриальных модернизаций в XIX-XX веках носили догоняющий характер и были направлены на достижение уровня технологического и экономического развития стран-лидеров. Но каждая модернизация имеет четкое ограничение во времени, проектную логику и определенного субъекта и выгодоприобретателя.

Существуют два основных подхода, в контексте которых воспринимается и оценивается процесс модернизации: линейно-стадиональный или формационный и цивилизационный. У контексте первого подхода модернизация рассматривается как переход от традиционного, административно-командного общества к современному, либерально-демократическому, а согласно второго, модернизация – это спектр возможных изменений и которые в историческом смысле равноправны, уже хотя б по праву своей возможности быть. Модернизация, взятая во временном измерении, постаёт как переход от наличного существующего социокультурного состояния к другому. То есть, определены универсальным линейным развитием или «избранные» формы бытия осознаются как что-то гарантированное. То, что мы куда-то движемся – факт, только неизвестно, станет ли фактом то, что мы куда-то придем и придем ли вообще. Переход, как возможная смена форм и способов бытия, не гарантирует самого бытия. Он ставит его под вопрос, поскольку в самом механизме перехода они «сходятся» в своей непосредственности, а, значит, теряется гарантированность осуществления бытием, что может обернуться потерей идентичности [2].

Считается, что развитые промышленные страны уже апробировали определенную модель перехода от традиционного общества к современному, постмодерному. В соответствии с этим выделяют «передовые», «прогрессивные» общества, и те, кто им подражает, а саму модернизацию рассматривают как взаимодействие цивилизаций, осознанное копирование западных обществ, выступающих в качестве «стран-образцов», а иногда – как синоним вестернизации или американизации. Социокультурная ситуация современного мира характеризуется наличием силового модернизационного поля, которое притягивает и подталкивает другие страны к западной, либерально-демократической модели общественного развития. Заметим, что в новейших теориях мера такого наследования уже не рассматривается как полное копирование опыта Запада, но определяется осуществлением ряда обязательных мероприятий при сохранении весомой национальной специфики.

Результаты модернизационных процессов в этих странах свидетельствуют, что догоняющая модель иногда способствует закреплению подчиненного положения незападных стран на мировом рынке, приводит к разрушению традиционных ценностей без полноценной замены их новыми, подрыве социокультурной основы общества. А ведь именно традиционные ценности, культура на протяжении всей истории человечества представляют собой не только основу национальной, социокультурной идентичности, но и своего рода «матрицу» для социальных трансформаций.

Практическая несостоятельность данного подхода привела к необходимости переосмысления теорий модернизации, основанных на идее универсализма и приоритета западной модели. В итоге уже в 70-90-е годы XX столетия концепции развития и модернизации были пересмотрены. Более детально стали исследоваться конкретные модернизационные процессы с учетом специфических исторических и национальных условий, культурного своеобразия стран. Приоритетной целью модернизации было названо изменение социально-экономических и политических структур, которое могло бы проводиться и вне западной модели. Появляются концепции «частичной модернизации», «тупиковой модернизации», «кризисного синдрома модернизации». В рамках этих концепций не отрицается универсальность общественного и политического развития. Вместе с тем принцип универсализма сочетается с партикуляризмом, а их органичный синтез рассматривается как залог успеха модернизационного процесса.

Российский исследователь проблем модернизации В. Межуев, указывая на главный изъян модернизации – ее репрессивный и унижающий национальное достоинство характер, считает, что модернизация исчерпала себя не только по форме, но и по существу – как способ перехода от традиционного общества к современному. Ведь современность отождествляется в ней с индустриальной фазой общественного развития, а сегодня эта фаза сменяется другой, как бы ее ни называть – постиндустриализмом, информационализмом, глобализмом и пр. Мир переживает переход к тому, что имеет много названий, но пока не получило однозначного определения. Но ясно одно: этот переход сопровождается кризисом всех форм идентичности, известных до сих пор, кризисом всех модернизаторских идеологий эпохи индустриализма – от либеральной до социалистической. С какой системой идей и ценностей вынужден будет идентифицировать себя человек эпохи постмодерна (или позднего модерна) – вопрос открытый и не имеющий пока общепризнанного решения [1].

Поскольку процесс модернизации не произошёл одновременно во всех странах, то вследствие этого учёные говорят о лидирующих странах и странах с догоняющим типом модернизации. Обычно догоняющая модернизация создает анклавов современной жизни, например крупные города, подобные Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро в Бразилии, Москве и Санкт-Петербургу в России, существенно отличающиеся от провинции и образом жизни, и состоянием сознания. Такая анклавная модернизация, ломая традицию, ставит общество перед отсутствием перспективы. Она

создает очевидное неравенство, обещая равные шансы (чего не делало традиционное общество), но поскольку реально эти шансы не для всех, то растет социальное недовольство.

Неудивительно, что даже в странах первого эшелона модернизации прослеживается тенденция к реставрации историко-этнических символов, местных традиций и культурных особенностей. Для многих они становятся неотъемлемыми чертами индивидуальной и групповой идентичности, «гарантами» ее устойчивости. Так, неотъемлемой составляющей «экономического чуда на реке Хан» – успешности модернизационной модели Республики Корея – явилось воплощение конфуцианских ценностей, которые, в частности, определяют: корпоративный подход к любым проблемам и консенсус при выработке практических решений; традиционно почтительное отношение к институтам власти; усилия по поддержанию порядка и гармонии в обществе; чрезвычайно важная роль семьи и других социальных сообществ; самодисциплина и приоритет коллективных интересов над собственными; исключительно важная роль образования; уважение к старшим и тому подобное. Невзирая на форму политического режима, периоды экономической отсталости, экономическую и внешнеполитическую зависимость, корейцам удалось сохранить такие черты, как патриотизм и национальная гордость.

Проблемы стран, ставших на путь самостоятельного развития, состоят в том, чтобы эффективнее, экономичнее и рациональнее применить модернизационную модель, перенести ее на национальную почву за счет сочетания собственных традиций и ресурсов и определенной внешней помощи. Теперь «эталонный» подход к модернизации вытеснен взглядом на модернизацию как национальный проект, осуществляемый странами ради уменьшения неравномерности уровней развития и как средство преодоления исторического отставания. Общая тенденция состоит в замене политико-центричной модели на культуроцентричную, развивающую идею модернизации с опорой на собственные традиции и ценности. В. Федотова предлагает называть ее постмодернизацией, которая, как она справедливо полагает, не снимает противоречия институционального и культурного (ценностного) в ходе ее проведения [3].

Глобализация и модернизация обусловили во всем мире процесс преобразования ценностных оснований идентичности, они снижают способность, как отдельных общностей, так и индивидов к сохранению базовых ценностей. Российский ученый Л. Блохин, исследуя традиционные социальные системы на примере стран Западной Африки, отмечает: «До-

статочно долгое время считалось самоочевидным, что требования модернизации состоят в замене традиционных социально-экономических структур и технических средств теми, которые сложились и используются в Европе». Отвечая на вопрос «Что такое модернизация?», ученый раскрывает ее сущность следующим образом: «Модернизация – это не просто изменения, отвечающие современным требованиям, а изменения, диктуемые извне, со стороны внешней среды, поскольку изменения, вызванные внутренними причинами, называют развитием». То есть при насильственной модернизации или ситуации, которая диктует модернизацию, происходят грубые изменения матрицы культуры [4].

В результате противоречия процессов модернизации оказались противоречиями имитации и подражания опыту Запада. Вместо модернизированности наблюдается распад национальной традиционной культуры и неспособность сформировать новую, а процесс модернизации аграрных обществ имел поверхностный и анклавный характер. Заявленные цели не были достигнуты, а стратегия догоняющей модернизации оказалась неэффективной во многом из-за того, что сущность этого процесса осталась за пределами теоретической рефлексии, уступив место редукционизму.

Провал первого, а потом и второго десятилетий программ развития, провозглашенных ООН, был (хотя это далеко не всеми еще осознано) закономерным результатом губительной стратегии модернизации, направленной на разрушение традиционных социально-культурных структур, которые рассматриваются как препятствие развитию настоящей модернизации. Не удивительно, что разрушение таких структур, а вместе с ними и природных экосистем, с которыми они теснейшим образом связаны, происходит тем быстрее, чем более масштабной была такая помощь, считает Л. Блохин. В условиях тропиков существует свой проверенный временем код адаптации, поэтому «Африка должна идти своим путем».

Любые модернизационные преобразования предполагают учет социокультурных особенностей трансформирующегося общества. Под влиянием глобализации и модернизационных процессов идентичность либо изменяется, либо набирает новых оттенков, не свойственных данной культуре. Говоря об изменениях в современной Японии, российский японовед В. Рамзес акцентирует внимание на их негативном влиянии на моральные ценности японцев, выступающих как интегрирующее начало для общества и его институтов. Модернизационные процессы все больше усиливают их «эрозию», что наблюдается на всех уровнях – на семейном, на уровне фирм и на общегосударственном. Как следствие в японском обществе на-

чался процесс ухода от традиционного уклада на всех социальных уровнях. Так, на семейном уровне наблюдается постепенное нивелирование полномочий мужчины как главы семейства; укрепление статуса женщины; смягчение начальственного тона родителей относительно детей; снижение желания наследников смотреть за старыми родственниками. На уровне фирмы наблюдается деградация патриархальности быта в фирме по мере вхождения системы пожизненного найма и платы за возраст; угасание чувства фанатической преданности персонала к компании-наемнику; возрастание мобильности работников как свободных агентов рынка. Что же касается общегосударственного уровня, то здесь наблюдается распространение скептического отношения граждан к перспективам страны, то есть снижается национальная амбициозность. К тому же отмечается, что возрастающая зависимость от информатизации порождает явление «атомизации» в обществе, вследствие чего видится возможным против воли самых японцев постепенное «растворение» моральных ценностей, потеря чувства принадлежности к единой нации [5]. Это при том, что неорганическая модернизация в Японии за краткое время трансформировалась в органическую.

Очевидно, что изменения идентичности обусловлены социальными изменениями, направление которых определяется противоречиями между потребностями в универсальных глобальных ценностях и требованием сохранить самобытность, что можно классифицировать как столкновение идентичностей. Изменения традиционного уклада, потеря и приобретение новых идентичностей становятся причиной кризисных явлений для национальной и культурной идентичности, границы которых также претерпевают изменения вследствие модернизационных процессов.

С провозглашением независимости перед Украиной открылись широкие возможности для всеохватывающей модернизации ее общества с учетом мирового опыта и реализации собственного социокультурного потенциала. В послании к Верховной Раде Украины Президент Украины В. Янукович осуществление системной модернизации всего комплекса отношений и институтов – государства, экономики, общества назвал стратегическим направлением, интегральной характеристикой всех изменений и реформ [6]. Модернизация для Украины встает не только как задача социокультурных и политико-экономических реформ соответственно вызовам времени, но и как ряд нерешенных проблем, связанных с поисками национальной идентичности. При этом вопрос ставится не только в плоскости «Кто мы есть?», но и в аспекте «Будем ли мы у своей тожде-

ственности вообще?». Ведь за двадцать лет независимости украинцы так и не решили проблемы собственной идентичности. А ведь энергетика государства определяется, прежде всего, энергетикой нации.

С достижениями определенного стартового уровня для модернизации, Украина вследствие разрыва между желаемыми последствиями изменений и реальными их результатами, оказалась в ситуации, известной в науке как «синдром модернизации». Речь идет прежде всего о противоречиях политики догоняющей модернизации. Если процесс либерализации экономики является системным звеном мирового экономического процесса, а поэтому не исключает элементов глобальной стандартизации, то модернизация общества предусматривает принципиально иную конфигурацию реформ. Модернизированное общество возможно лишь тогда, когда оно утверждается на собственной основе, опирается на национальную идентичность, духовные и культурные ценности своего народа, реализует основной принцип – «быть самим собой».

В этой связи четко вырисовываются три позиции. Во-первых, движение общества по заранее заданной траектории, за наработанными кем-то и навязанными извне схемами и моделями противоречит целям возрождения национальной идентичности, утверждения собственного «Я», ведет к интеллектуальной деградации общества, опустошению личности. Человечество перестает быть субъектом здравого смысла, его общественные ожидания и оценочные суждения строятся не на основе собственных опущений и реального опыта, а лишь путем механического сопоставления, безальтернативной аксиомы: мол, «а у них это делается по-другому...».

Во-вторых, на основе идеологии и принципов догоняющей модернизации деформируется политическая система общества, она становится односторонне ориентированной. Создается ситуация «придушенного плюрализма», тогда как действительный плюрализм взглядов как основа демократии практически исключается. Односторонне, искаженно интерпретируется историческая миссия народа, его роль в определении судьбы своей страны, в процессах государственного строительства. В такой ситуации народ как основной субъект общественного прогресса уже не может считаться носителем своей истории. Трансформационный процесс все более и более выступает не столько способом самореализации народа, жизнью народа в его собственной истории с ее коллизиями и противоречиями, сколько механическим воплощением заимствованных ценностей.

В-третьих, следствием идеологии догоняющей модернизации становится деградация реформаторской элиты. Стремясь любой ценой утвер-

дять в собственной стране чужие стандарты (западные или восточные, не имеет значения), она денационализируется, становится космополитической, виртуальной. Непоследовательность украинской национально-демократической элиты объясняется в значительной мере именно этим. Представители нашей элиты живут в Украине – и вроде бы не живут в ней. Прикрываясь громкими фразами реформаторства, они на деле превратились в проводников воли доноров, в послушных первоклассников, которые воспринимают все рекомендации извне за чистую монету. Отсюда настойчивое желание сменить свою идентичность, уподобиться тем, кто служит для нее образцом. Свою общественную миссию украинский правящий класс видит в том, чтобы внедрить заимствованную извне новую идентичность в сознание масс. Собственно, это и есть, по его мнению, модернизация [7].

Необходимо осознать, что проблемы, перед решением которых оставилась Украина в своем развитии, не сводятся исключительно к экономическим. Это проблемы более системного порядка – проблемы несформированности украинского общества. Экономические преобразования теряют какой-либо смысл, если они не связываются с системным обновлением общества в целом. Модернизируя экономику, мы тем самым модернизируем и общество – таким должно быть основное кредо провозглашенной ныне политики реформ. Не уменьшая значение задач экономического развития, все же считаем, что реформирование экономических отношений, обеспечение их стабильно сбалансированной динамики, как и придание принципиально новых импульсов социальным преобразованиям, возможны лишь на качественно новой основе – на основе мировоззренческой консолидации украинского общества, его осовременивания, модернизации, утверждения либеральных ценностей развития и демократии. Иных путей системной модернизации украинского общества не существует.

Основные задачи украинской модернизации лежат вовсе не в технологической сфере и заключаются отнюдь не в компьютеризации школ, не в строительстве разнообразных «биоагроэкополисов» и даже не в ускоренном развитии нанотехнологий. Главное назначение украинской модернизации – это создание современного общества, современных социальных институтов и инфраструктуры, восстановление сознания своей «современности», формирование гражданина-патриота с инновационным мировоззрением, мышлением, культурой. Результирующая цель модернизации – обеспечение конкурентоспособности Украины как государства и нации.

Реформы должны оправдываться естественным желанием украинцев что-то изменить, улучшить, усовершенствовать в своей жизни, оставаясь при этом самими собой, сохраняя свою самобытность, а вместе с тем и стремлением стать во многом другими, избавиться от чувства своей ущербности и неполноценности, возникающего при сравнении с другими, развитыми, странами и народами. Понятно, что реформы, идущие вразрез с образом жизни и менталитетом украинцев, будут носить только принудительный характер.

Акцентируем внимание на этом, чтобы подчеркнуть органическую связь четырех взаимосвязанных процессов: 1) выработка национальной идеи, которая должна заполнить существующий мировоззренческий вакуум и стать способом решения экзистенциальных вопросов существования украинской нации, важнейшей основой консолидации украинского общества, придать ему новых импульсов самоутверждения; 2) формирование дееспособной, конструктивной в своих стремлениях национальной элиты. Она должна опираться, прежде всего, на исторические достижения и устремления украинского народа, на духовную суверенность нации, ее извечные идеалы; 3) развитие и рост экономики должны определяться креативным потенциалом общества. Общество – это, прежде всего, духовное единение людей на уровне мировоззренческих ценностей, общего видения перспективы. Это построенная на доверии система устойчивых социально-коммуникационных связей и, наконец, способность создавать максимально благоприятные условия самореализации энергетических возможностей каждой личности и нации в целом; 4) осуществление инновационной модернизации, под которой мы понимаем продуктивное скачкообразное технологическое, хозяйственное, социально-политическое и гуманитарное обновление украинского общества и украинцев на основе модели опережающего, а не догоняющего развития, на основе проактивной и инициативной стратегии, а не реактивной тактики.

Сегодняшний исторический момент не оставляет украинскому обществу иных вариантов, кроме как стремиться к реализации именно этого проекта. Нужно прекратить неуправляемые процессы десоверенизации, бегство пассионарных элит вместе с большинством граждан во внешнюю и внутреннюю эмиграцию. Псевдомодемократизация, осязаемое падение уровня образования, манипуляции с собственной историей, коррупция и проблемы верховенства права могут не оставить нам шансов на европейский «модернизационный рывок».

В своих модернизационных устремлениях Украина не противостоит ни Европе, ни России. В действительности она противостоит возможнос-

ти собственного небытия, своего социокультурного «угасания». Интеграция Украины в Европу — это не просто стратегическая цель, а значительно больше — это воссоздание нашей идентичности, возвращение собственного «Я», это основа нашей суверенности и независимости. Но нужно помнить, что евроинтеграция — это не только желание стать членом ЕС, а прежде всего трансформация украинского общества на европейских началах и ценностях.

Отождествление модернизации с вестернизацией, т. е. развития по западным образцам, или тезис о принципиальной непригодности для Украины как культуры модернизировать, так и всего опыта западного развития, часто мешает снять идеологические шоры и взглянуть на проблему развития Украины критическим взглядом, позволяющем сформулировать новые альтернативы, подчеркивающие самобытность культуры Украины и ее значение для мировой цивилизации, новую философию постмодернизации в целом. Это означает отказ от ложных альтернатив изоляционизма или слияния с Западом и предполагает опору на собственные силы, эндогенные предпосылки модернизации.

Переориентация интересов и целей политики модернизации с вестернизации на национальные ценности, развитие духовности и есть единственный способ возвращения в современность, обретения идентичности, соответствующей реалиям глобализирующегося мира. Успешная инновационная модернизация прорывного (недогоняющего) типа на основе широкой солидарности и баланса сил — между властью, амбициозными группами населения, включая представителей бизнеса, и народом, проводимая с опорой на этические нормы и «миростроительные» ценности восточнохристианской цивилизации, способна стать вкладом Украины в теорию и практику современного развития, а также может оказаться важнейшей предпосылкой для «украинского чуда» — трамплином в сообщество — если не лидеров развития, то хотя бы не-аутсайдеров. Ведь на исторических изломах лидерство может перехватить тот, кто станет проектантом и «дизайнером» общемирового будущего, кто первым заявит новые смыслы и ценности начинающейся эпохи [8]. Не повторять и копировать то, что уже пройдено другими, а вместе с ними участвовать в создании нового мира — лишь только так можно преодолеть поразивший нас кризис и наверстать упущенное, заявить о себе как о развитой стране XXI века и сохранить себя в глобальном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Межуев В. М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации / В. М. Межуев // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» – 2009. – №1 – Философия. Политология.
2. Зайцев М.О. Модернізація і проблеми національної ідентичності // Україна в контексті євроінтеграції: Матеріали Міжнародної науково-теоретичної конференції. – Наукове видання. – Суми: Вид-во СумДУ, 2005. – С.64-65.
3. Федотова В. Г. Плюсы и минусы модели «догоняющей модернизации» // Модернизация и национальные культуры / В. Г. Федотова. – М.: Горбачев-фонд, 1995. – С. 65-70.
4. Блохин Л.Ф. Традиционные экосоциальные системы как основа устойчивого развития в тропиках (на примере Западной Африки) / Л. Ф Блохин // Человек: образ и сущность (гуманитарные аспекты). Биосфера, ноосфера и экология. Ежегодник ИНИОН РАН. – М., 1999. – С. 44-66.
5. Рамзес В. Глобализация стучится в дверь // Япония: собрание очерков «вслед за кистью» (дзуйхицу). – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – С.35-36.
6. Янукович В. Ф. Модернізація України – наш стратегічний вибір. Щорічне послання Президента України до Верховної Ради України від 7 квітня 2011 року // Время регионов. Всеукраинская газета. – 2011. – № 13 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.partyofregions.ua>
7. Гальчинський А. С. Лібералізм: уроки для України: наук.-попул. есе. – К.: Либідь, 2011. – С. 161.
8. Окара А. Н. Новая идея для новой Украины // День. – 2010. – 9 июня. – С.4.

Гжегож Качиньский
(Щецин)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. АКТУАЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ НАРОДА ФЛОРИАНА ЗНАНЕЦКОГО

До недавнего времени какая-либо дискуссия о формировании современной национальной идентичности носила характер чисто софистический, можно сказать – интеллектуально компрометирующий. На это повлияло несколько причин, которые можно обобщить до двух основных.

Первая возникла из убеждения, что национальное государство является воплощением национализма – главного источника трагедий конца XIX века и – по определению Э. Хобсбаума – «короткого» XX века. Таким образом, Э. Хобсбаум хотел обозначить трагизм ушедшего столетия –

начиная с Первой мировой войны – как результат националистических идеологий. Похожее утверждение является лейтмотивом напумевшей книги Эрнеста Геллнера о нациях и национализме, впервые опубликованной в 1983 году. По его мнению, национальное государство было воплощением националистических лозунгов: «этнические границы не должны пересекаться с политическими, а, прежде всего, этнические (...) не должны отделять правителей от остальных граждан» [1]. По словам автора, получается, что сосредоточение политики государства на проблемах нации, будучи главной целью национализма, оригинальным и до XIX века несуществующим способом объединило идею политической суверенности с проблемой этничности, или – в более широком плане – с вопросом культурной идентичности. То есть, согласно позиции Геллнера, это народ является результатом политики национализма, а не наоборот. Есть и иное видение – национальное государство стало «политической крышей» национально-этнической общины [2]. По мнению Илидио до Амарала, «события после 1918 г. (...) стали причиной банкротства идеи формирования собственного государства каждым этносом в Европе» [3].

Однако стоит отметить, что – прежде всего – нельзя идентифицировать национализм с процессом нароодообразования, существование которого – и, это, во-вторых – несложно проследить уже в средневековой Европе, как раз тогда, когда – как заметил Стефан Чарновский – начал формироваться культ героев, позже перешедший в культ национальных героев [4]. Ежи Шацкий использует метафору, которая, вероятно, наиболее лапидарно отвечает на тезис Геллнера: «Народ (...) это спящая красавица, которую пробуждает к жизни поцелуй национализма, а не что-то иное, произведенное из ничего неизвестной человеческой силой» [5].

Кроме того, стоит заметить, что процесс, который можно назвать народообразующим и который все более широко укоренился в политическом и моральном плане как «право самоопределения народов», дал начало двум тенденциям: *восходящей и нисходящей*. Восходящая тенденция связана с теми формациями национального государства, которые сформировались в результате движений за независимость существующих национальных сообществ в границах более крупных политических образований. Примером могут служить Польша и Ирландия. Нисходящая тенденция проявляется везде, где в границах государственной формации государственное общество переформировалось в национальное. Например, постколониальные страны Африки или территории бывших республик Советского Союза. В обоих случаях мы имеем дело с процессом конст-

руирования символических репрезентаций, главной задачей которых является стабилизация национальной идентичности (национального сознания); этот процесс отражает стремление к созданию собственной традиции, в которой главная роль отведена интеллигенции, представляющей разные профессии и социальные категории в зависимости от политического и культурного контекста.

Вторая причина отсутствия интереса к дискуссии о формировании современной национальной идентичности была обусловлена социально-политическим контекстом, характеризующимся *вертикальным* социально-политическим расслоением, а также сильными интеграционными процессами – как, например, в случае Европейского Союза. Вертикальное расслоение является эффектом экономического либерализма, который стоит у основания так называемой новой экономики и социального плюрализма, предполагающих игнорирование государственных границ. Глобализация привела к «великой войне за территориальную независимость» [6], в которой нет места для национального и государственного сознания, так как привязанность к локальным ценностям и компетенциям (ограниченное знание правил международного рынка, слабая тенденция к социальной мобильности, отсутствие ментальной открытости на чужое и т.д.) мешает активно участвовать в глобальной реальности. Политические процессы привели к тому, что – как показывает пример Евросоюза – состояние национальных государств во всё большей степени зависит от международных, или даже транснациональных учреждений и организаций. Национальные государства принуждены к тому, чтобы делиться собственной суверенностью и репрезентативностью власти в пользу интеграции, что ведёт к ослаблению внутренних связей и национальной идентичности.

Хотя перечисленные причины всё еще актуальны, в настоящее время заметны явления, заставляющие усомниться в утверждении о деградации идентичности и национальных государств. Особенно после 1989 года, символизирующего конец коммунистических режимов в Европе. «На разные политические мачты, – как замечает Славомир Совиньский – начали с гордостью вешать национальные флаги, а проблема национальной идентичности вернулась в общественные и политические споры» [7]. Этот процесс, как видно из хроники политических событий, относится не только к посткоммунистическому региону, он касается также либеральных и демократических стран Западной Европы (например, движение ИРА в Северной Ирландии, баскийское движение ЭТА в Испании и

Франции, каталонцы в Испании, валлоны и фламандцы в Бельгии, Ломбардская лига в Италии, греко-турецкий конфликт на Кипре и т.д.). И, как мы знаем, не только в Европе, например проблема Квебека в Канаде.

Этническое и национальное возрождение, *revival* является ярким примером горизонтального расслоения, которое разрушает политическую целостность, лишённую грунта национальной идентичности. Несмотря на оптимистические интеграционные прогнозы, миграционные движения, опирающиеся на универсальные ценности и идею мультикультурного общества, усиливают этот процесс; оказывается, иммигранты не склонны принимать культурных образцов «нового общества». Напротив, они сохраняют и культивируют ценности культуры «общества происхождения», создавая социально-культурные ниши и гетто, в которых вырастает новое поколение, «второе поколение иммигрантов», характеризующихся негативным отношением к обществу, в котором им приходится жить. В этом смысле исламский терроризм надо рассматривать как форму национализма.

Майкл Манн считает, что «западноевропейское ослабление национальных государств слабо выражено, происходит *ad hoc*, неравномерно и уникально», что «национальное государство (...) нигде не находится в состоянии общей деградации. Оно по своему развивается» [8]. Исая Берлин в 80-е годы отмечал, что народ и национальное государство на границе XX и XXI веков окажутся «проигнорированной силой» [7]. В настоящее время нельзя не согласиться с утверждением, что так называемая европейская идентичность, несмотря на интенции и политическую индоктринацию брюссельских технократов, не может заменить национальной идентичности как основного определителя культурной и политической принадлежности. И это касается не только Европы. Поэтому конец XX века отличается увеличением интереса к вопросу национальности и нации в Европе и США.

Действительно, актуальную социально-политическую реальность формируют две, практически эндемические, тенденции: сужение связи, опирающейся на демократии и расширение национального самосознания. То есть, нельзя представить «современную демократию без нации... Какую-либо не или транснациональную демократию» [7, Р. 46]. Это также означает, что «национальная аффилиация» [9] оказывается всё ещё, а может даже ещё более — действенной не только в нашей цивилизации, но и в цивилизациях неевропейских. Она не исключает другого рода аффилиации, связности культурной, социальной или политической природы, ко-

торые, можно сказать, носят характер скорее комплементарный, чем альтернативный. Современное чувство национальных связей и, на их основе, национальной идентичности не исключает и не тормозит плюралистических тенденций современных государственных обществ.

С этой точки зрения книга Флориана Знанецкого *Современные национальности* (*Modern Nationalities. A Sociological Study of How Nationalities Evolve*), изданная в США в 1952 году [10] и ставшая последним трудом его жизни, является текстом, предвосхищающим актуальную дискуссию о роли и позиции современных наций, народообразующих процессов и национализма. Именно так стоит понимать описанную выше позицию Э. Геллнера, даже если не принимать его главной тезы; он, спустя тридцать лет, затрагивает те самые вопросы, которые рассматривает Ф. Знанецкий. Книга Ф. Знанецкого – это не только своеобразное пособие по социологии национальных культур, но также произведение, в котором он произвёл тщательный анализ процессов формирования, организации и развития народов – в диахронической и синхронической перспективе – а также связанных с этим, актуальных в наше время конфликтов и межкультурного сотрудничества. «Как можно предотвратить вооружённые конфликты между народами?» – так звучит название одного из параграфов пятого раздела, названного «Главные источники конфликтов между народами».

Стоит также подчеркнуть, что тему народа в *Современных национальностях* Ф. Знанецкий начал уже в своих более ранних работах [11, 12, 18], в которых уже начинается складываться культурологическая теория народа. Эта теория отличается последовательностью на фоне других социологических конструкций [10; XLIX]. По мнению Ф. Знанецкого, народ основывает своё существование на осознанном участии в поддержке и развитии общего культурного фонда [10, Р. 396]. Таким образом, народ – это феномен культурный *par excellence*, а это означает, что его можно определить как социальную группу, основанную по принципу «культурного права интеграции» в отличие от характерного для государства «политического права интеграции». Таким образом, Ф. Знанецкий был противником *политической трактовки*, согласно которой народ идентифицируется с государством. То есть, он был против концепции *государства-народа* как неразрывной социальной группы. «Солидарное сообщество, состоящее из сотен и даже миллионов людей, участвующих в общей культуре, может существовать длительное время без общей политической власти» [10, Р. 367]. Стоит, однако, заметить, что с этой точки зрения позиция Ф. Знанецкого в контексте польской мысли не отличалась

оригинальностью, так как, именно, альтернативное понимание категорий «народа» и «государства» её выделяло на фоне современной европейской исторической мысли. Сильное влияние на такой подход оказал исторический опыт *безгосударственности* польского народа, что Ф. Знанецкий подавал как яркий пример своей тезы. «В Польше нет необходимости акцентировать тот факт, что нация может так же независимо существовать без государства, как и государство без нации (...)» [10, Р. 367].

Культурологическая концепция народа Ф. Знанецкого интегрально связана с мыслью о том, что народ – это культурная группа, отличающаяся *особенной социальной организацией*. Эта особенность является эффектом социального процесса, в котором национальность формируется как народ «по принципу первенства, а не власти. (...) Удерживание обособленности и единства группы (...) происходит благодаря организациям культурных лидеров, функционирующих в основном благодаря письменности и печати – средствам распространения и увековечивания национальных ценностей» [10, Р. 368]. В результате этого процесса нация, в которой культурная элита играет роль *интеграционного фермента*, формируется вне политической структуры, вне государства, а иногда даже как его противопоставление, вопреки общим тезисам западных авторов, утверждающих, что государство – это единственная организационная структура нации. Поэтому «государственная группа, выделенная по принципу территориальной обособленности, не имеет ничего общего с национальной группой ни с точки зрения состава, ни с точки зрения структуры» [12, Р. 399]. В социологической теории Ф. Знанецкого народ представляет собой *единство культуры*, основанной на *солидарности* и *социальной организации* [10, Р. 33-34]. Все перечисленные выше теоретические элементы привели к тому, что автор *Современных национальностей* чаще использовал термин «общество национальной культуры», чем понятие «народ».

Таким образом, элитический подход стал второй аксиомой социологии народа Ф. Знанецкого. Этот подход напоминает идею Платона о правлении философов, постулат Демокрита о лидерской роли мудрой элиты (он считал, что глупым не подобает управлять умными) и социологические теории элит Вилфредо Парето и Газтано Моски. Однако сходство этих концепций с элитизмом Ф. Знанецкого носит исключительно внешний характер. Перечисленные теории связаны с областью власти и управления, то есть выражают элитизм политический в отличие от культурного элитизма автора *Современных национальностей*. Ф. Знанецкий

даёт пространное определение культурных лидеров, включая в их состав представителей разных слоев общества, которых в целом можно определить как *интеллигенция*. Несмотря на то, что Ф. Знанецкий редко пользовался именно этим понятием, его субституты с социологической точки зрения значили то же самое. Понятно то, что значение слова *интеллигенция* всегда зависело и зависит от контекста. В своё время Карл Маннгейм заметил, что «Проблематика социологии интеллигенции находится на этапе начальных исследований, хотя ей посвящено уже немало усилий» [13]. Замечание К. Маннгейма, пожалуй, всё ещё актуально. Юзеф Халасинский считал, что «Традиционную категорию «интеллигент» заменили категории профессиональные. Интеллигенция из социального слоя превратилась в собрание профессиональных категорий» [14]; что «культурный человек» как идеальный тип интеллигента должен быть заменён «человеком просвещённым» [15]. Несмотря на то, что это утверждение сформировалось в *патологическом* социальном контексте, Ю. Халасинский не далеко отошёл от концепции своего учителя. Если оставить типично польское различие между человеком культурным и просвещённым, видно, что Ф. Знанецкий трактовал интеллигенцию не как социальный слой, а как собрание представителей разных профессий, связанных со сферой культуры, отличающихся такими качествами, как креативность (творчество) и альтруизм. Уже в 1921, в *Upadku cywilizacji zachodniej* Ю. Халасинский писал: «лидерство становится делом профессиональным и должно быть стабилизировано и организовано социальными учреждениями. Во всех областях культурной жизни формируются лидерские классы, объединённые общими объективными интересами. Их задачей является сохранение накопленного богатства культурных ценностей, развитие новых идеалов с помощью планируемого или подготовленного сотрудничества, а также вербовка пассивного большинства общества для служения этим идеалам» [Znaniecki, 1991, 945-946].

Говоря о «вербовке пассивного большинства», Ф. Знанецкий исходил из того, что «большинство более способно к имитации, чем к проявлению инициативы», и что культура и цивилизация являются «творением небольшого меньшинства», роль которого основывается на создании и проталкивании новых идеалов пассивным массам и на поощрении их к имитации. Похожую мысль лаконично, хотя и несколько категорично выразила Симона Вейль: «Коллективы вообще не думают» [цит. по: 16, 23]. Общество без интеллигенции, интеллектуалов и представителей *высокой культуры* в целом было бы массой индивидуумов преследующих похо-

жие, но исключительно индивидуальные цели, о чём писали также Карл Маннгейм и Герхард Шчесны [17].

В *Upadku cywilizacji zachodniej* Ф. Знанецкий ввёл для определения группы культурных лидеров понятие «умственной аристократии», в отличие от «аристократии паразитирующей». «Это собрание личностей лидирующих в данной эпохе и в данном обществе» [18, 946-947]. В *Современных национальностях* Ф. Знанецкий уже не вернулся к этому понятию; описывая инициаторов развития национально-культурных сообществ, он перечисляет категории и общественные профессии культурных лидеров, которые включают в себя социальное разнообразие интеллигентской среды. Среди них встречаются артисты, писатели, экономисты, учёные (*men of knowledge* [Znaniecki, 1940, 3-57]), организованные ими сообщества и учреждения, такие как товарищества писателей и артистов, университеты, научные центры и пр. [19, 42-121]. Именно из таких сообществ выходят народные идеологи, играющие главную роль в формировании, распространении и введении четырёх идеалов: идеала народного воссоединения, народного продвижения, народной миссии и народной независимости [19, 61]. Их понимание своей роли как общественной и моральной миссии, их высокий интеллектуальный уровень – то есть качества, определяющие и создающие интеллигентский этос – являются гарантией при реализации формулируемых идеалов. В этом плане Ф. Знанецкий открыл для себя в Маннгейме сторонника, хотя и с совершенно иной исследовательской перспективы. Маннгейм рассматривал интеллигенцию – скорее интеллектуалов – как доверенных социальной правды, деидеологизированной, так как оторванной от классово обусловленного интереса. [20, 76]

Помня о задаче, поставленной в этой статье, попробуем перевести на язык современной социологии вышеизложенные теоретические постулаты и разместить их в современной реальности.

Во-первых, категории культурных лидеров соответствовали бы слою среднего класса, который отличается элитарностью не в социологическом, а в моральном и умственном смысле. [21, 137]. Это сообщество – не важно агрегат, община или общественный круг – отличающееся прежде всего особым типом аксиологической ориентации, которую можно идентифицировать разными способами в зависимости от конкретного контекста. На Западе это может быть *new middle class*, особенно – *knowledge class*, в развивающихся странах это будут политически активные интеллектуалы, в *недемократических* странах – сообщество диссидентов. По-своему идеальный тип габитус, если использовать термин

Пьера Бурдье, современной польской интеллигенции, сформулированный на основе социологической литературы, выглядит следующим образом [22, 197]:

- Желание учиться и самосовершенствоваться всю жизнь.
- Принятие авторитарных ценностей как главных.
- Развитая потребность реализации культурных ценностей и неконформизм в отношении к низкой художественной культуре.
- Владение культурными компетенциями, позволяющими реализовать «интеллигентский образ жизни».
- Чувство реализации миссии как результат принадлежности к сфере интеллигенции, проявляющееся в желании быть авторитетом для молодого поколения.
- Поддержка и акцентирование идеи социального прогресса.
- Забота о свободе и независимости Родины.
- Гуманитарное отношение к человеку.
- Эмпатия. [23, 210-211]

Во-вторых, процессы, описанные Ф. Знанецким как формирование национального общества под воздействием интеллигенции, можно сформулировать как конструирование национальной идентичности, как на общественном так и на личностном уровне. Анализируя формирование *единства культуры*, основанного на *солидарности* и *общественной организации*, описывая выраженную в «принципе отдельности» культурную связь, национальное сознание и чувство «осознанной солидарности» участников национальной группы, Ф. Знанецкий пишет об идентичности, то есть о *старом* явлении, выраженном *новым* понятием, вошедшим в социологический дискурс только в 1990-х годах. С позиции методологического индивидуализма и конструктивизма, которыми он по-своему занимался, Ф. Знанецкий не гипотезирует национальной идентичности (как типа общественной идентичности). Также и национальной идентичности человека (как типа общественной идентичности) он не рассматривал как единственной, только связывал её с определённой общественной ролью, ролью члена социальной общности. Иначе говоря, понимал нацию не субстанционально, а как быт в соотношении с конкретной группой личностей; Ф. Знанецкий также считал, что национальная идентичность человека не полностью заполняет «конкретную личность».

Два перечисленных теоретических компонента вместе с интеллигентским этосом, при условии, что нация рассматривается как культурная, а не политическая группа, лежат у основания посыла Ф. Знанецкого о бес-

конфликтном участии в разных социальных этно-культурных группах. Реальная возможность существования многонационального государства по этим правилам делает возможным формирование фундамента новой мировой – гуманитарной и гармоничной – цивилизации, в которой над материальной доминирует культура духовная, цивилизации без конфликтов.

Действительно, уже в конце методологического Примечания *Польского крестьянина* [24] Ф. Знанецкий вместе с В. Томасом поднял и этот важный вопрос. Конфликты характерные для нашей цивилизации были результатом Первой мировой войны. Книга говорит кроме всего прочего о проблеме решения межкультурных и межрасовых конфликтов. Именно эта трагедия второй декады XX века, по их мнению, стала причиной войны, так как культуры и расы приняли форму «современных государственных организаций». Основываясь на этом, они предлагали заменить национальное государство как центр культурной экспансии другим типом организации международного характера.

В одном из фрагментов *Современных национальностей*, который можно назвать предопределяющим, Ф. Знанецкий, описывая будущую экспансию сообществ с национальной культурой, замечает, что она может порождать конфликты. Их решение в свою очередь он видел в более широком и активном сотрудничестве сообществ, а решающую роль в этом процессе отвёл международным организациям. В последнем разделе (VII) автор рассматривает также вопрос, который в то время мог быть воспринят как футуристический: «Мировая культура как фундамент мирового сообщества» – таков титул раздела.

«Нельзя убрать (...) различий между национальными культурами – говорит Ф. Знанецкий в контексте обсуждений культурных проблем, связанных с созданием мирового сообщества – рост международного сотрудничества и уменьшение числа конфликтов не означает возможности слияния этих культур. (...) Интеллектуальные лидеры в течение последнего века разработали новую концепцию мировой культуры, распространяющейся на всё человечество. Согласно этой концепции, мировая культура (совсем по-другому, чем религиозные культуры, по определению теологов) еще не сформировалась и так никогда окончательно и не сформируется. Она создаётся постепенно, и этот процесс будет длиться бесконечно. Это создание не означает элиминации современного разнообразия культур, так как мировая культура должна из чего-то вырастать: а именно вырастает она – как и положено – из национальных культур, так же как

национальные культуры выросли из других, старших культур, с одним, правда, исключением. В то время как более старые национальные культуры, разрастаясь и развиваясь, вытесняли их, национальные культуры благодаря своему динамизму и постоянному развитию дали возможность появиться и распространиться «транснациональной» мировой культуре» [10]. В древности это была бы культурная «cosmopolis», а не политическая форма объединённого мира, как этого хотели стоики, воодушевлённые более ранней концепцией универсальной системы высших интеллектуальных, этических и эстетических ценностей Платона. По мнению автора *Современных национальностей*, условием реализации идеала объединённого мирового сообщества является безусловное принятие и реализация под руководством и при посредничестве интеллектуальных и общественных лидеров системы, которой основными правилами являются: Правда, Добро и Красота.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. E. Gellner, *Narody i nacjonalizm*, PIW, Warszawa 1989, (wyd. oryg. *Nations and Nationalism*, Ithaca: Cornell University Press, 1983). p. 9-10
2. E. W. Böckenförde, *Naród – tożsamość w różnych postaciach*, w: K. Michalski, (red), *Tożsamość w czasach zmiany*, Karaków 1996. p. 132.
3. I. do Amaral, *New Reflections on Theme of International Boundaries*, w: C. H. Schofield, (red.), *Global Boundaries*, Routledge, London 1994, vol. I. P. 20.
4. S. Czarnowski, *Kult bohaterów i jego społeczne podłoże. Święty Patryk, bohater narodowy Irlandii*, w: *Dzieła*, t. 4, PWN, Warszawa, 1956, (dyd. oryg. *Le cult des héros et ses conditions social. Saint Patrick, héros national de l'Irlande*, Paris 1919.
5. J. Szacki, *O narodzie i nacjonalizmie*, «Znak», 1997, nr. 3. p. 19
6. Z. Bauman, *Globalizacja i co z tego wynika*, PIW, Warszawa 2000., P. 13
7. S. Słowiński, *Przyszłość i państwa narodowego*, «Przegląd Zachodni», 2005, n. 3. P. 31.
8. M. Mann, *Nation-states in Europe and Other Continents: Diversifying, Developing, Not Dying*, «Daedalus», 1993, vol. 122.
9. J. Jedlicki, *Nacjonalizm, patriotyzm i inicjacja narodowa*, «Znak», 1997, n. 3. P. 60-61.
10. F. Znaniecki, *Siły społeczne w walce o Pomorze*, w: F. Znaniecki, *Współczesne narody*, PWN, Warszawa 1990. – 251-252
11. F. Znaniecki, *O szczeblach rozwoju społecznego*, «Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny», 1930, vol. 10.; F. Znaniecki, *Upadek cywilizacji zachodniej*, Poznań 1927. F. Znaniecki, *The Social Role of the Man of Knowledge*, Columbia University Press, New York 1940; idem, *Społeczne role uczonych a historyczne cechy wiedzy*, «Przegląd Socjologiczny», 1937.;

12. F. Znaniecki, *Studia nad antagonizmem do obcych*, «Przegląd Socjologiczny», 1930/1931, vol. 1, n. 2-4. K. Mannheim, *Człowiek i społeczeństwo w dobie przebudowy*, Warszawa 1974., P. 118
13. J. Chałasiński, *Czy jest jeszcze inteligencja w Polsce?*, «Przegląd Kulturalny», 1963, n. 1.
14. J. Chałasiński, *Chłopi – kultura – wieś*, «Wieś Współczesna», 1966, n. 10, w: idem, *Kultura i Naród*, KiW, Warszawa 1968. n.543-544
15. W. Morawski, *Socjologia ekonomiczna. Problemy. Teoria. Empiria*, PWN, Warszawa 2001.
16. G. Szczesny, *Il così detto bene o l'impotenza degli ideologi*, Bompiani, Milano 1972.
17. F. Znaniecki, *Upadek cywilizacji zachodniej*, Poznań 1927.
18. F. Znaniecki, *Współczesne narody*, PWN, Warszawa 1990.;
19. K. Mannheim, *L'uomo e società*, Milano 1959.
20. W. Zieliński, *O inteligencji, która się lokalności nie wstydzi... Uwagi na marginesie pism Znanieckiego*, w: *Inteligent i obywatel*, op. cit.
21. J. Tokar, *Habitus współczesnej polskiej inteligencji*, w: *Inteligent i obywatel*, op. cit.
22. B. Różałowska, *Wartości klasy średniej i etos inteligencji w procesie kształtowania się gospodarki rynkowej*, w: *Inteligent i obywatel*, op. cit.
23. W. I Thomas, F. Znaniecki, *The Polish Peasant in Europe in America*, R. G. Badger, Boston 1918-1920, vol. I.
24. *Inteligent i obywatel*, red. P. Weryński, K. Rąb, A. Musiał, Homini, Kraków 2009.

© Н. Р. Маликова
(Москва)

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Есть ли актуальная социальная потребность и необходимость в идентификации интеллигенции и/или в конструировании социального портрета русской/российской интеллигенции? Отчего мы не прекращаем вести дискуссии о роли интеллигенции в общественной жизни? Не припомню примеров присутствия аналогичной традиции в научной среде США, Англии, Канады, в Европе и Азии, Африке и Австралии. А в России, уже более века, со времени столкновения мнения «веховцев» и «Смены Вех», вновь и вновь повторяются попытки представить интеллигенцию не столько в качестве внесословной социальной группы, слоя, страты, сколько в сильно размытом мифологизированном обличье. Идеальный русский интеллигент является обществу в ореоле представлений, не всегда рациональных, зачастую они иллюзорны. Почти всегда восприятие интеллигенции, преломляется сквозь призму общественных ожиданий и потребности непременно отыскать носителя социального феномена, на каждом этапе социальных трансформаций новейшей истории, несущего ответственность за судьбоносные перемены, ибо иных у нас не бывает.

Не пора ли успокоиться, приняв к сведению утверждение Венедикта Ерофеева: «Цикл существования интеллигенции закончился. Она выполнила свои задачи настолько блестяще, что самоликвидировалась за ненадобностью» [1]? Или, присоединиться к пессимизму Дмитрия Буланина, сетующему на то, что «в тех сумерках цивилизации, куда погрузилась Россия, для интеллигенции нет места» и полагающему, что на смену придут предприимчивые и здравомыслящие интеллектуалы западного образца [2]? Звучат и более радикальные суждения, полагающие, вслед за академиком А.В. Петровским, что интеллигенция в качестве реальной социально-психологической группы вообще никогда не существовала, что интеллигенция – это фантом, миф, результат недоразумения» [3]. Отчего так устойчивы попытки идентификации интеллигенции, предпринимаемые теми, кого называют представителями гуманитарной интеллигенции? По всей вероятности, они имеют своей целью формирование социального портрета, определение особой культурной и социальной миссии интеллигенции: либо в качестве социального идеала, для восприятия его в массовом сознании россиян, и/или для самоидентификации. Возможно, это необходимо для презентации не только российскому обществу, но и для символического позиционирования в европейском и мировом интеллектуальном сообществах? Но понятны ли им, нужны ли сегодня им, да и нам эти локальные, почти мистические смыслы?

Вряд ли русский литератор П. Боборыкин, который впервые употребил понятие «интеллигент», мог предположить, что тем самым заведет «моду» на дискуссии об исторической миссии, судьбе русской интеллигенции, длящиеся с 60-х гг. XIX века до начала второго десятилетия XXI века, вот уже свыше полутора столетий [10].

В советскую пору академические дискуссии о роли интеллигенции были на корню прерваны категорическим ленинским определением ее в качестве социальной «прослойки», с нелестными определениями – «гнилая», «мелкобуржуазная», с присовокуплением еще более уничижительных эпитетов. Ядро «старой» интеллигенции высылали на пароходах из страны, в тюрьмы и ссылку. Иных пытались поставить «на службу интересам советского государства, именуя новой советской интеллигенцией. Быть причисленным к социальной прослойке, именуемой интеллигенцией, временами становилось даже престижным.

С. С. Аверинцев пытался в свое время произвести идентификацию советского образованного слоя, заметив, что нельзя сказать, что среди этой новой среды работников умственного труда, не оказалось людей с задатками интеллигентов, но подчеркнул, что их было единицы. В то же время, распространенное выражение «истинный интеллигент» говорило о том, что попытки самоидентификации в качестве интеллигенции, должны получить общественное признание.

На рубеже XX-XXI веков в среде российских интеллектуалов возникали даже идеи о необходимости идти во власть, чтобы претворять в жизнь свои убеждения. Некоторые интеллектуалы, увлекшись, казалось бы, такой реальной перспективой, романтической возможностью участия в демократических общественных переменах, стремительно войдя в «эшелоны» власти, так же стремительно их вскоре покинули, вернувшись к академической научной деятельности.

Более устойчивыми оказались этнократические представления среди интеллектуалов в автономных национальных республиках, зачастую являющиеся горожанами и интеллигенцией в первом поколении, полагающими, что это — путь к этнокультурному возрождению, развитию и возвышению национальной культуры. Однако все эти иллюзии развеялись, когда выяснилось, что отечественное общественно-политическое пространство открыто для власти и бизнеса, где нет места третьему лишнему — интеллигенции.

Русскую бюрократию обыкновенно противопоставляют русской интеллигенции, и это в известном смысле правильно. Но при этом противопоставлении может возникнуть целый ряд вопросов: так ли уж чужд мир интеллигенции миру бюрократии; не есть ли наша бюрократия отпрыск нашей интеллигенции; не питается ли она соками из нее; не лежит ли, наконец, на нашей интеллигенции вина в том, что у нас образовалась такая могущественная бюрократия?» [4].

Оставшиеся в структурах власти, образованные, «номенклатурные интеллектуалы», с энтузиазмом занялись вскоре партийным строительством. Однако какого бы идеологического толка партии они не строили, по образному выражению В. Черномырдина, «*все КПСС получается*», все та же идеологическая эклектика, все с той же жесткой, не демократичной партийно-номенклатурной, организационной структурой. Для новой партийной номенклатуры, даже в контексте актуального экономического кризиса, характерно, заниматься привычным *распределением*, а не *производством* материальных и духовных ценностей. Вправе ли они именоваться интеллигентами? Когда у интеллектуалов в этой среде нет самостоятельно осмысленных социальных идеалов, то откуда же взяться четким ориентирам видения конструктивных путей социальной модернизации?

Но почему, с середины 1990-х годов, вновь начались общественные дискуссии об интеллигенции? Видимо, все же оказался нужен культурный потенциал интеллигенции для интеграции общества, которая вряд ли достижима без духовно-интеллектуальной нравственной опоры. Во все времена российская интеллигенция выступала как носитель гражданского

и национального самосознания. Широко распространены представления о том, что идеалы интеллигенции не связаны соображениями личной выгоды, социальной иерархии, но постоянно руководствуются нравственным принципом — служение не власти, а народу.

Задан актуальный импульс к пролонгации публичных дискуссий о роли интеллигенции. В 2012 году программный комитет, уже тринадцатой по счету международной теоретико-методологической конференции, в РГГУ, предложил символическое разграничение российской интеллигенции на «старую» и «новую». Вслед за этим, на девятой международной конференции «Байкальская встреча» в Бурятском государственном университете, предложено сосредоточить внимание на идентификации современной интеллигенции. По всей вероятности, участники обеих дискуссий призваны задуматься над тем, продолжают ли те, кто причисляет себя к современной интеллигенции традиции, ценностные ориентации, социальные функции «старой» русской интеллигенции? Вопросы эти неоднозначны, равно как и попытки отыскать ответы на них в наших повседневных социальных практиках.

Но отчего-то, когда попыталась откликнуться на этот призыв и задуматься над тем, кого можно отнести к интеллигенции, вспомнилось давнее, чисто интуитивное, но ощутимо отчетливое различие в студенческом восприятии профессуры Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Все наши университетские учителя были носителями научных степеней и званий, некоторые были сверстниками, но лишь к единицам из старшего поколения применимо было это понятие «старая русская интеллигенция» (в смысле следования общественному идеалу), а к молодым — современная интеллигенция. Подчас отнюдь не молодые преподаватели представляли современными интеллектуалами. Интеллигентом, вне всякого сомнения, был, светлой памяти, заведующий нашей кафедрой этнографии — Сергей Александрович Токарев. Помнится, он рассказал как-то, как рано еще гимназистом, увидев в витрине книжного магазина книгу Дж. Фрэзера «Золотая ветвь», на всю жизнь выбрал этнологию своей профессией, ставшей призванием и служением. Будучи представителем старшего поколения, он был современнее многих молодых. Блестяще владея несколькими языками, он был не просто в курсе достижений европейских коллег, регулярно встречаясь с ними, получал в дар их труды (немногие из них, были скрыты в «специальных хранилищах» ВГБИЛ и ИНИОН), но и сам всегда находился на «передней линии» науки. Задолго до эпохи гласности, до которой не дожил, он подписывал ходатайства о возвращении на родину депортированных народов Северного Кавказа, крымских татар. Его домашняя библиотека всегда была открыта для сту-

дентов кафедры, для своих и чужих аспирантов, надо было только оставить в шкапулке записку, о том, кто и какую книгу забрал. Ни разу он не пропустил занятий, даже тяжело больной, тогда всей студенческой группой мы отправлялись к нему домой, где нас, после лекции, еще и чаем поили, с вареньем, пирогами и баранками. В его биографии были поступки, о которых иные не могли даже и помыслить. Он — признанный мировой научный авторитет, действительный член многих зарубежных академий, не имел звания члена-корреспондента и академика АН СССР. Случайно? Вряд ли. Зато это звание имел абсолютно не интеллигентный человек и полуграмотный человек, который, в бытность свою аспирантом одного из гуманитарных академических институтов, строчил доносы на своих коллег, сделав на этом стремительную карьеру. Труды его, посвященные пролетарскому интернационализму, никто сегодня не вспомнит, а имя его прочно забыто.

Так можно ли на основании формальных признаков, характеризующих преимущественно интеллектуальную трудовую занятость, наличие дипломов об образовании, научных степенях и званиях идентифицировать современную интеллигенцию?

Социологический метод познания предполагает необходимость определения объекта исследования, что предполагает необходимость логической интерпретации интеллигенции (не идеальным конструктом, а в качестве объективно существующей социальной страты) и того, что категориальное определение должно быть операциональным. Однако, «*Homo intelligent*», это такой объект гуманитарного познания, к которому нельзя и невозможно подходить, отбросив этические ценности, не сводимый абсолютно к научной рациональности. Лишь с учетом этого обстоятельства можно приступить к предмету исследования, анализируя парадоксальные феномены самоидентификации, внешней идентификации интеллигенции, отчуждения элиты и тех, кого было принято называть массовой «трудовой» интеллигенцией (учителя, врачи, библиотекари). Все ли они продолжают миссию русской интеллигенции? Вопрос неоднозначный и поиск ответов на него не могут претендовать на бесспорность и очевидность претензий на истину.

Со временем все меньше оснований для безошибочной идентификации современной интеллигенции, особенно среди представителей глобальной клубной культуры интеллектуалов, отечественных интеллектуалов в профессиональных сообществах бизнес — элиты, творцов этнической культуры, искусства в постмодерне.

На эту тему пишутся многостраничные статьи, монографии, диссертации, где предлагается выделить следующие периоды идентификации

интеллигенции: дореволюционный (1850-е – 1917 годы); советский (1917 – конец 80-х гг. XX века); постсоветский (с 1990-х годов до наших дней). За это время сменилось несколько поколений тех, кого причисляют к интеллигенции.

В предлагаемые отечественными исследователями разнообразные типологии, в определение тех или иных временных рамок, трудно было втиснуть сколь-нибудь удовлетворительное содержательное определение русской интеллигенции. Это сделал на нескольких страницах письма в редакцию журнала «Новый мир» Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он не утверждал, не давал точного определения русской интеллигенции, а лишь делился своими размышлениями о тех, кто могут быть отнесены к разряду интеллигентов: «Итак, что такое интеллигенция? Как я ее вижу и понимаю? Понятие это чисто русское и содержание его преимущественно ассоциативно-эмоциональное. К тому же, по особенностям русского исторического прошлого мы, русские люди, часто предпочитаем эмоциональные концепты логическим определениям». И далее, он причисляет к интеллигентам не просто представителей профессий, связанной с умственным трудом, а людей, обладающих *умственной порядочностью*, все они, в той или иной мере «творят». Дмитрий Сергеевич отметил безусловную правоту А. И. Солженицына осуществившего идентификацию «образованцев», слоя людей образованных, однако продажных, слабых духом. Основной нравственный принцип интеллигентности заключается в совестливости и интеллектуальной свободе мысли, не интеллигентны те, кто, замыкаясь в специальности, забывают о том, кто и как может воспользоваться плодами их труда. Он сожалел, что в России слишком много непрофессионалов берется не за свое дело. Несомненно, интеллигент занять умственным трудом (инженер, врач, ученый, художник, писатель). Но это еще и тот, кто обладает независимостью мысли, порядочностью ума и поступков, образованностью европейского уровня, широким общекультурным кругозором, а также отличается независимостью, свободомыслием, совестливостью, честностью, правдивостью, толерантностью, кто приобщен к книжной культуре, русской литературе, осуждает насилие и террор, оппозиционен по отношению к деспотичной власти [5].

Московский писатель – фантаст Андрей Егоров (род.1976), в своем www – эссе «Дмитрий Лихачев – последний интеллигент», утверждает, что его принципы – это синтез представлений о том, как должен жить Тайный Орден Духовных Праведников, что Д. Лихачев был интеллигентом, последним из могикан, который очень вежливо ушел и закрыл собой тему.

Социальный философ А.И. Фурсов, дал нелицеприятную оценку мифологизаторству отечественных «интеллектуалов»: «Сегодня по степени бессодержательности, интеллектуальной безответственности и импотенции, пожалуй, лишь дискуссии о цивилизациях («столкновение цивилизаций») могут тягаться с дискуссиями по интеллигентской тематике» [6]

Возможно, кому-то обидно это принять, но трудно возражать, если предпринять анализ содержания современной научной публицистики, содержащей панегирики в адрес «подлинной интеллигенции» (сгусток знания, квинтэссенция народной совести, катализатор общественных перемен, ведущих нацию, народ, страну к свободе и справедливости). Подобные мифо-эпические оценки подчас, приобретают, уже не национальный, а метagalacticкий масштаб, когда интеллигенция = представитель ноосферы на Земле + носитель разума, прогресса, культуры и других ценностных категорий [7].

С. Кара-Мурза, по его собственному признанию, писал свою книгу «Интеллигенция на пепелище России», обращая мысленно к современникам – честным и хорошим людям, интеллигентам, которые с энтузиазмом поддерживали перестройку, оттого что наверняка «хотели как лучше», а получилось в очередной раз что-то принципиально и очевидно иное. Так что не приходилось ни в статистике копать, ни данные социологов изучать, но, по крайней мере, осознать всю меру социальной ответственности современной российской интеллигенции. Но существует ли сегодня в стране истинная интеллигенция и способна ли она соответствовать новым вызовам эпохи? [11].

К сожалению, все еще актуален конфликт ценностных ориентаций: противостояние консервативных vs либеральных и демократических представлений русской/российской интеллигенции о социальном идеале, который возник отнюдь не сегодня. Современная интеллигенция по-прежнему сохранила три вектора формирования социально-культурных идеалов: 1) неоконсерватизм, обращенный к традиционалистским ценностям; 2) западнический, с ценностными ориентациями на евро-атлантическому неолиберализму; 3) идеал социализма, социальной демократии. Идеологическое противоборство этих трех векторов формирования социального идеала интеллигенции обрело характер противостояния традиционалистских и инновационных ценностей модернизации, столкновения культуры и власти. Наблюдая попытки некоторых представителей «интеллигенции», быть близкими и полезными власти в ситуации парламентских и президентских выборов, можно ставить диагноз о социальной болезни, но не «детской болезни левизны», а «*праворадикального консерватизма*», поразившего часть российского интеллектуального сообщест-

ва. К сожалению, оказалось, что ультраконсервативные и расистские настроения имеют своих сочувствующих и выразителей в академической и вузовской, образовательной среде.

Многие исследователи современной интеллигенции, сетуют на парадоксальную ситуацию *отчуждения от народа интеллигенции*, претендующей на роль элиты. Однако простая визуальная идентификация давала основания фиксировать присутствие интеллигентных лиц (вольное или невольное) среди лидеров и в массе протестующих, как на митингах «Болотной площади», так и на манифестациях на «Поклонной горе». Наблюдалось сближение и расхождение консерваторов, правых либералов и левых радикалов, смешение идей и лозунгов.

Неутешительны поиски содержательных и логически не противоречивых интерпретаций социальных идеалов современной интеллигенции. Поиск «светлых идеалов», объединяющих русскую интеллигенцию и российское общество сегодня сильно затруднен. Телевидение, видео в Интернете, самые массовые средства обеспечения информационных потребностей общества, дает сильный импульс к весьма критическому восприятию «смутных идеалов» интеллигенции. Эkleктическая путаница взглядов на сущность социального идеала консервативной идеологии, присутствует в публичных выступлениях политологов, являющихся идеологами партии власти. Справедливости ради, следует отметить, что столь же причудливая социально-политическая перверсия социальных идеалов, весьма далеких от классического и аутентичного содержания либеральных, демократических, социалистических, социал-демократических, коммунистических идей, отличает публичные выступления многих их идеологических оппонентов.

Увы, рационального, целеустремленного конструирования интегративного социального идеала, усилиями современной русской/российской интеллигенции, не происходит. Для идентификации интеллигенции годится лишь символический образ воплощения ее социальных идеалов, как в известной басне И. Крылова. «Лебедь» социально-демократических идеалов рвется в заоблачные выси, «рак» консервативной идеологии, пятится назад, не ведая куда, а «щука» тянет в стихию рыночного либерализма, но почему-то без признания приоритетности иных либеральных социальных идеалов, прав и свобод личности. С кем из них, носителями таких разно векторных социальных идеалов мы можем идентифицировать себя и своих коллег, почувствовав некую общность, кто мы, такие разные и противоречивые – интеллектуалы – профессионалы, в самых разных отраслях знания, гуманитарии, социологи, обществоведы эпохи постмодерна и глобализации?

Удачные метафоры идентификации интеллектуалов в эпоху глобализации предложены в сборнике «Многоликая глобализация». Семизль Хантингтон, интеллектуалов глобальной экономики назвал людьми «давосской культуры» (некий «яппи-интернационал» участников глобальной деловой коммуникации). К символическому образу российской интеллигенции это понятие, вроде бы не применимо. Питер Бергер, выделил еще одну группу «глобалов», представителей международной «клубной культуры интеллектуалов» (faculty club culture). В нее входят немногочисленные представители российской науки ученые – исследователи и университетские профессора, работающие на уровне мировых стандартов. В распространении «клубной культуры интеллектуалов» участвуют разные средства коммуникации, создаваемые международными фондами, академическими и межправительственными организациями. Они мало склонны считать, что «сеют разумное, доброе, вечное», что олицетворяют обостренную совесть интеллигенции при производстве интеллектуальной продукции. Но ее продукция, не та, что предлагают транснациональные корпорации. По мнению П. Бергера – это идеи и правила поведения, выработанные западными, главным образом американскими интеллектуалами, такие как учение о правах человека, концепции феминизма, защиты окружающей среды и мультикультурализма, а также представления о политике и образе жизни, в которых воплощаются эти идеологические построения» [8].

Интенсификация международной научной коммуникации способствуют распространению этой глобальной культуры интеллектуалов, с соответствующим стилем коммуникации, потребления, удовлетворения материальных и духовно-культурных потребностей. Можно ли отказываться им, в праве именоваться интеллигенцией? Не означает ли это, что в эпоху глобализации, наступает пора завершить локальные попытки идентификации российской интеллигенции, как особого национального социального феномена? Появятся ли стратегии поведения интеллигенции, предлагающей продуктивные ориентиры, как для национальной, так и глобальной социальной трансформации и модернизации? Вопрос отнюдь не риторические, они все еще остаются открытым для новых дискуссий. Пока ясно одно, надо преодолевать совместными усилиями фрагментацию российской интеллигенции, дух фракционности в интеллектуальных профессиональных сообществах, оппозиционность и полярность социальных идеалов отечественной интеллигенции разно векторной направленности. Если взаимное отталкивание, «разбегание» основных ценностных ориентаций и жизненных стратегий будет углубляться, дезинтеграция общества станет опасной. Разделяет ли российская интеллигенция

обеспокоенность Франсуа Лиотара тем, что эпоха постмодерна задает такие ориентации на культурный полицентризм, когда в одном социальном пространстве возникает множество не совместимых ценностных ориентаций и взаимоисключающих тенденций, способствуя эффекту аннигиляции, уничтожая возможность появления интегрирующего смысла совместного бытия?

Формирование позитивной идентичности отечественной интеллигенции зиждется на ресурсах ее символического социального капитала. Идентификация интеллигенции подразумевает не только ее высокую образованность, сколько подлинность обладания социальным капиталом, под которым подразумеваются «уходящие вглубь истории традиции социального взаимодействия, предполагающие нормы взаимности и доверия между людьми, широкое распространение различного рода добровольных ассоциаций и вовлечение граждан в политику ради решения стоящих перед сообществом проблем» [9].

Только такое активное участие в рождении гражданского общества с социальным капиталом доверия и уважения мнения других, позволяет осуществить идентификацию интеллигенции, ее сохранение и воспроизводство.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ерофеев В. Энциклопедия русской души. М., 2005, С.246.
2. Буланин Д. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб, 2005, С.14.
3. Петровский А. В. Интеллигенция при наличии отсутствия // Литературная газета, 2005, 19-25 октября.
4. Гранин Д. Интеллигенция: что с ней? Где она? //Час пик. 1997, 17 сентября.
5. Лихачев Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию // Новый мир. – 1993 – № 2. – С.3- 9.
6. Фурсов А.И. Интеллигенция и интеллектуалы // Кустарев А. Нервные люди: очерки об интеллигенции. М., 2006. – С. 52.
7. Ворова Т. Роль и место интеллигенции конца XX века в социуме // Интеллигенция России: традиции и новации. Иваново, 1997. – С. 197-198.
8. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М. «Аспект-пресс», 2004.
9. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
10. «Вехи». Сборник: «О русской интеллигенции». СПб, 1909.
11. Кара-Мурза С. Интеллигенция на пепелище родной страны. Москва: «Былина», 1996.
12. Маликова Н.Р. Книжное обозрение: А. В. Соколов. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории //СОЦИС, №8, 2009; Маликова Н.Р. Конфликт ценностных ориентаций в представлениях российской интеллигенции

о социальном идеале/Интеллигенция и идеалы российского общества». М.: «Тривант», 2010; Маликова Н. Р. Социальное конструирование интеллектуалами этноконфессиональной идентичности / Интеллигенция в этноконфессиональном мире. М.: «Тривант», 2011.

© Л.А. Беляева
(Москва)

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Двадцать лет общественных перемен изменили общество: сложилась новая социальная структура, возникли альянсы власти с олигархическими слоями, отстранение из этих альянсов интеллигенции, непрерывно растет чиновничество, расцветает его мздоимство, формируется средний класс, не слишком желающий оставаться в стране, стабилизировалась масса плохо адаптированных слоев с низкой и средней квалификацией, находятся на грани выживания пенсионеры, наконец, в обществе растет бытовая агрессия, нарушились функции семьи и системы образования в социализации молодежи. В этих условиях особая и не до конца реализованная роль российской интеллигенции требует своего специального изучения. Безусловно, роль интеллигенции, как она осуществлялась в советский период в научно-техническом и интеллектуальном развитии страны сейчас трудно сопоставить с современными процессами. Можно только констатировать, что из современного дискурса практически ушло обсуждение этой проблемы. На замену пришло откровенное пренебрежение духовными и интеллектуальными функциями интеллигенции и победило рациональное, практическое отношение к знаниям и квалификациям, которые рассматриваются как источник развития экономики, получения прибыли и т.д. Многие представители интеллигенции, адаптировавшиеся к современному этапу развития, практически стали частью среднего класса России.

Формирование и динамика среднего класса [1]

В проводимом с 1990 г. Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН всероссийском мониторинге большое внимание уделяется изменениям социальной структуры российского общества, в частности, проблеме формирования среднего класса. Впервые средний класс был выделен мною в массиве 1998 г. При последующих волнах мониторинга – (2002, 2006 и 2010 гг.) строго использовалась единая методика и постоянно отслеживался большой спектр социаль-

ных характеристик среднего класса: объективные признаки, отношение к реформам, социальное самочувствие, политические предпочтения и т.д. Как показывают исследования в регионах, которые проводятся по Типовой методике, разработанной в ЦИСИ и сопоставимой со всероссийским мониторингом, размеры среднего класса, его профессиональная структура, занятость в отраслях экономики, ценностные ориентации и трудовые мотивации имеют свои отличительные черты в регионах России [2].

Анализ среднего класса с использованием материалов всероссийского мониторинга, показал, что в России в середине 90-х годов прошлого века началось формирование среднего класса – части общества, которая по социальному статусу располагается между элитой и основной массой рабочего класса и обладает признаками, характеризующими его активное экономическое поведение, трудовую мотивацию и ценностные характеристики сторонника рыночного и демократического пути развития страны. Наблюдения за изменением численности среднего класса показывают, что его рост, сначала небольшой, был ускорен на этапе экономического подъема и развития третичного сектора (услуг), распространения информационных технологий (рис. 1). Если в 1998 г. численность среднего класса составляла 9,8%, то в 2002 г. он увеличился до 14 %. Далее было резкое ускорение. Мониторинг 2006 г. показал, что за 4 года средний класс увеличился до 22 % от общей численности населения. Это уже довольно весомая социальная группа, заинтересованная в своем дальнейшем развитии. Но затем вновь произошел спад и к 2010 г. рост практически остановился.

Рис. 1

Несколько обстоятельств способствовало росту среднего класса в начале прошлого десятилетия: начавшийся экономический подъем, адаптация занятых в экономике к новым условиям трудовой деятельности, превращение частного сектора в неотъемлемый и увеличивающийся сегмент российской экономики, увеличение численности управленческого аппарата и рост его благосостояния, расширение сферы применения информационных технологий.

Средний класс выделялся на основании трех критериев – самоидентификации, материального благосостояния и уровня образования. Наибольшее влияние на рост численности оказало повышение уровня жизни образованных людей, значительно меньше влияние самоидентификации и образования. Близкие данные (22 % среднего класса в составе взрослого населения страны) были получены в Европейском социальном исследовании (ЕСС), которое проводится сейчас в России наряду с большинством европейских стран каждые два года.

По данным этих исследований наблюдается постепенный рост культурного капитала в среднем классе: по сравнению с 1998 г. произошло сокращение лиц со средним специальным (на 12 %), увеличение с высшим образованием (на 23 %), и с незаконченным высшим образованием (на 9 %). Только 40 % среднего класса имеют среднее специальное образование, остальные 60 % незаконченное высшее, высшее, второе высшее и послевузовское.

В составе среднего класса подавляющее большинство – 3/4 – составляют наиболее активные возрастные группы – старше 25 и моложе 55 лет. Представитель среднего класса – преимущественно городской житель: 85 % (в составе остальных респондентов городские жители составляют только 70 %), более половины среднего класса живут в средних и крупных городах, в Москве только 15 %. Это новое явление – расширение базы среднего класса за пределы столицы. Но если посмотреть, какова доля среднего класса внутри разных населенных пунктов, то можно увидеть, что Москва и крупные города лидируют по доле среднего класса в составе своего взрослого населения (рис. 2).

Следует подчеркнуть, что как объективные признаки среднего класса, так и субъективные характеристики отличают средний класс от остального общества и характеризуют его как наиболее активную, образованную, более адаптированную к современному этапу преобразований часть общества.

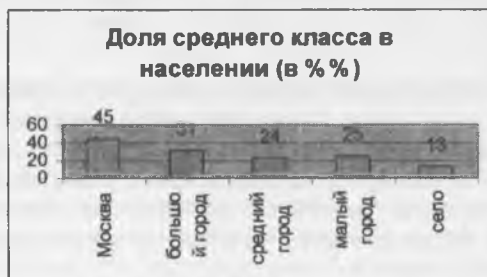

Рис. 2.

Более 50 % средних работают на частных предприятиях, в том числе 6 % имеют собственные фирмы. Более 1/3 в своей деятельности руководят людьми.

Средний класс очень чувствителен к экономической ситуации в стране, проводимому экономическому курсу. Его рост прекращается, когда наступает кризис, или экономика стагнирует, не развивается малый и средний бизнес.

Средний класс чутко реагирует на закрытие каналов социальной мобильности не только для себя, но и для остальной части населения, он наиболее критически относится к проводимой экономической и социальной политике и, как показали протестные выступления в Москве, способен высказать свое отношение к политическим процессам в стране.

Средний класс как никакая другая социальная группа чувствует на себе влияние социального окружения, поскольку живет в непосредственном соприкосновении с местным социумом, осознает себя его частью, но по уровню образования, менталитету, своим поведенческим стереотипам выделяется из общей массы. Особенно это проявляется в депрессивных регионах, регионах с неразвитым рынком труда, безработицей и со сложной криминогенной обстановкой. Характерно, что поколения детей сформировавшегося среднего класса в большей мере склонны к эмиграции, чем другие слои, и многие реально осуществляют такие намерения. Не последнюю роль в этом играет наличие напряженностей в социальном пространстве региона и страны в целом. Этому есть объективные предпосылки, такие как резкая материальная дифференциация, порождающая несопоставимое качество жизни материальных слоев, неудовлетворенность действиями органов власти и правопорядка, недостаточной защищенностью как физической, так и незащищенностью прав и свобод.

Для успешного проведения модернизации важно постепенно исключать из социального пространства страны риски и напряженности, создавать в обществе атмосферу доверия и согласия. Социальная уверенность, удовлетворенность жизнью и наличие перспектив служат необходимым социальным фоном для роста среднего класса и его укоренения в стране.

Наиболее важный вывод из проведенного анализа состоит в том, что стагнация численности среднего класса в последние годы свидетельствует об исчерпанности резервов роста в том русле развития, в котором движется сейчас Россия. России нужна модернизация и в ней роль среднего класса и интеллигенции как неотъемлемой его части трудно переоценить. При этом важно учитывать социокультурные особенности каждого региона и положение, которое занимает в нем образованная часть общества.

Регион как социальное пространство модернизации

В анализе и измерении социокультурных аспектов модернизации можно воспользоваться таким метафорическим понятием как социальное пространство страны или региона. Социальное пространство не сводится к месту, где происходят описываемые социологом события, явления и процессы, как не сводится оно и к пространству геометрическому, или географическому [3]. Социальное пространство представляет собой метафорическое пространство, в котором представлены статусы социальных акторов, занимающих в нем определенные социальные позиции и взаимодействующих на основе предписаний (законов), обычаев, интересов, ценностей, моральных установлений. Социальное пространство – это динамическое состояние общества, характеризующееся, с одной стороны автономностью акторов, а с другой стороны, их взаимодействием, которое может базироваться на разных уровнях взаимного доверия и солидарности вплоть до ощущения онтологической опасности. Как определенно высказался Э. Гидденс, «пространство не является бессодержательным измерением, вдоль которого структурируются социальные группировки, но должно рассматриваться с позиций участия в становлении систем взаимодействия» [4, С. 491].

Практическое значение в анализе социокультурных измерений модернизации имеет развитая Гидденсом идея Парка и других представителей Чикагской школы о регионализации социального пространства. Она в самом общем виде представляет неравномерность развития разных локальностей, фиксирует различия между центром и периферией. По мнению Э. Гидденса, те, кто занимает центральные зоны, «устанавливают» контроль за ресурсами, позволяющими сохранять дистанцию между ними и людьми с «периферии». Признанные «авторитеты» используют множество способов социального «огораживания» ..., позволяющих им обособиться от тех, кого они считают «младшими по чину» или аутсайдерами» [4, С.201].

При отсутствии идеологического доминирования и идеологических скреп, как сейчас в России, общество может только тогда модернизироваться, когда все составные части модернизационного комплекса получают свое развитие. Иначе рождаются такие напряженности социального пространства, которые чреваты скрытыми и открытыми конфликтами, угрожающими стабильности общества, или как минимум, тормозящими модернизацию. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть взаимосвязь процессов модернизации с социальными ожиданиями и социальными практиками различных слоев населения, центра и провинции, столиц и

регионов. Стоит прислушаться к мнению Мануэля Кастельса, который выдвинул предположение, что новые вектора конфликтов, социального расслоения и общественной мобилизации будут возникать и распространяться с периферии глобальной сети; «исключение и периферия» будут диктовать свои условия всему обществу.

Россия это страна предельно не похожих регионов и в каждом из них необходима своя стратегия модернизации. Такое предположение можно выдвинуть относительно любой страны, в том числе и западноевропейской. Но для России это особенно актуально. Большая протяженность страны, малая подвижность основной части населения, склонность к эксклюзии и маргинализации составляют отличительные черты общества. Модернизация должна учитывать не только экономический потенциал региона, но и его социокультурные особенности и ресурсы. Такую информацию могут дать специальные социологические исследования, дополненные данными статистики. В частности, социологические исследования позволяют оценить многие параметры социальной структуры с точки зрения модернизационного развития, открытость населения инновациям, наличие подготовленных кадров, миграционные потоки молодых поколений людей (реальные и проективные), социальное самочувствие, безопасность среды проживания и т.д.

Модернизации в современной России – это, по сути, самовестернизация, которая осуществляется для достижения внутренних целей развития, в том числе для преодоления технологического отставания от западной цивилизации, и сохранения государственной независимости. Проведение модернизации страны влечет за собой глубокие социальные и культурные изменения, но и сама полноценная модернизация может осуществляться только при благоприятных социокультурных обстоятельствах. Перед страной стоит задача создать их или, по крайней мере, минимизировать неблагоприятный социальный фон.

Для того, чтобы модернизация была успешной, она должна, во-первых, охватывать возможно более широкие слои населения, не замыкаясь только на узком слое людей, развивающих современные технологии или решающих организационные задачи, и во-вторых, она должна происходить синхронно во всех своих составляющих: технологической, экономической, политической, социальной и культурной. Успешность модернизации в современной России определяется ее комплексностью. В выполнении этих двух условий и состоит, на мой взгляд, создание благоприятного социального фона, когда идеи модернизации не отторгаются большинством общества, не происходит противопоставления целей развития одних социальных групп другим группам.

Нужно особенно подчеркнуть, что нельзя исключать из развития те слои населения, которые не могут активно участвовать в информационной и технологической модернизации. Эти слои – порождение индустриального периода развития, их квалификации за годы реформ во многом деформированы и утратили актуальность. Но, поскольку экономика России вновь стоит перед проблемой завершения индустриального этапа модернизации теперь уже на современной технологической базе, эти профессиональные группы могут получить свой новый социальный статус, если они не деградировали как личности с потерей места работы во время разрушения производств. В России до 50 % взрослого населения составляют люди с невысокой квалификацией, способных выполнять только физическую работу. Среди них рабочие высокой квалификации составляют примерно 40 %, остальные имеют низкую квалификацию или не имеют никакой. Но это среднероссийские данные, а в отдельных регионах и типах поселений ситуация еще более сложная, если не сказать, катастрофическая.

В последних исследованиях Н.И. Лапина проведен анализ уровня модернизированности конкретных регионов России с использованием методики, разработанной в Китайской академии наук под руководством Хэ Чуаньци [5]. Методика и материалы китайских ученых, замеряющих уровни модернизации в мире и в своей стране – Китае, изложены в книге «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010)» [6].

В этой методике рассматриваются две стадии модернизации – первичная как переход от аграрной цивилизации к индустриальной и вторичная модернизация как переход от индустриальной цивилизации к информационной. Первичная модернизация измеряется набором из 10 индикаторов, которые характеризуют экономическую (4 индикатора) и социальную (4 индикатора) сферы общества, а также область знаний (2 индикатора). В качестве базового уровня первичной модернизации, с которым сравниваются регионы, приняты показатели, которых достигли наиболее развитые страны мира к началу 60-е годы прошлого века. В первичной модернизации фиксируется пять стадий: от традиционного общества до переходной фазы, когда общество готово к развитию по постиндустриальному пути.

Вторичная модернизация измеряется по 16 индикаторам, представляющих следующие области: инновации в знаниях (3 индикатора), передача знаний (4 индикатора), качество жизни (5 индикаторов), качество экономики (4 индикатора). Базовый уровень индикаторов основан на среднем значении для развитых стран за последний год. Вторичная мо-

дернизация фиксируется по четырем фазам: от подготовительной до фазы расцвета. Кроме того китайские ученые разработали такой набор индикаторов, который характеризует взаимодействие первичной и вторичной модернизации, назвав эту модернизацию интегрированной. Она включает 12 индикаторов экономического, социального и когнитивного развития, пересекающихся с индикаторами первичной и вторичной модернизации. Все индикаторы статистические и представлены в международных сборниках.

В соответствии с этой методикой 131 страна мира может быть разделена на несколько групп по уровню модернизации. В 2006 г. 20 стран мира, или 15 % составляют группу наиболее «развитых», демонстрирующих высокий уровень вторичной модернизации, полностью завершив первичную. Из 25 стран «среднего развития» большинство также завершили первичную модернизацию, и находились на средней фазе вторичной модернизации. В числе этих стран находится и Россия, занимая в этой группе позицию между Латвией и Кувейтом, но первичная модернизация в нашей стране не полностью завершена, думается по причине деиндустриализации в последние два десятилетия. Это дает основание считать, что России предстоит завершить первичную модернизации, одновременно развивая вторичную модернизацию. По мнению китайских исследователей, следующая группа из 37 стран – «предварительно развитых», в большинстве не завершила первичную модернизацию и осуществляет одновременно два вида модернизации. Наконец, в последней группе – «отстающих» 49-ти стран, ни одна не завершила первичную модернизацию, и находится на самой низкой стадии вторичной модернизации.

Эта методика дает возможность сравнения не только стран мира по уровню модернизации, но и отдельных регионов между собой и с зарубежными государствами. Так, общероссийский уровень модернизации существенно отличается от уровня, который показывают отдельные регионы страны. Как видно на карте [7], подготовленной Н.И.Лапиным, (см. приложение 1) регионы России демонстрируют разные уровни модернизации – от высокого уровня вторичной модернизации таких регионов как Москва, Санкт-Петербург, Московская и Новгородская области, приближаясь по ее показателям к развитым странам мира, до самого низкого уровня первичной модернизации, на котором к настоящему времени находятся 15 регионов России. Республика Бурятия входит в группу из 25 регионов с довольно низким уровнем первичной модернизации.

Социальная структура модернизируемого региона, уровень образования населения, его возрастной состав — этот тот базис, на который можно опереться в решении задач модернизации. Если в регионе нет или мало подготовленных кадров, существует миграция образованной части населения в другие регионы, регион не привлекателен для образованной молодежи как место для постоянного жительства, то и модернизация здесь не будет иметь внутренних стимулов, которые рождаются ожиданиями и надеждами людей, подготовленных к модернизации. Состояние социальной стратификации населения не безразлично к возможностям модернизации региона, поскольку характеризует качественные параметры населения, с одной стороны, а с другой мотивирует к горизонтальной мобильности наиболее образованных и молодых в центры модернизации — столицы и крупные города. Сейчас регионы со суженным рынком труда для образованных специалистов постоянно теряют наиболее активную часть своего населения. Фиксируется процесс централизации интеллектуальных ресурсов страны, также как происходит концентрация финансов в столицах и крупных городах. Анализ уровней материальной дифференциации и социальной стратификации позволяет заключить, что они приобрели опасный характер, создавая риски для социального пространства России. Для развития страны необходимо осуществить модернизацию во всех регионах и в каждом из них отдельно, опираясь на те ресурсы, которые в них имеются. В каждом регионе есть свои предпосылки модернизации, но только такой, которая соответствует достигнутому уровню развития и существующему в регионе культурному капиталу.

Есть все основания говорить о том, что процессы последних двадцати лет оказали значительное воздействие на социальную идентификацию индивидов в России, в том числе на самоидентификацию интеллигенции. Идентификация относится к сложным социально-психологическим феноменам и представляет собой соотнесение индивида себя с теми группами и общностями, которые он воспринимает как «свои», по отношению к которым он в наибольшей степени способен почувствовать и сказать «мы»[8]. Процессы самоидентификации в России идут в направлении снижения «масштаба» общностей, с которыми отождествляют себя индивиды. По данным ESS максимальная близость у жителей страны с людьми одного и того же поколения (95 %), с людьми той же профессии (89 %), с людьми той же национальности или с людьми того же достатка (по 83 %). Идентификация с жителями региона значительно ниже — 74 %, но самый низкий уровень идентификации из предложенных к оценке общностей — это близость с гражданами России: ее отметили только

65 %, при этом 26 % полностью ее отрицают. Можно сказать, что процессы социальной и материальной дифференциации и индивидуализации, произошедшие в последние десятилетия изменили акценты идентификации, оказалась практически разрушена идеологическая конструкция типа «всенародная общность – советский народ» и смену ей не утвердился идеологический посыл считать Россию общим домом. Для таких изменений есть много причин, анализировать которые здесь не место, но необходимо подчеркнуть, что во многих регионах России, особенно окраинных и периферийных возросла идентификация с местом проживания, непосредственным окружением – не только с семьей, но и с жителями своего поселка, деревни, города. Активизировалась традиционная связь с территориально близкими людьми, с которыми переживают общие трудности и проблемы. Отношение к «малой родине» составляет важный компонент традиционного сознания, а утрата традиционных элементов идентичности, еще сохранившихся в некоторых регионах, чревата обеднением культурного многообразия страны. Интеллигенция как часть любого регионального социума является наиболее последовательным защитником культуры и было бы опрометчиво утрачивать эту функцию интеллигенции даже в угоду задачам модернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ниже приводятся данные всероссийского мониторинга, который проводится с 1990 г. Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Руководитель мониторинга член-корреспондент РАН Н.И.Лапин.
2. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. Составление и общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., Academia, 2009. 808 с.
3. Некоторые социологи следуют этой традиции. См., например: Кравченко А.И. Социология. Общий курс: Учебное пособие для вузов. - М., Логос, 2002.
4. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М., Академический Проект. 2006. С.491.
5. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010). Под ред. Хэ Чуаньци. Пер. с англ. Под общей редакцией Н.И.Лапина. М., «Весь Мир», 2011.
6. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010). Под ред. Хэ Чуаньци. Пер. с англ. Под общей редакцией Н.И.Лапина. М., «Весь Мир», 2011.
7. Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии//Социологические исследования, 2012, № 9.
8. См. Социологическая энциклопедия Том 1. М., Мысль, 2003. С. 338.

НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: НООСФЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

В конце июня 2012 года в Рио-де-Жанейро состоится Всемирный Саммит по устойчивому развитию, в котором планируется участие глав государств и правительств 180 стран мира. Концепцию глобального устойчивого развития, принятую мировым сообществом в качестве Повестки дня на XXI век (Рио-де-Жанейро, 1992), в определенном смысле можно рассматривать как модификацию коммунистической идеи об «обобществившемся человечестве» (К. Маркс, В. И. Ленин), как ненасильственную цивилизационную революцию в масштабах Земли (Г.-Х. Брундтланд).

С точки зрения классической философии, стратегия – это освоение будущего и использование будущего в своих целях. После распада СССР мы подвергли остракизму идею «светлого будущего». Между тем проектирование будущего и управление им является основой нового VI технологического уклада. В поисках будущего Запад мечется между капиталистической глобализацией и глобальным устойчивым развитием. Китай реализует проект строительства гармоничного социалистического общества на принципах устойчивого развития: всесторонность, сбалансированность и справедливость. Не нами сказано: Мир стоит на пороге Великого Перелома. После глобального кризиса человечество не вернется к прежним моделям развития, будь это неолиберальный капитализм или общество потребления. Все популярные идеологии конца XX – начала XXI веков (типа монетарного эмпиризма, радикального экологизма или технократического авангардизма) – это не что иное как анахронизмы с точки зрения футуристического завтра.

В начале XX века Герберт Уэллс назвал В.И. Ленина «кремлевским мечтателем» за план ГОЭЛРО. Мы знаем, что мечта Ленина осуществилась в полной мере. Главному конструктору советских ракет С.П. Королеву принадлежит крылатая фраза: «Мы первыми вышли в космос, потому что у нас была великая мечта». Сегодня нам нужна новая мечта, способная воспламенить умы людей и объединить их в едином порыве к творчеству нового мира, новой цивилизации.

В эпоху Интернета и глобализации человечество становится единым целым. Следовательно, любая национальная стратегия лишь тогда будет иметь успех, если она будет ориентирована на Общее Дело Человечества. Россия была пионером в освоении космического пространства, сегодня

она должна стать начинателем освоения земного пространства на принципах устойчивого развития и созидания всепланетной экологической цивилизации. Началом этого Общего Дела могло бы стать возрождение системы государственного стратегического планирования развития российских территорий (прежде всего Сибири и Дальнего Востока). Далее необходимо перевести страну на траекторию устойчивого инновационного развития, используя опыт советского мобилизационного сценария индустриализации.

Говоря о стратегии будущего России, невозможно не остановиться на методологических подходах В.Н. Вернадского к исследованию природной организации планеты Земля. Он доказал, что жизненные процессы производят физические изменения в неживых процессах, которые сами неживые процессы произвести не способны. Аналогично, по его мнению, вмешательство творческого воздействия человека на биосферу производит измеримые формы физического совершенствования биосферы, которые не могут достигаться самой биосферой без человеческого вмешательства. Так он определил понятие ноосферы.

Вернадский подчеркивал, что те экспериментально различимые результаты действия жизненных процессов, которые не могут быть произведены сопоставимыми неживыми процессами, являются естественным явлением, то есть продуктом воздействия жизненных процессов на неживые. Таким же планетным (естественным) явлением, по его мнению, является научная мысль и наблюдаемые в биосфере изменения, вызванные разумной деятельностью человека. С точки зрения Вернадского, мы должны рассматривать усовершенствованную человеком биосферу как естественное явление, как ноосферу. Это новая философия отношений с природой.

Требование «не трогать природу» столь же порочно, как и практика бездумной эксплуатации природы. Мы не можем ждать у моря погоды: катастрофы и бифуркации — это органичная часть природной организации нашей планеты. Люди не только должны «учиться у природы», как призывают биоэкологи, но также научиться управлять коэволюцией общества и природы на основе научно-философского Разума. Следовательно, разумную человеческую деятельность по преобразованию природы следует рассматривать как совершенствование качества биосферы, которое возвышает биосферу до более высокого уровня, делая её частью ноосферы.

Сверхзадача научной интеллигенции (когнитариата) заключается в обеспечении творческой (восходящей) эволюции мира на принципах ноосферы.

Опираясь на ноосферную стратегию Вернадского, известный западный экономист Линдон Ларуш в своем выступлении в Российской академии естественных наук в ноябре 2001 года предложил создание базовой экономической инфраструктуры в Центральной и Северной Азии. По его мнению, требуется не просто «новый Шелковый Путь», а целая сеть коридоров транспортного сообщения производства и распределения электроэнергии, крупномасштабного водного хозяйства на базе озера Байкал и великих рек Сибири, а так же создания социальной инфраструктуры развития по осям коридоров до ста километров в ширину. Сооружение таких коридоров развития вдоль оси транспортных магистралей не только сокращает затраты на трансеазиатский транспорт товаров. Оно будет, по его мнению, способствовать устойчивому развитию малонаселенных регионов Северной Азии.

На Всемирном Философском Конгрессе (Сеул, 2009 г.) в процессе обсуждения доклада автора данной статьи «Устойчивое развитие и экологическая этика» основоположник экологической этики английский философ Р. Аттфилд посоветовал российским философам осмыслить роль строительства Транссибирской магистрали как первого успешного проекта устойчивого развития больших территорий. В XXI веке в качестве такого мегапроекта глобального устойчивого развития можно назвать создание высокотехнологичной транспортной системы (включая сверхскоростные железные и автомобильные дороги, северо-морской путь и т.д.), соединяющий Западную Европу с Восточной Азией и Северной Америкой. Как известно, эта идея широко обсуждается в научных и деловых кругах России.

Создание новой экономической инфраструктуры в Сибири вдоль высокотехнологичных транспортных магистралей обеспечит России «прорыв» не только в техноэкономическом, но и в культурно-цивилизационном развитии. Создание экотехнополисов и безотходных производств, искусственных биосферных оазисов, малых агрогородов и других биосферосовместимых форм расселения людей создаст материальные условия для формирования духовно-творческого стиля жизни, разумного потребления и экологического поведения людей. Сибирские территории — это стратегический ресурс России и экологический потенциал глобального устойчивого развития. Задача России состоит в объединении усилий Востока и Запада, Китая, Японии и США (в рамках единого правового поля) в целях реализации крупных мировых мегапроектов по освоению и социализации азиатских территорий России.

Расширение евроазиатского сотрудничества по освоению территорий Северной Азии (Сибири) мы рассматриваем как локомотив устойчивого развития России и мирового сообщества в целом. Перефразируя М.В. Ломоносова, можно сказать: Не только российское, но и мировое могущество прирастать будет Сибирью.

Во-первых, создание глобальной экономической инфраструктуры Сибири можно рассматривать как опережающую всепланетную акцию в случае внезапного или постепенного изменения климата на Земле. Это воистину Общее Дело человечества.

Во-вторых, после присоединения России к ВТО и ОЭСР у нее появляется величайший шанс на инновационный прорыв в случае использования фактора глобализации в собственных интересах. Почему бы России не выступить в роли конструктора всепланетного объединения народов единой транспортно-коммуникационной системой? Это было бы весомым вкладом России в развитие глобализации.

В-третьих, сегодня мировой капитал не находит себе должного применения. Мировая экономика характеризуется чрезмерным ростом виртуально-финансового и спортивно-развлекательного секторов сферы услуг. Инвестиции в создание экономической инфраструктуры в Северной Азии (Сибири) будет способствовать возрождению реального сектора мировой экономики (вместо «производства симулякров»). Вполне вероятно, что Сибирь станет геоэкономической осью мира, а Байкальский регион – центром геоэкономики.

На наш взгляд, интеллигенции Байкальского региона (и Бурятии) следует организовать научное обсуждение стратегической идеи С. Шойгу о создании госкорпорации по развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока и переносе столицы Российской Федерации в Восточную Сибирь.

© Л. Л. Абеева
(Улан-Удэ)

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЭЛИТЫ СОВРЕМЕННЫХ МОНГОЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ КИТАЯ, МОНГОЛИИ И РОССИИ

Глобализационные и интеграционные процессы, происходящие в современном мире, несомненно, оказывают трансформирующее воздействие на мировоззренческие и поведенческие сферы любой этнокультурной традиции, в какой-то степени изменяя ее культурную идентичность и традиционные системы ценностей. И хотя интегративные процессы любого сообщества, прежде всего, касаются экономических, политических параметров конкретного сообщества, в результате все же меняется и вектор их традиционных социальных и культурных характеристик. В первую очередь, как правило, инициаторами и инспираторами подобных изменений и трансформаций являются элиты конкретных этнических со-

обществ, обуславливая тем самым трансформацию традиционного мировоззрения, изменяя специфику культурного генома, ядром которого является геном ценностных ориентаций.

Территориальное и культурное пространство монгольской метаэтнической общности – монгольского суперэтноса – в современный период представляет собой многообразное этномонгольское сообщество в Китайской Народной Республике, собственно монгольское сообщество в Республике Монголия и две монгольские этнические общности в России. Генезис культурной идентичности монгольской метаэтнической общности – это Великая Степь с ярко выраженной кочевой цивилизацией, мировоззрением и мировосприятием кочевника, выработавших особую и специфическую форму этнической психологии, кочевой ментальности и традиционных ценностей. В качестве общего культурного наследия среди всех монгольских народов сохраняются основные элементы кочевой цивилизации: знаки, символы, язык, ценности, правила кочевого образа жизни, социальные нормы, социальные санкции, представления о мифологическом и реальном, поведенческие нормы, этикет, обычаи, традиции, ритуалы.

Культурная идентификация элиты в определенные исторические моменты трансформирует свою традиционную структуру соответственно существующей системе этнокультурного окружения, естественным и эволюционным образом сокращая и изменяя при этом прежние мотивации и ценности, обретая многие характеристики урбанизированного социума. Как пишет известный этносоциолог М.Н. Губогло: «Постановка вопроса об идентичности, т.е. об обретении новых или переосмысления прежних идентичностей в ходе трансформационных процессов, служит предтечей для другой, более важной, проблемы – каким образом и в каких масштабах происходили изменения»[1].

В рамках проекта кафедры культурологи БГУ «Социокультурный облик бурятской диаспоры в Китае» в 2007 году этнокультурологом, учеником М.Н. Губогло – Т.Н. Абаевым была, как он пишет, «предпринята попытка исследования монгольских этнических групп в г. Хулун-Буир Автономного района Внутренней Монголии Китайской Народной Республики. Основная цель проекта заключалась в исследовании этносоциальной структуры монгольских этнических групп, населяющих этот регион и в попытке проанализировать развитие их этнокультурных традиций, а также вывести их этносоциальный и этнокультурный потенциал, создавшийся в инокультурном и иноэтническом окружении и влиянии»[2]. В результате своих полевых исследований ученый приходит к выводу, что

шэнэжэнские буряты Шэнэжэнского балгаса, дагуры в Дагурском сомоне аймака Баян-Тала (в основном – Цицикар и Морин Даваа), баргуты «шинэ» и «хучин» («старые» и «новые») Старобаргутского, Западного и Восточного хошунов, с центром в г. Баян-Хурэ и другие монгольские этносы и группы этого региона, «не утратили свою основную хозяйственно-культурную доминанту – скотоводство (причем они являются одним из основных поставщиков натуральных мясных продуктов в Китае), а значит, и их этнокультурный потенциал все еще достаточно высок, так как многие элементы традиционной культуры не подверглись ассимиляции» [2]. Наши собственные полевые исследования в районе Внутренней Монголии КНР подтверждают эти данные. Единственное в данном контексте, хотелось бы добавить и отметить, что мировоззрение и мировосприятие элиты монгольских общностей Внутренней Монголии Китая – баргутов, хорчинов, джалайт и бурят в Хулунбуирском аймаке Внутренней Монголии Китая; хорчинов в Джеримском аймаке; харачинов, ару-харачинов, огнютгов, хэшигтэнов, тумэтов, баринов в Жоудасском аймаке; узумчинов, хучинов, абага, абаганаров в Шилингольском аймаке; чахаров в Чахарском аймаке; уратов, дурбэн хухэтов, дархан-мянгатов в Уланцабском аймаке и ордосов в Ехэ-Чжоуском аймаке, а также упомянутых Т.Н.Абаевым дагуров, баргутов, хорчин, харчин, дунсянь, баоянь, бурят и многих других – в смысле культурной идентичности как «не - ханьских» этносов Китая, последовательно продолжает гомогенизироваться с доминирующей китайской социальной и культурной идентичностью. При этом, среди элиты бурятской диаспоры во Внутренней Монголии КНР, в их мифологическом и реальном сознании фиксируется четкая тенденция возвращения на историческую родину – современную Россию, несмотря на то, что экономические условия их проживания в Китае и возможного возвращения их в Россию несопоставимы. По этнографическим данным этнолога Д.Д. Нимаева, в некоторых провинциях КНР дисперсно проживают такие этнические монгольские группы как: горлосы – в Хэйлунцзян, тумэты – в Ляонин, кукунорские монголы – в Цинхай и в провинциях Ганьсу и Юньнань. При этом автор приводит новые количественные данные о численности населения Внутренней Монголии КНР. Общее количество населения – 22 миллиона человек, из них «неханьского» (некитайского) происхождения – 4 млн., 3,3 млн. из которых принадлежат к монгольской метаэтнической общности. Общая численность монголов в Китае – добавляет автор, ссылаясь на Жоголева И.А., – согласно данным 4-ой переписи населения 1992 года, 4 802 407 человек [3].

Как уже неоднократно подчеркивалось нами, и отмечалось многими исследователями – каждая этническая культура воспринимала и анализировала этнокультурные реалии и феномены других культур с точки зрения своих, исторически и генетически традиционно устоявшихся парадигм. Такой классический вектор направленности обычно традиционен и мало поддается большим изменениям. Фундаментальные ценностные структуры собственных этнокультурных традиций и связанная с этим собственная этническая сущность и проявленность, а также этническая, социальная и культурная идентичности всегда, как правило, выступают доминирующими и этнофиксирующими маркерами в оценке и анализе других культур. Так, например, элита китайской культуры, относящейся к древним и осевым культурным цивилизациям, (как и Римская, также именуемая «осевой» в культурологии), с некоторым высокомерием относилась к культурным реалиям своих сопредельных территорий, населенных этносами со специфическими этнокультурными традициями, передвижными жилищами, своеобразной системой культуры питания, не понимая адекватно феномен культурной идентичности монгольской метаэтнической общности, населяющей Великую Степь, относя их со своей высокой колокольни к «варварским». Относительно китайской этнокультурной традиции, с точки зрения языка культуры, – в процессе эволюции общения возникло некоторое непонимание некоторых объектов и субъектов монгольской этнокультурной традиции, так как исторически китайская традиционная культура – это земледельческий вид хозяйствования, с оседлой жизнедеятельностью и системой жизнеобеспечения, тогда как монгольская этнокультурная традиция – это кочевая цивилизация с достаточно подвижной, динамичной и мобильной системой передвижения и особой структурой жизнеобеспечения и жизнедеятельности. Здесь, естественно, фиксируются моменты непонимания и тенденции неприятия многих этнокультурных элементов, недоступных для адекватной интерпретации, так как в культуре земледельческих народов отсутствуют эквивалентные феномены, а значит и термины, для обозначения того или иного культурного феномена кочевых культур.

Совсем иная структура культурной идентичности среди элиты Республики Монголия, где в результате длительных этнических и этносоциальных процессов с многочисленным количественно и доминирующим в этнокультурном отношении – халха – слились племенные объединения дариганга, хотогойты, сартулы, узумчины, хорчины, чахары и др. В многоэтнической Монголии культурная компетентность элиты общества происходила в русле урбанизационных процессов.

При этом культурная идентификация и самоидентификация представителей монгольской общности, например, во Внутренней Монголии происходила на уровне: китайская оседлая культура и культура кочевников; в Синьцзянском автономном районе КНР: китайская оседлая культура и культура как собственно монгольских кочевников, так и кочевая культура тюркских этносов; в Монголии – на уровне: маньчжурская культура и монгольская кочевая культура, в основном в условиях моноэтнической структуры; в Бурятии и Калмыкии: славянские этнические сообщества и бурятский и калмыцкий этнический стереотип кочевой цивилизации.

Традиционные ценности метаэтнической монгольской общности, в виде стереотипов поведенческих, мировоззренческих, мифологических и мифотворческих подверглись меньшей степени трансформации, изменившись лишь с эволюцией политической и экономической структур конкретного монгольского этноса. Аксиологическая структура кочевой культуры осталась практически на уровне традиционной, внося лишь некоторые инновационные моменты в существующую культурную модель. Элита современного периода во всех монгольских сообществах всей монголосферы также почитается как ханы до и после Чингис-хана.

Конфессиональная идентичность монгольских народов добуддийского периода фиксирует такие религиозные сакральные символы, как Хухэ Мункэ Тэнгэри (Вечно Синее Небо), которому отправлял свой личный и автономный ритуал самый элитарный исторический и легендарный персонаж в монгольской истории – Чингис-хан. В культурном пространстве своего бытия монгольская метаэтническая общность, как правило, сакрализовала многие существовавшие вокруг ландшафтные и природные объекты – горы, озера, реки, деревья и т.д. К сакральным символам они относили также и небесную Сферу, почитая Солнце, Луну, звезды, созвездия, небесные светила, Полярную звезду (Алтан Гадас), Большую и Малую Медведицу (Долон Убэгэн, Млечный путь, Плеяды (Мичит), Венеру (Цолмон). В структуру астральных и сакрализованных мифов монгольских народов также было включено и Небо – как категория безначальная, и значит бесконечная, несотворенная, владеющая судьбами мира монгольского сообщества и его отдельных индивидов.

С распространением буддизма во всей монголосфере религиозными символами стали – Будда, Цзонхава, Чжэбзун-Дамба хутухта, Белая и Зеленая Тара, а также многочисленный пантеон буддийских бодхисатв и защитников веры. Конфессиональная идентичность монголосферы пролегает в рамках шаманских, неошаманских традиций в меньшей степени, и в большей степени – в рамках буддийской религиозной культуры.

Амбивалентная культурная идентичность наблюдается практически у всех представителей элиты монгольской метаэтнической общности не только в результате кросскультурных взаимовлияний, но и в силу высокой степени их адаптационных этнокультурных возможностей, выработанных еще в период Монгольской Империи. Как известно, амбивалентная идентичность в векторе развития этнокультурных характеристик является следствием продолжительных контактов с инокультурной средой. Элита монгольских этносов Китая одинаково хорошо адаптировала современные китайские этнокультурные реалии, в том числе и язык. Бикультуральными, и, следовательно, – и билингвальными, вовлеченными в канву российских этнографических, социальных и политических реалий являются также элиты калмыков и бурят в России. Примечательно здесь также и то, что в отличие от монгольских этносов Китая, где на китайском языке фактически свободно говорит только элита, представители бурятского и калмыцкого этносов свободно говорят на русском языке, в какой-то степени демонстрируя этнокультурную индифферентность к родному языку.

Культурная индифферентность бурят и калмыков свидетельствует о практически завершившемся процессе аккультурации этих этносов в поликультурном пространстве России. Длительный процесс взаимодействия с русской культурой и представителями семейских и казачьих этнокультурных реалий, пришедших в Восточную и Южную Сибирь вместе с их носителями, несомненно, обогатили культурную компетентность бурятского этноса, в какой-то мере «спровоцировав» высокий уровень этнокультурной адаптации, а также коллективную и индивидуальную толерантность.

Культурная идентичность и компетентность калмыцкого этноса в России достаточно многослойна и сложна. Исторически они являются выходцами из Западной Монголии, осевшими на современной территории проживания лишь в ХУП веке. Элита калмыцкого сообщества не теряла связей со своими сородичами как в Западной Монголии Республики Монголия, так и в Синьцзянском автономном округе Китайской Народной республики в различные исторические периоды. Небезынтересно, что, будучи великолепными всадниками, значительно выделявшими их среди всех монгольских народов, они успешно адаптировались в период Российской империи, проходя военную службу в охране царской фамилии. Годы репрессий в СССР разбросали калмыцкий этнос практически по всему миру. Калмыцкие диаспоры населяют США, Францию и другие европейские страны. В данном случае культурная идентичность элиты

этих диаспор достаточно высока, так как не были потеряны устои собственной идентичности как представителей монгольской метаэтнической общности.

Говоря о культурной идентичности современной элиты бурятского и калмыцкого этносов, необходимо отметить, что в сферу их культурной компетентности не входит знание старобурятского письменного языка (в основе – старомонгольского, за небольшой дифференциацией), алфавит которого был инспирирован на основе уйгурской вертикальной письменности представителями монгольской и бурятской духовной элиты и старокалмыцкого «Тод Бичиг» – «Ясного письма», созданного Зая Пандитой – также представителем элитарного буддийского духовенства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Губогло М.Н. «Вызовы глобализации и искушения идентификации», монографическая работа «Идентификации идентификаций» Этносоциологические очерки. М., Наука, 2003, С.69.
2. Абаев Т.Н. «Этносоциальная структура и этнокультурный потенциал монгольских диаспор в гХулун-Буир АРВМ КНР»//Диаспоры в современном мире, Улан-Удэ, изд-во БГУ, 2007, С.127.
3. Нимаев Д.Д. «Монгольские народы: этническая история и современные этнокультурные процессы». Учебное пособие, Улан-Удэ, издательство БГУ, 2007, С.17.

© Т.И. Грабельных
(Иркутск)

МЕСТО И РОЛЬ ВУЗОВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ПЕРЕХОД К НОВОМУ ТИПУ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Размышляя о роли и судьбах российской интеллигенции, я не могла не вспомнить студенческие годы. Для меня это были первые встречи с вузовской интеллигенцией 1980-х годов. На протяжении всех 5-ти лет обучения на философском факультете Уральского государственного университета никогда не возникало и тени сомнений в качестве обучения и эффективности организации образовательного процесса. Профессорско-преподавательский корпус выступал как некий монолит, скрепляющий, цементирующий, направляющий и формирующий наши профессиональные и личностные компетенции и стратегии. Как главный субъект вузовской интеллигенции профессорско-преподавательский состав классиче-

ского университета в этот период отличался своей философией конструктивного действия соответствующей своему времени относительно образования и воспитания студенческой молодежи, идейной убежденностью и сознанием предстоящих перемен. Личность преподавателя, тексты классиков и погружение в профессионально-жизненные практики играли ведущую роль в профессиональной подготовке специалистов данного профиля. Книга выступала особым инструментом в руках вузовской интеллигенции. Так один из степенных преподавателей, читая марксистско-ленинскую философию, зачитывал нам – студентам – большие по объему фрагменты текстов. Он не прибавлял ничего от себя, он просто тиражировал смыслы. И мы вникали и не вникали, научного творчества на тот момент не было. Был урок повторения текстов и истории. При этом создавалась уникальная ситуация методологического выбора. По разным причинам пробуждалось сознание. Рождалась методология, а значит, и формировались изнутри предпосылки для развития научного творчества. Главным достоинством вузовского образования я всегда считала и считаю развитие методологического мышления и формирование технологической культуры. Когда меня спрашивают – что мне лично дал вуз, я неизменно называю 3 основные константы философского и социологического образования – методологию, технологию и активную жизненную позицию. Хотя все названное получило развитие в большей степени по окончании университета уже в условиях другого города, другого вуза и другой образовательной и научной среды. Считаю важным подчеркнуть, что на всех этапах профессионального становления ведущая роль принадлежала вузовской интеллигенции как яркому представителю российской интеллигенции.

В своих характеристиках вузовской интеллигенции последних двух десятилетий XX в. я придерживаюсь той точки зрения, что именно она в этот период выполняла основную мировоззренческую и социально-технологическую роль не только в вузе, но в целом в государстве и обществе. Причем в 1990-е годы эта роль стала проявляться еще более рельефно, учитывая напряженность исторической ситуации. Пополняя ряды вузовской интеллигенции, мы не боялись брать на себя ответственность в осмыслении и анализе происходящих процессов. Выбор тем и направлений исследований, реализация исследовательских стратегий, высокая профессиональная занятость и напряженность интеллектуального труда, индивидуальная работа со студентами, переход на новые формы обучения, связанные с необходимостью повышения качества образования, и многое другое – все это имело место уже в тот период и определялось вызовами времени.

Смена типов и условий развития государства, трансформация социальной структуры общества вызвали переход к новому типу российской интеллигенции в целом и вузовской интеллигенции, в частности. Складываются предпосылки для формирования нового образа интеллигенции в условиях возрастания спроса на интеллектуальный труд, интеллектуальные ресурсы и капитал. Между тем, в 1990-е годы вузовская интеллигенция выживает, находясь в кругу, по сути, в замкнутом пространстве противоречий, смены ориентиров и моделей развития. Опираясь на опыт работы в различных российских вузах – столичных и региональных (МПГУ, Комсомольский-на-Амуре государственный педагогический университет, Восточно-Сибирский институт МВД России и др.), практики по обмену опытом и в целом в сфере профессиональных взаимодействий, а также исследовательские практики, я не могу не сделать заключение о том, что на рубеже веков, во-первых, несмотря на усиливающуюся разнородность в социальной среде и в среде российской интеллигенции, ее ядро как социально-профессиональной группы общества сохраняется; во-вторых, данная группа, опираясь на профессиональные сообщества, вступает в «борьбу» за новый статус как интеграционного ресурса интеллектуального развития, в большей степени это определяется доступом к власти и статусом ее ведущего субъекта, а именно, позицией вузовской и научной интеллигенции; в-третьих, происходит переоценка экспертного потенциала, вследствие чего место и роль интеллигенции отныне измеряются ее положением в экспертном сообществе и его сформированностью. В сложившейся ситуации становится очевидным – интеллигенция подтверждает или не подтверждает свой статус как социально-профессиональной и политической силы? В этот период активно трансформируется социально-профессиональная структура общества. На мой взгляд, делая ставку на развитие экономики знаний, экспертное сопровождение управленческих решений, научно-аналитическое обеспечение социальных процессов на базе программно-целевого и других методов и реализуя принципы инновационности и креативности, интеллигенция в целом выполнила свою основную миссию – с ее участием в России была подготовлена площадка для разработки инновационных стратегий 2000-х годов, в числе которых и долгосрочные концепции социально-экономического и инновационного развития России.

Разделяя мнение о том, что в 1980-1990-е годы российская интеллигенция переживает тяжелые времена – времена выбора и исканий, признаем, что в первое десятилетие XXI века перед интеллигенцией стоят опять новые испытания. И главное – проблема поиска своей идентичности.

Что такое интеллигенция сегодня? Для одних, важнейшим подтверждением ее статуса выступают реакция на вызовы глобализации и восприимчивость к модернизации; для других, – возможности реализации

интеллектуальных ресурсов и спрос на рынке интеллектуальных услуг. В качестве основных версий развития интеллигенции приведем пять:

1) интеллигенция выживает, но как социально-профессиональная группа она обречена;

2) интеллигенция потребляет, у общества потребления свои требования и пределы роста;

3) интеллигенция конкурирует, в современных условиях потенциал интеллигенции не исчерпан, более того, он нарастает в силу востребованности интеллектуальных знаний и технологий, спроса на интеллектуальные продукты и услуги;

4) интеллигенция обретает новую сущность, с одной стороны, это продиктовано переходом к четвертичному сектору, с другой стороны, поиском истины и смыслов;

5) интеллигенции больше нет.

В последнем случае мы исходим из осознания того факта, что быть и иметь стали главным принципом сегодняшней жизни. Интеллигенция как производитель смыслов утратила свою сущность. На смену такому пониманию пришло иное понимание интеллигенции как производителя технологий. В традиционном понимании, учитывая духовные процессы, мы имеем отсутствие логики, простоты и поиска истины. Зачастую наблюдается потеря смыслов и стимулов к саморазвитию, а значит, утрата интеллигенцией своей сущности. Мы слышим, «Мы жили, мы верили», «Мы живем, но не верим», «Мы познаем, но без веры, без истины, без понимания».

Какой версии придерживаемся мы? Больше третьей и четвертой в их взаимосвязи. На наш взгляд, необходимо проведение глубоких междисциплинарных исследований, посвященных феномену российской интеллигенции XXI в. В качестве приоритетных направлений социологических исследований мы видим следующие:

1. Вузовская интеллигенция и социально-профессиональные сообщества в условиях модернизации России.

2. Позиционирование интеллигенции в социальном пространстве региона (в контексте практик социального партнерства).

3. Интеллигенция в пространстве смыслов, политик и исследовательских практик.

4. Интеллигенция и власть: отношение к инновациям

5. Социальное самочувствие интеллигенции в России и ее духовные поиски в XXI в.

6. Интеллигенция в России: экспертиза, аналитика, прогноз.

7. Вехи и будни российской интеллигенции на рубеже веков.

Полагаем, что вузовской интеллигенции в России еще предстоит сыграть особую роль в развитии общества и государства.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ МАРГИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В современном мире увеличивается значение образования как важнейшего фактора формирования нового качества экономики и общества в целом. Увеличивается влияние образования и на формирование человеческого капитала, которым является научно-техническая интеллигенция, то есть лица, которые в результате обучения в специальных учебных заведениях и накопления знаний, в ходе практической работы в состоянии выдвигать и разрабатывать научно-технические идеи, воплощать их в технике и технологии, а также генерировать новое научное и техническое знание и способствовать его внедрению в различных областях общественной жизни.

Структура научно-технической интеллигенции может быть представлена следующими группами: инженерно-технические, научные и научно-педагогические работники. Первая группа может быть дифференцирована по ряду критериев: конструирование приборов и оборудования; разработка программного обеспечения; создание новых производственных технологий; интеграция научных исследований в производство; организация и управление инженерной деятельностью и т.д. Правомерным представляется также определение для этой группы как совокупности лиц, занятых научными исследованиями и разработками, чья творческая деятельность, осуществляемая на систематической основе, направлена на увеличение суммы научных знаний, а также занятых оказанием прямых услуг, связанных с выполнением научных исследований и разработок.

Анализ развития научно-технической интеллигенции в исторической динамике, позволяет согласиться с позицией, которая уточняет, что в современном российском обществе эта социальная группа представляет собой, скорее, его интеллектуальную (нежели духовно-нравственную) элиту, не интеллигентов, а интеллектуалов, специалистов в области науки и техники, причём у многих из них уровень нравственности, гуманитарной культуры не всегда высок. Отмечается, что в связи с изменением в конце XX в. социальных функций, многих социальных групп, произошло исчезновение интеллигенции и замещение её «интеллектуалами»; происходит конструирование профессиональной идентичности молодого поколе-

ния учёных не столько по основаниям «творчество», «призвание», «труд», «талант», сколько с помощью таких понятий, как «инициативность», «целеустремленность», «коммуникабельность», «чувство нового». Ценностным ориентациям, свойственным постсоветскому поколению учёных, присущи такие составляющие, как приоритет экономического над культурным, интеллектуального над творческим, прагмы над идеалом. Профессиональная и социальная идентичность российских учёных, научной интеллигенции совмещает в себе высокие идеалы и цинизм, бескорыстие и алчность, профессионализм, добросовестность и теневые практики, имитацию деятельности, амбивалентность ценностных позиций.

Анализ становления нового типа российской научно-технической интеллигенции, на наш взгляд, возможен в контексте круга проблем, которые связаны с изучением маргинальности, на основе двух взаимосвязанных подходов. Первый подход связан с проблемой идентичности процессов образования и социальной идентификации современной западной и российской научно-технической интеллигенции. Второй подход подразумевает проведение исследования в контексте позитивных и негативных тенденций в современной российской научной сфере, их соотношения с траекториями развития мировой науки.

Говоря о маргинальности в первую очередь, мы имеем в виду, пограничную ситуацию, то есть состояние перехода индивида или социальной группы из одной ситуации в другую, что, несомненно, ведёт к определённым психо-эмоциональным состояниям, так же в маргинальную ситуацию вкладывается смысл «отстранённости», исключение индивида или социальной группы из социальной, экономической, политической жизни. На наш взгляд данные подходы в современном обществе и в российском обществе в частности более не являются репрезентативными, так как современный мир находится в состоянии трансформации, происходят постоянные социальные изменения.

В условиях масштабной трансформации общества многие социальные группы испытывают на себе не только нисходящую мобильность, однако и этот переход сопровождается состояниями фрустрации. Происходят внутригрупповые трансформации, социальные группы перестают быть однородными и происходит процесс внутригрупповой дифференциации, что предполагает некую маргинализацию. Исходя из этого, можно сказать, что маргинальный человек или группа – это в первую очередь символы трансформирующихся общественных отношений. Понятие маргинальности, следовательно, является общей чертой трансформирующегося общества.

Маргинальность проявляется так же и на микроуровне социального взаимодействия в обществе, в сфере межличностных отношений и социальном взаимодействии. Можно выделить основные факторы, по которым можно судить о маргинализации общества:

- 1) кризис идентичности;
- 2) массовая безработица и как следствие её, кризис профессиональной идентификации и профессиональной дезадаптации;
- 3) кризис этнической идентификации;
- 4) параллелизм – старые социальные институты продолжают действовать по инерции и в то же время новые социальные институты декларируют новые социальные ценности, вследствие чего происходит двойственность мировоззрения, двойственность жизненных установок, дезорганизация и дегуманизация общественных отношений;
- 5) утрачивается положительное восприятие своей социальной принадлежности;
- 6) дистанция между маргинальными группами и не маргинальными становится слабой и практически незаметной, вследствие чего маргинализация захватывает и такие социальные группы которые ранее традиционно не принадлежали к маргинальным слоям (например, в маргинальную ситуацию попадают люди с высшим образованием).

Вследствие вышеперечисленных факторов проявления маргинальности в обществе вырабатываются такие личностные качества, которые присущи большинству населения как: неопределенность, неуверенность, агрессивность, различные социальные страхи, социально-психическая неудовлетворённость жизнью в целом, а так же пассивное устранение от проблем.

Процесс социальной трансформации значительно изменяет сложившиеся ранее в обществе основы идентичности. В дальнейшем, при смещении социальных связей позволяющим обществу быть единым, происходит кризис Эго и социальной идентичности, данный кризис перестаёт, воспринимается личностью как нечто трагичное и потребности в приобретении идентичности ослабевают, кризис идентичности становится незаметным и приобретает формы стиля жизни. В современном меняющемся обществе становится выгодно не иметь чёткой идентичности, так как при постоянной трансформации и быстром движении индивидов и социальных групп, сложно сохранить свою идентичность, более того она в последствии может восприниматься как помеха к достижению жизненного успеха. Индивид старается не обременять себя устойчивой идентичностью и предпочитает «блуждать» по поверхности социальной структу-

ры, не имея однозначную идентификацию себя с какой либо позицией, таким образом происходит тотальная маргинализация всех социальных отношений. Можно сказать, что присутствует сознательный отказ от устойчивой идентичности. Отсутствие устойчивой идентичности может привести к не возможности построения жизненного плана, что влечёт за собой потерю контроля над собственной жизнью, жизненный путь превращается в цепь случайных, хаотичных событий, которые не может контролировать индивид. Если речь идёт о сознательном отказе от устойчивой идентичности, то можно говорить о том, что индивид как бы снимает с себя ответственность за свою жизнь и предоставляет всё случаю.

Молодежь традиционно оказывается в маргинальной ситуации и в борьбе идентичности, в первую очередь это связано с биологическими параметрами (ещё не взрослый, но уже не ребёнок), а так же с социальными. Социальная идентификация выполняет функции, как на групповом так и на личностном уровне. Благодаря ей общество включает индивидов в систему социальных связей и отношений, а личность реализует потребность в групповой принадлежности, защите, самореализации, оценки другими индивидами, а так же возможностью влиять на социальную группу которой принадлежит индивид. Если же индивид не может приобрести личностную идентичность, а через неё и социальную идентификацию, возникает ряд как психологических, так и социальных проблем. Последние могут выражаться, как в неприятии индивида определённой желательной, для него социальной группы, так и в негативной идентичности, которая выражается в неприятии норм и ценностей общества, делении общества «от противного». То есть, самоутверждение происходит благодаря противопоставлению другому индивиду, социальной группе или обществу в целом и выражается в виде агрессии, отрицании норм данных общностей, что может приводить к различным проявлениям девиантного поведения в молодёжной среде. Так же может сформироваться гиперидентичность, которая характеризуется возведением в абсолютную ценность себя, своей социальной группы, своего этноса и полного неприятия другого этноса, социальных групп и в крайнем случае других индивидов, что так же приводит к агрессии, к ксенофобии, расизму, дегуманизацию отношений. На наш взгляд, негативная идентичность и гиперидентичность являются следствием проблемной социально-культурной среды, а так же сложностями в формировании социальной идентичности.

Следующим фактором маргинализации общества является кризис профессиональной идентификации и профессиональной дезорганизации вызванный массовой безработицей. На фоне экономического кризиса

многие не могут быть уверенными в завтрашнем дне, в плане сохранения рабочего места, высок риск оказаться безработным, отсутствие уверенности в устойчивости собственного материального благосостояния и как причина потеря рабочего места приводят к кризису профессиональной идентификации и дезорганизации. Если индивид или профессиональная группа не могут быть полностью уверены в том, что они сохраняют данный профессиональный статус в ближайшем будущем, то индивид, который прогнозирует данные риски, не будет стремиться приобрести профессиональную идентификацию, так как в любой момент он может лишиться рабочего места, связанного с данной профессией. Это неустойчивое состояние ведёт не только к потере устойчивой профессиональной идентификации, но и к профессиональной дезорганизации, то есть не эффективной работе, причина которой – не уверенность в завтрашнем дне.

В молодёжной среде, главным образом в студенческой среде данные факторы могут повлиять на профессионализацию, на восприятие своей профессии как временной или восприятие получаемой специальности как дела, с которым впоследствии индивид, получающий данную специализацию, не связывает свою дальнейшую карьеру. Данный фактор усугубляет процесс дезорганизации профессии и профессиональной идентификации, что в свою очередь делает практически невозможным приобретение чёткой профессиональной идентификации.

Ещё один фактор, которым обозначается маргинальность, является кризис этнической идентификации. Этническая идентичность – это психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности. Данная категория может проявляться как патриотизм, осознанием себя как гражданина своей страны и через это формирование гражданственности. Но в период трансформации, быстрых изменений, особенно в политическом плане формируется неопределённость в этнической идентичности, по-нашему мнению, в российском контексте данная проблема приобретает новые очертания. На данном фоне социально-политических и социокультурных изменений становится проблематично приобрести устойчивую этническую идентичность для всего социума. Данный феномен, влечёт за собой не только потерю этнической идентичности, но и приобретения гиперидентичности.

Маргинальность так же выражается через параллелизм, как в общественных институтах, так и в социальных взаимоотношениях и мировоззрении. При ситуации, когда старые социальные институты продолжают действовать по инерции, транслируя характерные для них ценности, по-

являются новые социальные институты, которые так же предлагают ценности и нормы, только отличные от тех которые прилагались старыми. Данные ценности могут противоречить друг другу или быть взаимно исключающими. В данной ситуации у членов общества происходит некое раздвоение мировоззрения, принимаются двойственные установки, а так же происходят внутренние конфликты.

Особенностью трансформирующегося общества и присущего данному обществу распространения маргинальности является слабая и практически не заметная дистанция между маргинальными группами и не маргинальными. Данный фактор затрудняет анализ маргинальности, так как становится практически невозможным определить «норму», которую усугубляет тот факт, что наряду с «традиционными» маргинальными группами (мигранты, преступники, бездомные), маргинализируются и те социальные группы, которые ранее к маргинальным слоям никогда не принадлежали (например, люди, ставшие безработными из-за экономического кризиса, социальные группы, теряющие свои статусные позиции в трансформирующемся обществе, но сохранившие потребности присущие им до смены статуса, при этом ожидание вновь повышения данного статуса не предвидится, в первую очередь это касается профессиональных групп).

В первую очередь появление «новых маргинальных групп» связано с профессиональной деятельностью. Появляются целые сегменты рынка труда, которые находятся в «неопределённом», переходном и трансформирующемся состоянии. В экономическом аспекте можно выделить три основные группы «новых маргиналов»:

1. «Постспециалисты» — это профессиональные группы, потерявшие в процессе трансформации общества и экономической сферы раннее занимаемые социально-профессиональные позиции и утратившие социальную перспективу. Общие характеристики этой группы: достаточно высокий, достигнутый во многом в прошлом социально-профессиональный статус, уровень образования и специальной подготовки; созданные кризисом и политикой государства условия невостребованности; несоответствие низкого уровня материального положения достаточно высокому социальному статусу; отсутствие возможностей изменить свой статус.

2. «Новые агенты» — предприниматели, самозанятое население. Данную группу в отличие от предыдущей отличает оптимизм, возможность самореализации. Основные критерии маргинальности на этом уровне «переходное» состояние всего социального слоя в процессе его становления; отсутствие благоприятной внешней среды как условия его устойчи-

вого, социально-призванного функционирования; существование на границе между «светом» и «тенью», легальным и теневым сектором в системе экономических отношений с множеством переходных «теневых» и криминальных форм существования.

3. «Мигранты» – вынужденные переселенцы из других регионов России и из стран «ближнего зарубежья». Особенности положения этой группы связаны с тем, что она объективно попадает в ситуацию множественной маргинальности, обусловленной необходимостью адаптации к новой среде после вынужденной смены места жительства.

Наряду с этим в общество интегрируются ценности и нормы, которые ранее ассоциировались исключительно с «традиционными» маргинальными группами. Ярче проявляются социально-психологические последствия кризиса социальной идентификации. Характерной моделью поведения становится выжидательная позиция, отчаянье, беспокойство. Испаряются сформированные в прошлом представления о жизни, возникает путаница и противоречивость между образами прошлого, настоящего и будущего, наблюдается смешение ценностей и установок, характерных для прежнего социального статуса, с новыми ценностями и установками, что и создает благоприятную почву для возникновения различного типа конфликтов, противоречий, альтернатив. Отчаяние и кризисные ситуации сопровождаются обострением чувства одиночества, отчужденности, ненужности. В подобных условиях сохраняются трудовая мотивация и этика, однако существенно изменяются мотивы, регулирующие поведение людей, и структура потребностей. Постепенно суживается сфера деятельности людей, возможность выбора целей, и смысл жизни ограничивается задачей изыскания средств к существованию. Если не удовлетворяются первоочередные, базовые потребности человека, то человек уже и не стремится ставить перед собой более высокие цели. Формируется новая система ценностей, которой присущи:

- 1) нетерпимость по отношению к социальным и государственным институтам;
- 2) крайние формы проявления девиантного поведения;
- 3) эгоизм;
- 4) этический релятивизм.

Углубление маргинальности приводит к тому, что система ценностей, свойственная маргиналам, выходит за рамки группы и распространяется на другие группы, фактически, проникая в традиционные мировоззренческие структуры. Вследствие увеличения количества маргинальных групп, появляются новые субкультуры, которые могут формировать альтернативные движения различного характера.

Те маргинальные группы, в которые вовлекаются нищающие и люмпенизирующиеся люди, приобретают определенные качества. У таких людей постепенно исчезают трудовая мотивация и этика, формируется потребительская психология. Работа перестает быть потребностью. Если еще и остаются какие-то целевые установки, то они непосредственно связываются только с процессом потребления, а так же с поиском материальных средств которые становятся самостоятельной ценностью. Расширяющаяся потребность в «потребительстве», которое не связано с трудовыми функциями получает более распространенный характер. Данный фактор может впоследствии привести к появлению и расширению «андеркласса».

Стоит отметить, что все негативные эффекты, связанные с маргинализацией общества, в первую очередь сказываются на такой социальной группе как молодежь — непосредственном источнике научно-технической интеллигенции. На наш взгляд, данные негативные эффекты острее всего и проявляются в молодёжной среде, так как процесс социализации, приобретения идентичности, так называемое «вступление во взрослую жизнь» сопровождается аномией общества, глубоким социально-экономическим кризисом, постоянной трансформацией общества, а значит и маргинальной ситуацией, о негативных эффектах которой было сказано выше.

В связи с этим, можно составить предположительный социальный портрет будущей российской научно-технической интеллигенции. Проблема социальной идентификации, которая в нашей стране, в современный период напрямую связана со сложностью и неоднозначностью процессов, происходящих сегодня и включающих в себя такие аспекты как неумение построить жизненный план; тяга к материальному благосостоянию которая, исключает потребность в труде; присутствие острого желания потреблять как можно больше, без особых усилий; высокий уровень девиантного поведения в молодёжной среде; отсутствие профессиональной идентичности и желания приобрести профессию; популярность такого стиля жизни как «прожигание жизни», что объясняет популярность таких субкультур как «золотая молодёжь»; отсутствие этнической идентификации, данный фактор может выражаться как в полном отсутствии патриотизма и осознания себя как части какой либо национальной общности, так и в крайних формах национализма и т.д.

В процессе маргинализации современного общества можно выделить следующие тенденции, определяющие траектории развития российской науки на современном этапе в ближайшей перспективе:

1. Старение кадров и сокращение кадрового состава научной сферы (примерно на 20–30% за 10 лет). В настоящее время средний возраст исследователей составляет 49 лет, кандидатов наук – 53 года, докторов наук – 61 год. Если сегодняшняя тенденция старения научных кадров сохранится, то к 2015 г. средний возраст российских докторов наук составит 70 лет, а кандидатов наук – 56 лет. Проблема воспроизводства новых научных кадров – одна из важнейших. Крайне слабый приток «свежих сил» в научное сообщество создаёт реальную угрозу утраты целых исследовательских направлений и научных школ, старшему и среднему поколению просто некому передавать накопленные знания и опыт.

2. Возникновение и развитие научных организаций негосударственной собственности с целью повышения эффективности и конкурентоспособности российской науки.

3. Активизация исследовательского потенциала в сфере общественных и гуманитарных наук, что особенно заметно на фоне крайне низкой динамики развития естественного и технического сегментов науки.

4. Продолжающийся отток кадров из российской науки, отсутствие целенаправленной государственной стратегии по регулированию социальной мобильности учёных.

5. Падение уровня общего образования молодёжи в целом, и высшего технического образования в частности.

Таким образом, в контексте синтезного использования двух подходов автор приходит к выводу, что формирование современной российской научно-технической интеллигенции происходит, несомненно, под влиянием маргинализации общества. В целом нужно отметить, что маргинальность в данном случае надо рассматривать не в контексте «окраинности», а как комплексное социальное явление, которое включает в себя общие черты поведения, способы социального взаимодействия, особенности социальных институтов в современном и кризисном обществе. Данные выводы подтверждают итоги постсоветского периода отечественной науки, которые весьма удручающи: сокращение численности научного сообщества, старение кадров и слабый приток талантливой молодёжи, значительное сужение организационной, технической и материальной базы науки, проблемы финансирования. Несомненно, это является причиной размывания российского научного потенциала, отставания российской науки от уровня мировой. И дело не только в эмиграции учёных, но и в уходе учёных в другие сферы деятельности, которые могут обеспечить более высокий доход и, соответственно, уровень жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Орлов С.Б. Интеллигенция как мифологический феномен / С. Б. Орлов // СОЦИС. – 2001 – № 11.
2. Соколов К.Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность / К. Б. Соколов // Русская интеллигенция. История и судьба. – М., 2000.
3. Элбакян Е. С. Российская интеллигенция как социокультурный феномен / Е. С. Элбакян // Общественные науки и современность. – 2003. – №3.
4. Гусалова М.Н. Становление нового типа научно-технической интеллигенции / М. Н. Гусалова // Власть. – 2009 – № 7.

Секция 1

«Методологические проблемы исследования идентификации современной интеллигенции»

© В. Х. Беленький
(Красноярск)

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Проблема идентификации интеллигенции всегда была сложной и вызывала немало разногласий и споров. С течением времени они скорее усиливались, нежели ослабевали, что объяснялось как объективными, так и субъективными обстоятельствами. Назовем некоторые из них:

1. Возникновение (после реформы 1861 г.) и становление российской интеллигенции совпали со становлением буржуазии и пролетариата, пришлось на полосу предреволюционного и революционного развития России, что наложило неизгладимую печать на интеллигенцию в целом и ее составные части.

2. История российской интеллигенции, необычайно бурная, богатая радикальными событиями, включает в себя три кризиса: после революции 1905-1907 гг., послеоктябрьский и после переворота 1991-1993 гг. Кризисы, особенно второй и третий, резко меняли состав, положение и субъективное состояние интеллигенции.

3. Интеллигенция всегда была объектом классовой борьбы, протекавшей в разных формах, с разной степенью ожесточенности, с большей или меньшей степенью участия в этой борьбе самой интеллигенции. Вместе с тем характер трудовой деятельности, более вы-

сокий уровень культуры интеллигенции предписывает ей относительно индивидуализированный образ жизни. Поэтому в каждый данный момент ей присущи самые различные взгляды, традиции, предпочтения, мотивы и установки, она лабильна и мобильна, нередко активнее и инициативнее других социальных общностей.

Полагая, что складывающаяся новая социальная структура российского общества включает в качестве основных буржуазный высший класс и рабочий класс, считаю важным подчеркнуть, что идеологи того и другого за двадцать лет не сумели выработать скольконибудь последовательной концепции отношения к интеллигенции. Правящие круги, с одной стороны, стремятся мобилизовать и использовать традиционный потенциал российской интеллигенции, ее патриотизм, чувство долга и ответственности перед народом, пробудить ее национальные и религиозные чувства, подвижничество и т.п., а с другой стороны – превратить ее в элемент среднего класса, в про-буржуазную силу, в носителя буржуазного образа жизни, в фактор стабильности и послушный объект эксплуатации. Идеологи КПРФ, партии, лишенной поддержки рабочего класса, стремятся представить интеллигенцию, прежде всего, производственную и научно-техническую, частью, а то и ядром последнего, маскируя тем самым отказ от принципов классовой политики. Все это прямо или косвенно воздействует на социологические исследования проблем интеллигенции.

Значение этих исследований чрезвычайно велико, поскольку на их основе вырабатываются соответствующие данные статистики, которые в России далеки от совершенства. Но социологи, интересующиеся проблемами интеллигенции, сталкиваются со значительными трудностями. Интеллигенция – предмет бесконечных дискуссий. Оспаривается если не все, то очень многое: интеллигенция сохранилась или исчезла, переродилась в интеллектуалов/профессионалов, вошла в средний класс или нет; каковы ее признаки, перспективы, духовный облик, не следует ли ее «переименовать» в профессионалы, интеллектуалы, когнитариат и т. д. Ответы на эти вопросы сопряжены, прежде всего, с необходимостью определить интеллигенцию. Существует немало дефиниций. Мной отстаивается следующая: *«интеллигенция – социальный слой людей профессионального умственного труда высокой квалификации, требующего специального образования и сосредоточенного на развитии культуры, а также её практическом использовании при выполнении особенно сложных общественных функций»*.

Это определение строится на основе лишь объективных критериев: всякие попытки утвердить субъективные критерии в социологических исследованиях расцениваются мной как проявление субъективизма. Далее, универсальным, обобщающим признаком интеллигенции является профессиональное развитие культуры (духовной и материальной) и ее практическое использование. Наконец, объективная необходимость интеллигенции обусловлена существующими формами общественного разделения труда: она выполняет наиболее сложные общественные функции. Можно как угодно ее нарекать, наделять различными статусами, но отменить ее общественное предназначение при существующем уровне развития производительных сил невозможно.

[В порядке отступления — о включении российской интеллигенции в средний класс. Такие попытки, особенно если они сопровождаются предложениями отказаться от традиционного именования интеллигенции, носят чисто идеологический характер: в них выражено стремление предотвратить оптимальную самоидентификацию интеллигенции. По существу же указанное включение невозможно, поскольку в России нет среднего класса. Это доказывается прежде всего арифметически. Что бросается в глаза, когда мы обращаемся к опыту развитых капиталистических стран? Средний класс внушительен по удельному весу (в районе половины населения) и включает людей с внушительными доходами. Сочетание этих двух характеристик возможно лишь в странах с высокой эффективностью экономики. Располагает Россия такой экономикой? Нет, не располагает. Более 10 лет назад намечался рубеж: догнать одну из самых отсталых стран Европы, Португалию. В 2010 г. по производству ВВП на душу населения она занимала 41 место, а Россия — 51. В США, где средний класс составляет примерно 44 % населения, производство ВВП на душу населения почти в три раза больше, чем в России. Зато по числу миллиардеров Россия занимает 2-е место в мире после США. По официальным данным, в нашей стране 17 — 19 млн. бедных, но по меркам Западной Европы — более половины населения. Именно к этой половине относится основная масса профессионалов, которые в России именуются интеллигенцией и которые охвачены «новой бедностью», неведомой в развитых странах, где занятость есть источник и гарантия хотя бы относительного благополучия.]

Только при наличии всей совокупности названных выше существенных признаков, которые должны лежать в основе инструментария социологического исследования, можно говорить о принадлежности респондентов к интеллигенции. Однако в некоторых случаях формальное наличие набора указанных признаков не дает основания включать их носителей в интересующий нас социальный слой. Чтобы в полном объеме объяснить это утверждение, надо обратиться к ленинской концепции интеллигенции [1]. В рамках данного сообщения считаю целесообразным ограничиться тем, что в современной России имеет место тенденция регенерации буржуазного и мелкобуржуазного характера интеллигенции в целом, как *социальной прослойки* (термин В.Ленина, А.Грамши). Эта тенденция противоречива, она сочетается с пролетаризацией и люмпенизацией интеллигенции и не может привести к реставрации того ее облика, который был ей присущ до Октябрьского переворота. Особого внимания заслуживает такое явление, как превращение интеллигентов в управляющих, чиновников, собственников (имеется в виду капиталистическая частная собственность). Этот процесс происходит неравномерно и на двух основных уровнях — на уровне высшего класса и на уровне средних слоев.

Как же преобразуются те интеллигенты, которые становятся менеджерами, чиновниками, мелкими и средними буржуа, крупными капиталистами? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы коснуться субъективного аспекта интеллигенции, который не охватывается данной выше дефиницией, но, тем не менее, очень важен, своеобразен и несомненно подлежит социологическому анализу. Имеется в виду *интеллигентность*.

В полной мере интеллигентный интеллигент есть идеальный тип. Долженствование интеллигентности для интеллигента отнюдь не означает, что в действительности абсолютно все интеллигенты интеллигентны и, тем более, интеллигентны в одинаковой степени и в общепринятых формах. К тому же разнообразие последних само по себе есть скорее благо, чем недостаток...

Как бы то ни было, но когда инженер становится собственником предприятия, доцент — управляющим крупной фирмой, а учитель — вице-губернатором, происходят серьезные статусные метаморфозы. Перед нами капиталист, топ-менеджер, крупный чиновник. Спрашивается, они остались интеллигентами или нет? Возможны разные мнения, например, следующие:

1. Да, они по-прежнему интеллигенты, ибо сохранили объективные признаки этого социального слоя.

2. Да: они не какие-то образованцы (А.Солженицын), а вполне интеллигентные люди.

3. Нет, потому что изменилось их поведение.

4. Нет, так как их главной функцией стала (становится) функция, не свойственная интеллигенции.

5. И да, и нет, поскольку, приобретая новые признаки, они не утратили старых.

Эти оценки отражают и обобщают мысли и наблюдения ряда общественников. Наиболее содержательны 4 и 5 ответы. Последний привлекает гибкостью, сочетанием стремления к определенности с пониманием того, что анализируемые социальные сдвиги исторически кратковременны, во многих случаях носят незавершенный, неустойчивый характер и т.п. Однако самым значимым для раскрытия сущности происходящих перемен является 4-е мнение.

Отличительной чертой интеллигенции в дооктябрьской России было то, что в массе своей она не являлась собственническим слоем. Тем более это относилось к советской интеллигенции. Но еще до и особенно после августа 1991 г. в интеллигентской среде начались быстрые и сильные изменения. Под воздействием различных объективных и субъективных причин многие представители интеллигенции, особенно молодой, шире других слоев занялись бизнесом, менеджментом, стали осваивать государственную службу и т.д. Изменения в современном способе производства повлекли за собой интенсификацию развития интеллектуальной собственности. В результате интеллигенция стала подвергаться своеобразной иерархизации. Новые веяния, неотделимые от первоначального накопления капитала и социальной дифференциации, не остались незамеченными общественников. К примеру, была выдвинута идея о существовании трех типов собственности – вещественной (в предметной и телесной формах), собственности на управление и интеллектуальной. Далее автор сформулировал принцип доминанты, в соответствии с которым предметная вещественная собственность и собственность на управление доминируют над интеллектуальной собственностью. (Однако проигнорирован момент подчиненности власти и управления вещественной предметной, т.е. частной капиталистической собственности.) «Отсюда следует: а) интеллектуал, одновременно являющийся управленцем, обычно ведет себя как управленец; б) интеллектуал, одновременно являющийся «предметным» веществен-

ным собственником, обычно ведет себя как вещественный собственник...» [2].

Но формы поведения связаны с социальными статусами и их изменениями. Интеллигент, становящийся менеджером, чиновником, капиталистом (а также рабочим, клерком, продавцом, сторожем) *перестает быть интеллигентом*, ибо выполняет функции и приобретает качества, не присущие последнему. Это элементарно просто в отношении продавца, слесаря, вахтера и гораздо сложнее в отношении капиталиста, менеджера, чиновника, которые порой могут сохранять видимость интеллигентных людей. Однако их основная функция состоит не в развитии и применении культуры (хотя им нередко приходится этим заниматься), а связана с руководством и активным участием в организации, функционировании и совершенствовании системы эксплуатации рабочего класса, крестьянства, интеллигенции и других слоев населения.

Как это согласуется с высказанной выше мыслью о тенденции восстановления в современной России буржуазного и мелкобуржуазного характера интеллигенции в целом? Данный процесс – *объективное* следствие происходящих в российском обществе социально-экономических, политических, правовых, культурных перемен. Интеллигенция в значительной степени вовлечена в него независимо, а то и против своей воли и субъективных устремлений, стала жертвой социальных иллюзий и т.п. Даже становясь и будучи буржуазной и мелкобуржуазной, она непосредственно в эксплуатации трудящихся не участвует, средств производства и крупных состояний не имеет и в большой степени пролетаризирована. Экс-интеллигенция, вошедшая в буржуазные, управленческие и бюрократические круги, особенно, в буржуазный высший класс, относится к *субъектам* функционирования и развития эксплуататорского строя и противопоставляет российской интеллигенции как антагонист.

Значительные изменения происходят с интеллектуальной элитой, то есть наиболее талантливой, успешной, а то и просто самой пробоившей частью мира искусства, литературы, эстрады, науки, религии, а также спорта, мира, оказывающего мощное воздействие на образ жизни и мысли людей, на их идеологические и моральные установки, особенно на ценностные предпочтения и жизненные планы молодежи. Создаются особые условия для обогащения этих людей, в результате чего они, вольно или невольно выполняя социальный заказ правящих кругов, объективно все чаще и глубже противопоставляют себя интересам общества и интеллигенции.

Представление о дезинтеграционных процессах в интеллигентской среде будет неполным, если мы упустим фактор негативного воздействия на эту среду ее собственных недостатков, а именно — низкого уровня интеллигентности. Можно иметь диплом о высшем образовании и как будто соответствовать всем формальным признакам интеллигента, но наличие таких уродливых черт, как низкий уровень профессионализма, аморальность, хамство, недисциплинированность, безразличие и пассивность, стяжательство, дефицит общей культуры, безответственность и т.д. неизбежно сказывается на эффективности работы и авторитетности специалиста, девальвирует само звание интеллигента.

Это не учитывается или очень слабо учитывается системой российского образования, особенно высшего и среднего профессионального. Во многих ВУЗах, не говоря уже о средних специальных учебных заведениях, вопросы формирования не просто специалиста, а интеллигентного специалиста даже не стоят; если же они как-то решаются, то преимущественно стихийно. Наделив многие учебные заведения всевозможными иноземными наименованиями, всех обучающихся в них стали называть студентами. Видимо, таким образом, хотят поднять уровень получающих среднее и начальное профессиональное образование до уровня получающих высшее образование. Однако на деле происходит нечто прямо противоположное: студенты многих вузов все чаще напоминают бывших ФЗУшников из числа далеко не лучших. Есть все основания говорить, что множество учебных заведений не в полной мере выполняют свою социальную роль и несут известную долю ответственности за то, что мотивы служения отечеству, призвания, творчества, гражданского долга у значительной части молодых профессионалов просто отсутствуют. У таких индивидуумов преобладают совсем иные устремления — к обогащению, удовольствиям, личному успеху и благополучию. Соответствующие интересы все чаще реализуются за рубежами России, связываются с массовым уклонением от работы по профессии, с приобщением к коррупции, с прибыльными, «непыльными» и дающими власть занятиями. Весьма сомнительны в ближайшем будущем перспективы пополнения интеллигенции новым, более качественным человеческим составом. Все это делает проблему дезинтеграции интеллигенции, а также путей и средств воздействия на данный процесс весьма актуальной для российской социологии. Но соответствующие исследования могут быть эффективными лишь при условии основательного подхода к идентификации интеллигенции.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бельский В.Х. Ленинская концепция интеллигенции и современность / В. Х. Бельский // Экономическая и философская газета. – 2011. – № 20, 21 – 22, 23.
2. Орехов А.М. Интеллигенция, интеллектуалы, интеллектуальная собственность / А.М. Орехов // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 1. – С. 276.

© А.Е. Смирнов
(Иркутск)

ПОНЯТИЯ «ИДЕНТИЧНОСТЬ» И «СУБЪЕКТИВАЦИЯ» В ПОСТСОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Проблемы идентичности продолжают оставаться если не «горячей точкой» современного обществознания, то, как минимум, его классической темой. С одной стороны, современная Россия и ее бывшие «сестры-республики» движимы логикой постоянных притязаний на субъективную идентичность: лингвистические распри, непрекращающиеся притязания на автономию, проблемы гражданства, вопросы этики национальных и половых различий. С другой стороны, следует отметить, что само понятие идентичности и его аналитические функции в настоящий момент требуют пересмотра или, как минимум, дальнейшей проработки. В данной статье автор попытался показать, что понятие персональной идентичности в постсовременном обществе теряет свои экзистенциальные и аналитические функции, а на смену ему приходит понятие субъективации.

Прежде всего, следовало бы отметить, что понятие идентичности было крайне востребованным как в аналитике традиционного, так и индустриального обществ. Однако при переходе к постиндустриальному типу социума ситуация изменилась. Как в традиционном, так и в индустриальном обществах вопросы социализации теснейшим образом увязывались с функционированием персональной идентичности. Идентичность в традиционном обществе можно определить как статусную идентичность [1; С.17-18]. Это значит, что все, что окружает человека в социальном пространстве, находится в зависимости от множества предзаданных очевидностей, каковыми являются пол, возраст, территориальная, клановая, семейная принадлежность и др. В традиционном обществе, именно, социальный статус становится условием личностной идентичности и обуславливает как социализацию, так как дальнейшую жизненную траекторию индивида. Важно

иметь в виду, что идентичность здесь соотнобразуется с социальным порядком ровно настолько, насколько она функциональна, то есть в соответствии с мерой вклада, который она вносит в общую социальную целостность общества. Условиями статусной идентичности выступают факторы закрытости социума и его максимальной внутренней гомогенности. Естественно, что статусная идентичность традиционного общества лишает индивида какой-либо автономии, ибо он всего лишь часть целого. Отчетливо просматривающийся социокультурный идеал традиционного общества заключается в социализации как максимальном растворении индивидуального начала в традиции. Образ наивысшей трансгрессии здесь – возможно более полная интеграция индивида в *целое* социума. Индивид ориентирован на сочетание, сложение, до- и восполнение в противовес выделению, обособлению, автономизации.

При переходе к индустриальному обществу цивилизационные ориентиры меняются с точностью до наоборот. основополагающая черта модерна – рационализация. От идеи рациональности как таковой осуществляется переход к идее рационального общества. Разум должен стать принципом управления людьми и вещами. Отныне рационализация – естественное основание как коллективной, так и индивидуальной жизни. Социальная интеграция, инспирированная рационалистическими идеалами, находит свое практическое выражение в различных формах неуклонно детализирующегося контроля. Стремящийся к тотальности контроль – фундамент нарождающейся власти нового типа – дисциплинарной [2]. Главное здесь заключается в следующем: параллельно с нарастанием плотности «микрофизики» контролирующих, регламентирующих и принуждающих воздействий, усилия социальной практики и идеологии модерна направлены на опознание в человеке субъекта свободы. Субъекту в качестве базовой экзистенциальной и политической идентичности вменяется свобода. В соответствии с просвещенческой идеологией человек как носитель разумного начала, по крайней мере «рожден свободным».

Теперь общество модерна «проконтролировано» дважды: с одной стороны, контроль над индивидами посредством бессубъектных диффузных центров власти, с другой – контроль, который индивид социализируясь, принужден осуществлять над собой (и именно в качестве *свободного* человека), формируя свою жизненную стратегию в соответствии с предписанными принципами социального успеха. Такова своего рода «цивилизационная гигиена», предписанная всем и

каждому от имени главного третейского судьи – науки. Социализация представителя индустриального общества заключается, таким образом, в том, чтобы признать за собой права и свободы, исходя из которых, следует биографировать свою жизнь, свободно распорядиться ею в соответствии с велением своего рационального ума. Цивилизационный идеал прост: открытому обществу – автономного индивида. Автономия же предполагает свободное подчинение закону, а каждое «Я» утверждается в качестве неотъемлемой ценности.

Если в традиционном обществе идентичность определяет статус, то в индустриальном обществе идентичность позиционируется таким образом, что индивид должен стяжать в процессе реализации себя как свободного человека (каждый свободный выбор которого, правда, детерминирован невозможностью отказаться от самой ситуации выбора). Первый тип идентичности обращает субъект к «традиционным» очевидностям типа пола и возраста, второй – ориентирует на использование «естественных» возможностей свободы и разума. В первом случае цивилизационный идеал становится возможным за счет отсутствия социальной мобильности и видимой гомогенности социальной структуры. Во втором, наоборот, – на движении сквозь социальные страты, будучи обусловленным скоростью истории и отнесенным усложнением социального поля. Как легко заметить, и том, и в другом случае мы имеем: 1) наличие выраженных социальных ориентиров, 2) тесно связанных с персональной или субъектной идентичностью. Однако при переходе к постиндустриальному обществу ситуация радикально изменяется.

Характерными чертами постиндустриального общества являются неоднородность, многомерность и динамичность всех сфер социального бытия. Структурообразующим фактором социальной жизни становится различие, а главной характеристикой – скорость. В постоянно изменяющемся мире неподвижность становится невозможной: уж если не «конец истории», то уж точно – «конец географии». Принцип единоначалия, охватывающий индустриальную эпоху, становится неуместным. Децентрация охватывает все измерения социальной жизни. Социальная структура постиндустриального общества все в большей степени отвечает сетевому принципу [3; С. 494-496]. Сетевая модель меняет сам *образ* общества. Не впадая в крайности дискуссий о новой «ползучей колонизации сознания» или «грандиозной плюрализации жизненных возможностей», с уверенностью можно констатировать следующее. Любая необъективированная со-

циальная реальность (в том числе и субъект) гетерогенна: она дана как открытая сумма, не объединяющая в открытое целое свои элементы. Нет такого среза социальности, который когда-либо мог быть представлен как тотальный. Сегодня, более чем когда-либо, невозможно отрицать, что социальность «не атрибутивна, а скорее конъюнктивна: она выражает себя через “и” скорее, чем через “есть”. Это и то, чередования и переплетения, притяжения и отталкивания, нюанс и разрыв» [4; С. 384]. Промежуточные выводы, которые следует сделать отсюда, заключаются в следующем: 1) В постиндустриальном типе общества идентичность перестает являться доминирующим источником смысла; 2) социальные ориентиры в эпоху постсовременности больше не связаны с идентичностью однозначным образом.

В чем же проявляется указанная неоднозначность? Прежде всего, в том, что в период постистории, характеризующейся делегитимацией социальных институтов и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится фрагментарной и исчезающей. Именно это обстоятельство принято именовать кризисом идентичности. Общество и социальная среда меняются настолько быстро, что страх «упустить свое время» делает невозможным «обжить» ту или иную идентичность, превратить ее в сколько-нибудь долговременную экзистенциальную территорию. Именно сегодня человек способен выбирать, конструировать и менять идентичность. Гермипп, по преданию, вспоминал о том, что Фалес часто радовался, что он родился человеком, а не зверем, мужчиной, а не женщиной, эллином, а не варваром [5; С. 102]. Перефразируя знаменитого милетца, постсовременный человек как бы постоянно спрашивает себя: «Хорошо ли, что я человек, а не зверь; мужчина, а не женщина; эллин, а не варвар?». И, по иронии судьбы, именно сегодня подобная рефлексия и сопряженная с ней деятельность в наименьшей степени принципиальна, чем когда-либо.

Научно-технический прогресс и неотделимые от него либеральные гедонистические и психологические ценности привели к невиданной доселе фрагментации культурного опыта и разнообразию жизни. Никто больше не хочет революции – ведь она, по-видимому, постоянно свершается в нашей повседневности. То, что происходит сегодня, возможно, следовало бы назвать крушением дисциплинарной социализации. По оценкам социологов данная тенденция не является отрицательной. В соответствии с Ж.Липовецки, она «соответ-

ствуется устройству гибкого общества, основанного на информации и поощрении потребностей индивида, культе секса и учете «человеческих факторов», не естественности, душевности и юморе» [6; С. 19]. Социальные институты все в большей степени ориентируются на «гомеопатические» и «кибернетические» тактики в пику уходящим в прошлое авторитарным и механическим стратегиям. Еще три десятилетия назад сама логика политической, экономической и повседневной жизни погружала индивида в некое единообразие правил, изнутри которых только и могли возникнуть ценности индивидуального порядка. Сегодня же идеал подчинения личности рациональным коллективным правилам рассыпался в прах. При этом, с одной стороны, мы наблюдаем в обществе рост стремления индивидов к самостоятельности и обособленности (неофеминизм, свобода нравов и сексуальных ориентаций, бесконечные притязания региональных и языковых меньшинств, словом, коллективное и персональное утверждение всех возможных типов *субъективности* – от территориальной и экономической до индивидуальной), с другой – становление корпоративной модели социальной организации, постепенно распространяющейся на все типы и виды групп, организаций и институтов, предполагающих закрытость и непрозрачность, харизматическое лидерство, иерархичность и жесткую дисциплину [7; С. 17-21]. И повсюду социальные и индивидуальные действия обуславливаются поисками своей идентичности в пику универсальности. «Негры-гомосексуалисты, сербы-инвалиды, католики-педофилы, исламисты умеренного толка, женатые священники, молодые менеджеры-экологи, покорные безработные, юные старики! Всякий раз новый социальный образ предполагает новые товары, специализированные магазины, соответствующие коммерческие центры, «свободные» радиостанции, Рекламные сети для данного круга покупателей и, наконец, пленительные общественные дебаты, транслируемые в телевизионный прайм-тайм» [8; С. 12].

Следует задуматься, симптомом чего является безудержный рост, как спецификации идентичностей, так и социальной фрагментации в целом? Ален Бадью поясняет эту ситуацию следующим образом. В соответствии с предсказанием К. Маркса мир конфигурирован как мировой рынок. Все, что циркулирует в нем, становится единицей исчисления и наоборот – обращается лишь то, что подвластно счету. Мonetарная капиталистическая абстракция, таким образом, представляет собой сингулярность, однако такую, которая не считается ни с какими

особенностями, представляющими трудность, как для счета, так и для оборота. С другой стороны, налицо упомянутый рост не только фрагментации идентичностей, но и параллельный процесс формирования мультикультуралистской и релятивистской идеологии.

Речь идет о том, что идеология и практика конструирования и институционализации идентичностей не представляет собой проблемы. Их действенность располагается в строго очерченных рамках *управляемого* — то есть в пределах развитого информационного постсовременного общества. Энергия идентичностей такого рода немедленно превращается в «полезную работу» поддержания и развития существующей механики социального. В задачи подобного развития не может входить ничего из того, что в итоге не оказалось бы дешифруемым, именуемым, узнаваемым и предвиденным. Все происходящее либо оптимизирует эффективность предписанного существования, либо должно быть нейтрализовано или исключено. Целям оптимизации служит то, что может стать товаром, что подлежит потреблению. Сама идея идентичности эстетизируется; идентичность призвана соблазнять ради того, чтобы стать потребленной. Как товар, идентичность требует немедленного удовлетворения, которое, однако, в соответствии с той же логикой, должно «сразу же» прекращаться в пользу очередного «соблазна»: больше идентичностей! В самом деле: что может быть эротичнее, чем новый образ самого себя?

При этом то, что ставится под вопрос и вызывает беспокойство и подозрение — это не идентичность, но отсутствие идентичности. То (т), что (кто) не имеет идентичности, опознается как не-социальное в поле социального. В соответствии со своей абсолютной мерой, логика постсовременности «выводит из дискурса» любые социальные силы, не имеющие четкой локализации в «видимой» социальной структуре. «Люманги» современного феодально-капиталистического Китая, отечественные бомжи, беженцы, нелегальные эмигранты, вынужденные переселенцы — словом все те, кто исключен или вытеснен из социального порядка, кто свободно перемещается, не имея той или иной формы «прописки» — вот поистине страшный сон Общества Контроля-и-Потребления!

Итак, «вопрос... заключается не в том, что — как хотят нас уверить лживые простаки — имеются хитросплетения истории, разные культуры и более общие различия, что мир разнообразен и что следовало бы предоставить людям возможность жить, есть, одеваться, фантазировать и любить так, как они это понимают. Эти либеральные оче-

видности недорого стоят, и было бы неплохо, если бы провозглашающие их не приходили бы в такое неистовство, когда возникают малейшие попытки отойти от их мелких либеральных дистинкций. Бесспорно, современный космополитизм – сущее благодеяние. Только можно задаться вопросом: почему вид девушки в чадре приводит в такой транс ее защитников? Не потому ли, что в действительности они желают не многоцветья различий, но единообразной диктатуры того, что они именуют «современностью»? <...> Логика идентичности или логика меньшинств... предлагает лишь вариант капиталистической подмены имен. <...> Два компонента этого упорядоченного множества (абстрактная гомогенность капитала и требования идентичности) являются зеркальными отражениями и невозможны друг без друга...» [8; С. 13-14].

Наша точка зрения заключается в следующем. Понятие идентичности в состоянии более или менее успешно выполнять свои аналитические функции при исследовании обществ, гетерогенность которых редуцируется относительно невысокой скоростью истории (к каковым могут быть отнесены традиционное и индустриальное общества). Что же касается современного общества, то идентичность в нем основывается на возможности стать другим. Нельзя сказать, что идентичность разрушается. Скорее, она перестает быть проблемой. Эпистемологический статус данного понятия скорее оперативен, чем концептуален.

В этой ситуации перед философией, изучающей социальные процессы, встает проблема переопределения классических условий и предпосылок концептуализации самой социальности. В рамках классической традиции общество мыслится как тотальность, а познающему его субъекту вменяется самотождественность и максимальная внутренняя гомогенность. Социальность, таким образом, оказывается постижимой именно в силу своей закрытости. Считается достаточным выделить сущность и структуру (полагаемых в качестве системообразующих), как станут ясны базирующиеся на ней элементы и процессы, порожденные их взаимодействиями. Однако при этом сущность или структура, как несущие элементы социальности, неявным образом располагаются вне её, а познающий субъект уже оказывается предположен до того, как он тем или иным образом будет определен. Понятие общества в результате оказывается редуцированным, а методологическое требование мыслить социальность в качестве *открытой* остается благим пожеланием. Так социальность сво-

дится к чему-то уже известному, дедуцируется из предполагаемого опережающего онтологического порядка, а затем ввергается уже готовым понятиям и логическим операциям.

Что такое общество сегодня? Какая методология окажется адекватной динамике социального становления? На пути осмысления современной ситуации — множество задач. Как именно соотносятся субъективные намерения, действия и цели индивидов с социальными образованиями? Каков фактический характер совместности общества и индивида не на уровне социальных функций, но исходящий из «физики» самого социального? Как возможна реконструкция подвижной социальной ткани в единстве составляющих ее множественных, лабильных, подверженных изменениям субъектностей?

В качестве одного из возможных решений нам представляет разработку понятия субъективации. Субъективация есть становление субъекта, становящаяся субъективность. Понятие субъективации радикально отлично от классического «субъекта». Процессы субъективации всегда относительны. Субъективация есть идентичность бытия идентифицируемого, это возможный модус интенсивного существования, субличностное событие, которому всегда недостает субъекта. Если (всегда определившийся) субъект — это «есть», то субъективация — это никогда не начинающееся и не заканчивающееся «...и...». Неопределенный характер союза «и» против всего ставшего, завершенного, целостного. Целостный субъект ничего не определяет, однако сам является определяемым посредством того или иного способа субъективации. Если субъект есть субъект диалога, то субъективация определима в ситуации экс- или даже дис-позиции совместности. Субъективация, следовательно, фундаментальным и доминирующим субъектным образом социальна. При этом ее следует всеми возможными способами отличать от социализации, так как становление во многом опирается ни на какие фиксированные образы общества и человека. В субъективации, тем самым, неразличимо присутствует открытость, глобальность всего социального порядка.

Суть социального не может быть сведена ни к индивидуальному, ни к коллективному. Она — в продуктивной неразрешимости «между» между ними. Следует настаивать на том, что феномен социальной реальности конструирован невозможностью обнаружения «точки начала» общественной включенности отдельного индивида в общество, куда бы он вступил как бы извне для того, чтобы связать себя с людьми. Динамически конструирующееся не-место субъективации — на гр

нице (социального), в качестве границы. В перспективе субъективации общество существует на множествляющем / множествляющемся пределе, в непрерывно повторяющейся ситуации своего прихода / исчезновения. Социальность существует в движении перманентного из-бытия себя, безличное становящееся «имеется» которого предшествует любому «есть».

Общество больше не может мыслиться как наиндивидуальное органическое единство, а социальный субъект – как растворенный в его представительской системе. Сегодня неустраняемая сложность и многомерность социального бытия коррелятивна возрастающей актуализации субъектных векторов социального поля. Становящаяся субъективность, открытая изменениям и случайностям, ее сущностная радикальная историчность имеет ключевое значение для мышления современной социальности, для понимания того, что такое общество – сегодня. Действительной ясности в отношениях индивида и общества можно будет достичь лишь в том случае, если процессы становления субъектов будут непротиворечиво учтены в такой теории общества, которой удастся не только схватить процессуальную развертку социального, но и показать предметную технологическую сторону этой динамики.

Современная социальная философия нуждается в развернутой концепции становления социального субъекта, где последнее фигурировало именно как становление, а не предполагаемое известное «развитие», «изменение», «процессуальность» и т.д. Становление социального субъекта не следует мыслить в качестве «структуры», в рамках которой существует индивид: становление – это модальность или размерность бытия. Бытие по отношению к сущему должно рассматриваться в качестве *принадлежности*. То есть не как начало сущего и его априорное условие возможности, но как то, что принадлежит сущему – не бытие сущего (в родительном падеже, с коннотацией обладания), но бытие (и) сущее. Бытие здесь – операция, посредством которой сущее выходит в присутствие. Новизна этого шага определяется тем, что речь идет о генетических и дифференциальных условиях не возможного, а действительного социального опыта. Бытие – это событие социального, и его «начало» – различие, дифференциальное отношение. Различие здесь выходит на трансцендентальный уровень: дифференциальное отношение обуславливает что-либо, что мыслится или воспринимается в качестве тождества. С введением понятия дифференциального отношения традиционное

понятие субстанции утрачивает продуктивность. Субстанция заменяется множественностью, а сущность – событием. Место классического вопроса о сущности занимает теперь вопрошание о структурных и генетических условиях существования.

Становление – это не то, что случается с индивидами, следующими за последовательностью событий, поскольку в этом случае оно отождествляется с первичной данностью и субстанцией. Кроме того, никогда нет пункта возвращения, в котором индивид был бы полностью идентичным с самим собой. Единство индивида не в его идентичности, а в его различии и саморазличении. Самотождественный субъект-субстанция есть лишь конечный результат процесса, который если и «начинался», то отнюдь не с различием актуального, тем более не с противопоставления объекта субъекту, но с суб- или инфрасубстанциального и доиндивидуального. «Есть индивидуация “субъективного” типа (это – ты.... это – я...), но есть также индивидуация событийного типа, без субъекта: какой-то ветер, определенная атмосфера, полуденный час, сражение... Здесь речь, разумеется, не идет о чьей-то жизни, или о произведении искусства, или об индивиде как субъекте, совсем нет» [9; С. 152]. Между доиндивидуальным и индивидуальным, между тенденцией и ее актуализацией имеется различие по природе, онтологическое различие как таковое. И в то же время они связаны друг с другом в плане становления, генетически. Для уяснения этого обстоятельства достаточно лишь напомнить, что становление как таковое осуществляется не от одной актуальности (или субстанции) к другой, какими бы очевидными и непосредственными не представлялись последние, ни от сущности к существованию, но от тенденции (полностью определенной дифференциальными отношениями), – к своей актуализации. Или: становление движется от системы, дифференциальные элементы которой неотделимы от потенциала, к ее актуализации. Дифференциально-онтологическое переописание социального вообще и социального субъекта в частности с необходимостью ведет к деуниверсализации трансцендентального субъекта, к разрыву со всеми формами эссенциализма. Важно отметить, что речь здесь идет не только о «гносеологическом» эссенциализме, но и о решительном размежевании с определенным типом постмодернистской фрагментации социального, который отказывает фрагменту в идентичности, хотя бы и относительной. «Децентрация субъекта» неизбежно влечет за собой децентрацию объекта или «трансцендентального означаемого». «Де

центрация» влечет за собой не уничтожение субъекта, а концентриацию, расположение его в многомерной социальной реальности. Децентрированный субъект возвращается в эту реальность как условие конституирования и восстановления динамических форм, выявления существования такого же децентрированного объекта с присущими ему «режимами бытия». Такое отношение конституирует не-субъективируемый (не-феноменологизируемый, не-экзистенциальный и, в целом, не-антропологический) способ бытия сингулярного субъекта. Именно этот мотив «возвращения субъекта» оказывается главным в современной философии и социально-гуманитарных науках.

Логика различия как методологического ориентира исследования не противопоставляет себя логике основания; однако фигура классического субъекта, определяемого идентичностью, возможна лишь внутри структуры различий. Социальный субъект, следовательно, есть подвижная констелляция различий, становление, субъективация.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Кантемиров Е.В. Проблема Другого в современном обществе / Е.В. Кантемиров. Автореф. канд. дисс. на соискание ученой степени канд. филос. наук. Екатеринбург, 2004.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: «Ad Marginem», 1999.
3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс. // Новая индустриальная волна на Западе. Антология. / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999.
4. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М., Екатеринбург, 1998.
5. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теокосмий до возникновения атомистики. М.: «Наука», 1989.
6. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Ж. Липовецки. СПб.: «Владимир Даль», 2001.
7. Согомонов А.Ю. Корпорации вместо сообществ? Фундаментализм против терпимости! // Художественный журнал. – 2002. – №1.
8. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма / А. Бадью. – М., СПб., 1999.
9. Делез Ж. Переговоры / Ж. Делез. – СПб.: Наука, 2004.

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Выживание видов зависит от условий, в которых они существовали, существуют и будут существовать и от их реакции на эти условия.

Неудачи в приспособлении к окружающей среде сокращают шансы вида на выживание. Знание изменений в окружающей среде на разных уровнях требует искусных откликов на этих уровнях, если организм хочет адаптироваться и успешно существовать. Внутри человеческого вида выживание часто зависит от членства в социально-экономических группах.

Рассматривая общество, состоящее из этих, по-своему уникальных групп, можно определить индивидуальную и групповую стратегии выживания и влияние этих стратегий на выживание группы и человеческого общества в целом. Цель данной статьи — исследовать интеллигенцию как одну из таких специализированных идентичных групп и обозначить ее отклики и взаимодействие с окружающей средой, касающиеся ее жизнеспособности и вклада во благо общества.

Ключевым элементом, связывающим любую группу с человеческим обществом, является общее эстетическое, разделяемое всеми его членами.

Интеллигенция особенно ассоциируется с эстетической чувствительностью, так как они тесно взаимосвязаны. Ее понимание истины, красоты, человеческих идеалов приводит поведение интеллигенции в осознанное усилие для сохранения групповой идентичности, увеличения потенциала выживаемости и укрепления коллективно поддерживаемых ценностей. Эстетические взгляды, возникшие внутри интеллигенции и выраженные популярными средствами, стали составной частью эволюции общества. Эти эстетические взгляды принимают форму толкования общества, создавая мнение социального страта и устанавливая новые нормы для собственно эстетической структуры интеллигенции. Понятия добра или зла, добродетели или порока, уродства или красоты, гармонии или разногласия тесно вплетены в плоды, создаваемые интеллигенцией литературные, научные, политические, экономические и художественные.

Общество отражается в этих плодах и частично переопределяется через эстетический фильтр интеллигенции.

Интеллигенция сама является предметом модификации и контроля через влияние культуры, политики и экономики, через взаимодействие различных социальных групп и силы общества в целом. Культура, сплав языка, искусства, традиций и верований, разделяется всеми индивидами в обществе, проводя с каждым идентичность от культуры различными способами. И поскольку интеллигенция отстаивает свое видение общей культуры, она устанавливает свою идентичность относительно других групп в обществе, в частности, когда интеллигенция занимает позицию культурного или властного верховенства, за этим следует, что другие группы будут реагировать на интеллигенцию, руководящую социальными нормами, через культурный вклад и будут выражать свое собственное восприятие ее культуры, в то же время фундаментальные верования, которые принимаются ими за истину. Культура как флюидное проявление коллективной идентичности, является предметом напряжения, когда интеллигенция конкурирует с другими группами на роль основного культурного образца. Конфликт часто является выходом из этого напряжения, поскольку доступ к ресурсам связан с механизмами социального контроля, и если интеллигенция воспринимается через культурный контроль, то она становится мишенью.

В рамках общего культурного контекста, среди различных составляющих групп, используются различные логические схемы. Базовые эстетические предположения часто становятся этическими суждениями, которые затем транслируются в деятельность, которая использует логические системы, управляемые групповыми потребностями, ролями и властью. Интеллигенция часто использует логические системы, которые прямо отражают эстетические ценности, предпочтительнее, чем соответствующие экономические или социальные властные модели и что интересно, этот подход может даровать большую социальную власть, так как эстетика ассоциируется с моральными и духовными ценностями. Анализируя этот феномен, необходимо сохранить начальный эстетический выбор, явно видимый, поскольку он вскоре прикроется как моральное решение, чтобы заставить уступить, или сотрудничать с другими.

Логические системы, которые использует интеллигенция, уязвимы в риторической поддержке механистического взгляда на человеческое поведение, руководимое собственными интересами, ведь механистический взгляд, в конечном счете, нуждается в призыве к высшим мотивам и должен неизбежно привлечь на свою сторону эстетическую, нравственную, духовную сферу, контролируемую ин-

телигенцией. Логические системы, поставленные в один ряд с эстетическими ценностями, часто находят выходы, которые достигают идеалов, вне сферы немедленного вознаграждения, тогда как экономические и социальные и социальные властные модели предлагают готовность немедленного удовлетворения человеческих потребностей. Когда непосредственные нужды удовлетворены, защита общества облекается в системы, способствующие высшим эстетическим ценностям как средству сохранения социального порядка и обеспечения индивидуального и группового выживания. Когда личные потребности в пище, жилье и физической безопасности не удовлетворены, эстетические ценности рушатся перед лицом борьбы за выживание.

Интеллигенция часто регулирует свою роль в обществе, когда меняются обстоятельства: энергично поощряя принятие высших эстетических и нравственных ценностей или поддерживая системы, используемые текущими властными элитами. Среди интеллигенции, манипуляция экономической и социальной властью часто искусно интегрируется в человеческий идеализм, который появляется, чтобы дать мотивацию группе.

Идентичность интеллигенции не всегда ассоциируется с экономической и социальной властью, но эта группа часто присваивается этой властью, благодаря своей центральной роли в культуре. Социально-экономические группы, которые воспринимают себя как неинтеллигенцию, могут лишиться интеллигенцию своей поддержки путем обесценивания результатов деятельности этой группы, чтобы присвоить власть и ресурсы, которые она контролирует. Деятельность интеллигенции может влиять на культурные соглашения и на социально-экономическую власть настолько долго, насколько се будут идентифицировать с группами, которые успешно отвечают требованиям окружающей среды.

Естественная потребность к выживанию ставит интеллигенцию перед дилеммой, которой нет у других групп. Чтобы поддерживать эстетические идеалы или возвышенные нравственные принципы, поддерживать художественную или научную целостность, необходимо избегать компрометирующих оснований этих элементов. Даже когда просто в искусстве увековечивается мир, нужно уметь разобратся, что передано, а что осталось несказанным и может повредить истине такой, какая она есть. Суждения должны быть переданы в наиболее абстрактных понятиях и должен быть сделан выбор для передачи, того, что наблюдается в противовес тем или иным пред-

почтениям. Интеллигенция, для того, чтобы защищать свое видение истины и ассоциировать свою идентичность с четкими моральными стандартами, возможно вынуждена отказаться от власти над культурой и даже пожертвовать своим членством в экономически и политически успешных группах для сохранения своей идентичности.

Спорный вопрос об идентичности интеллигенции вращается вокруг ее необходимости выжить в мире, управляемом эгоистическими интересами и сохранить высокие принципы для дальнейшего движения общества. В качестве третьей судьбы культуры, связана ли интеллигенция этими высокими стандартами или ее деятельность может быть идентифицирована только как более сложная и возможно и возможно наиболее успешная реакция на вызов выживания? Чем больше представляет интеллигенция основные ценности человечества, чем больше ее обязательность в интерпретации и моделировании культуры, тем больше у нее вероятность господства в борьбе за выживание.

Ясно, что интеллигенция приняла на себя свою роль через процесс отбора, который помогает поддерживать социальные и культурные традиции, совершенствуя условия для человечества. Наблюдая и руководя развитием культуры, помогая обществу определиться, интеллигенция выполняет ценную и необходимую службу: образно выражаясь, создание оптического стекла для исследования вселенной и зеркала, чтобы смотреть на человечество. И пока есть желание жертвовать собой, быть зеркалом через литературу, науку или другие интеллектуальные занятия, у интеллигенции есть возможность искренне удовлетворять свои потребности в поиске истины и смысла. Такая жертва зависит от силы и уверенности интеллигенции в том, что истина сама по себе имеет непреходящую ценность.

© А.И. Шафоростов
(Иркутск)

ОНТОЛОГИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Обращение к онтологии идентичности важно тем, что без этого нельзя понять оснований того, как и почему субъект идентичности соотносит (не соотносит) себя с определенной реальностью. Можно сказать, что своими корнями онтологический аспект проблемы идентичности уходит в античность, в постановку проблемы бытия Парменидом – где подлинное бытие и как с ним связан человек (его

мысли). В XX веке проблема идентичности первоначально получила преимущественно психологическое истолкование, что выразилось, в частности, в концепции онтологической безопасности Эриксона и Гидденса.

Вообще, самоидентификация человека может быть рассмотрена согласно двум традиционным моделям. Первая модель – *античная*, ее основу составляет стремление человека найти себя путем 1) открытия, 2) утверждения и 3) пребывания в том, что изначально он есть как таковой. А. Кожев так выражает эту мысль: «Для греков человек *становится* тем, что он *есть* (от века, как Идея)»[1]. *Христианское* понимание самоидентификации строится на открытии той реальности, которой не хватает человеку для достижения целостности (искупления).

Общим моментом обеих моделей является то, что идентификация исходит из наличия единственной реальности, хотя и имеющую божественное происхождение: это или реальность того, что *уже есть* (античность), или того, что *должно быть* (христианство). Таким образом, традиционная самоидентификация человека предполагала выбор, но этот выбор оставался *внутри* заданной реальности.

Особенностью современного состояния проблемы идентификации является господство *третьей* модели, исходящей из признания «множественности реальностей». Тема множественности реальности была введена в философию и социологию А. Шюцем еще в 70-е годы прошлого века. Именно здесь, в обнаружении множественного характера реальностей кроется, на наш взгляд, основание роста интереса к проблеме идентичности. Идентификация направлена не только на отождествление человека с социальной реальностью (определенной социальной группой), но и на установление связи человека с теми реальностями (точнее, их частями), которые множественны. Резкое обострение проблемы идентичности, начиная с 90-х годов, объясняется масштабной информатизацией общества.

Центром множественной реальности у А. Шюца оставалось тело человека, что выражалось в признании в качестве высшей реальности мира работы, понимаемом как «мир физических вещей, в число которых входит и мое тело» [2, С. 421]. Наступление виртуальной реальности, ее проникновение в повседневную жизнь в острой форме поставило перед человеком вопрос о самоидентификации, так как привычные критерии реальности стали

утрачивать силу. Принципиальным отличием современной (информационной) повседневности становится невозможность, как утверждает [3], верифицировать навязываемый СМИ и, прежде всего, телевидением образ несуществующего мира, выступающий «в роли лидера человеческого внимания» и выдающий несуществующее за всеобщее.

Сама концепция множественной реальности нуждается в дополнении: если А. Шюц включал в множественную реальность именно реальности (действительную реальность), хоть и различающиеся по степени влияния на человека, сегодня они дополняются теле-реальностью, придуманными образами и тем, что получило в постмодернистской литературе название «симулякра» — образ отсутствующей действительности. Такое «правдоподобное подобие» становится далеко не последним по значимости элементом реальности, и ставит под угрозу базовый для человека и общества компонент мировосприятия — чувство реальности. Во многом кризис идентичности связан с потерей человеком (а иногда и обществом в целом) чувства реальности, определяющим, в частности, принятие той или иной информации в качестве достоверной. Именно чувство реальности является ядром внутреннего чувства, определяющим, в частности, принятие того или иного состояния вещей в качестве достоверного. Его нарушение ведет не только к «выпадению» из общей с другими реальности, но в пределе — к отказу от жизни вообще, так как все предстает как сон, игра, некий сериалом и сама смерть — «не настоящая». Косвенным подтверждением этому является резкий рост в последнее время самоубийства детей и подростков, т.е. тех членов общества, кто в наименьшей степени способен различать реальность и иллюзию.

Следствием проявления множественной реальности в повседневной жизни человека является «упрощенность человека», когда индивидум, понимаемый как носитель конкретных социальных характеристик — «все еще личность, но уже в значительной степени упрощенная» [4, С. 80]. Упрощение в данном случае можно понимать как сведение сложной по своей природе включенности человека в социум к однозначной идентификации человека, т.е. к исполнению им минимального по объему набора социальных ролей и действий. Такая упрощенность касается не только собственно человека, но и той сферы социальной реальности, где он стремится себя реализовать. Таким образом, причину отмеченного выше «спроса» на идентичность, проявившегося в

последние десятилетия, кратко можно объяснить стремлением упростить мир и человека. А само стремление к упрощению можно понять как попытку своеобразной защиты от «множащейся» реальности, отбирающей у человека привычные критерии действительности.

В целом же все вышесказанное подводит нас к необходимости признать онтологический аспект важнейшим для понимания всей проблемы идентичности и самоидентификации. Сегодня проблематика онтологии идентичности предстает как вопросы о том, с *какой* реальностью, *на основе чего* человек соотносит, или не соотносит себя, и должен ли вообще ставить перед собой задачу соотнесения.

Обратимся к первому вопросу, с какой реальностью человек стремится себя соотнести? Так как человек выступает в различных ипостасях, то и идентификация получается многосоставной. Идентификация направлена не только на отождествление человека с социальной реальностью (определенной социальной группой), но и на установление связи человека с теми реальностями (точнее, их частями), которые множественны. Сама множественность тех реальностей, с которыми человек (неважно, по своей воле или вынуждено) устанавливает отношения, ставит перед ним проблему иерархизации этих реальностей. Тем самым идентификация предстает как *упорядочивание* реальностей, в которых разворачивается, или может быть развернуто бытие человека. Отсюда следует понимание идентификации как поиска человеком верховной (высшей) реальности, которая замыкает предшествующие, упорядочивает их.

Специфика человеческого бытия определяется, в частности, такой уникальной способностью человеческой самодеятельности как «сотворению себя», что проявляется в свободе выбора и создании новых уровней бытия. Можно сказать, что идентичность — это самодостраивание целостности. Здесь возникает проблема определения той реальности, с которой человек себя идентифицирует. Так как человек выступает в различных ипостасях, т.е. человеческое бытие включает в себя различные уровни бытия, то и идентификация получается многосоставной. Как существо, способное к трансценденции, человек идентифицирует себя и с трансцендентной реальностью — например, в качестве существа, смысл бытия которого выходит за пределы земного (относительного) мира и уходит в вечность.

Невозможно свести человека к одной «точке» и пытаться отождествить (идентифицировать) эту точку с миром, как и сам мир не сводим к одной черте или свойству. Онтологическое чувство — чувство бытия — несводимо к простому «я есть». Человек не ограничивается признанием внутри себя «я есть», но постоянно стремится утвердить, укрепить или подтвердить чувство бытия на основе связанности с другими. В редких случаях социальной изоляции (ситуация Робинзона) человек будет стремиться к утверждению связи с природным миром. В любом случае «я есть» будет стремиться к более развернутому «я есть где и как?». Идентификация направлена на достижение целостности человеческого бытия, поэтому необходимо найти среди множества осколочных реальностей ту, которая призвана завершить целостность человека. Проблема в том, что этот поиск «завершающей» реальности далеко не всегда имеет положительный исход. Слишком часто человек верит в завершенность (совершенство) той реальности, которая для него удобнее. Одна из причин этого в том, что реальности, окружающие человека, не просто существуют рядом, но навязываются ему в качестве последних истин.

Поиски целостного бытия связаны с выработкой соответствующих ориентиров. Проблема в том, что бытие как целостность недоступно человеку. Поэтому в качестве ориентиров в процессе идентификации выступают не уровни целостного бытия, а репрезентирующие их значимые другие. Здесь обнаруживает себя проблема авторитета. Так как мы рассматриваем онтологические основания именно личностной идентификации, то стоит обратить внимание на соответствующие культурно-исторические предпосылки. Дело в том, что в исторической перспективе проблематика личностной идентичности оказывается производной по отношению к формированию идеи «человека естественного». Отмечается [5, С. 66], что только XVIII век ставит в центр культурного универсума не человека-героя, а человека естественного, чье достоинство и благородство связаны не с исключительностью его миссии, не с его подвижничеством, но с отведенным ему природой местом, которое можно обустроить и очеловечить, развернув свои задатки. Таким образом, конкретному человеку обществом отведено место, и внутри этого заданного места внешний, привычный для средневекового человека авторитет теряет силу.

Можно сказать, что здесь зарождается идея пространства идентичности, если понимать пространство как соотнесенность с социальными авторитетами. Теперь человек идентифицируется не только с конкретными другими, но и со «всеобщностью других», то есть с обществом. Лишь благодаря этой обобщенной идентификации его собственная самоидентификация приобретает стабильность и непрерывность [6, С. 216]. Ключевой момент целостной идентичности – достижение всеобщности. Идентичность объективно определяется как размещение в определенном мире, и она может быть субъективно усвоена лишь наряду с этим миром. Иначе говоря, любые идентификации возможны в пределах горизонтов, открывающихся особым социальным миром [6, С. 215]. Вообще, онтология идентичности – это вопрос о реальности, принимаемой индивидом в качестве само собой разумеющейся, и, соответственно, производных от нее зон (степеней, уровней реальности).

Но проблема идентичности одним из своих корней имеет как раз изменение такой важной для мировоззрения установки как «само собой разумеющееся». Как отмечает А.Л. Доброхотов, после эпохи Возрождения и Нового времени, все достоверное возможно лишь в той мере, в какой освобождающий сам себя и лишь для самого себя человек оказывается способным гарантировать себе несомненность всего им известного и познаваемого. Отныне он вынужден стремиться к достоверному, будучи лишенным авторитетной и откровенной истины, поскольку в своей антропоцентрической свободе он как бы приговорен к сомнению, настигающему его постоянно и всякий раз заново [5, С. 61]. Здесь важно подчеркнуть *стремление к достоверности*, так как именно достоверность обуславливает личностную идентичность: личностная идентичность предстает как обретение способности самому, вне авторитетной истины, определять свою направленность (направленность своей жизни). Человек становится мерой бытия только в ответ на появление у него соответствующей потребности. Потребность в самодостаточности порождает стремление измерить бытие самим собой.

Как отмечает Б. Марков, в современном мире симуляции человек уже не переживает тождества ни с Богом, ни с субстанцией, ни с самим собой. При этом идентичность симулируется, выступает следствием оптического эффекта отражающейся в кривом зеркале игры различия и повторения. Современная жизнь, основанная на механическом и стереотипном воспроизведении, вместе с тем вращается в колесах мелких различий [7, С. 419]. При этом в

современной культуре происходит дифференциация двух типов развития человека: в первом случае складывается «массовая личность», во втором – «личность уникальная». Массовая личность принимает все сложившиеся социальные условия и институты, выстраивая самостоятельное поведение в их поле, но в рамках тех условий и ограничений, которые находит в социуме. Уникальная личность нередко входит в противоречия со сложившимися в обществе представлениями, создавая прецеденты для новых личностно ориентированных практик [8, С. 103]. Предметом рассмотрения личностной идентичности сегодня становится именно массовая личность. Таким образом, если понимать идентификацию как отождествление, то параметры идентификации современного человека задают именно мелкие различия.

Если оценить многообразие рассматриваемых в литературе различных форм идентичности с точки зрения обращения субъекта идентичности к принципиально новым возможностям в процессе идентификации, то можно предположить, что есть *горизонтальная* (гендерная, возрастная, национальная и т.п.), не требующая открытия нового, и *вертикальная* идентификация, предполагающая открытие новых уровней бытия (и соответственно, достижение новых уровней личностного бытия) и трансценденции. Личностная идентичность – это не просто соотнесение себя с определенной «готовой» идентичностью (половой, национальной, религиозной и т.п.), а преодоление названных видов идентичности и достижение самостоятельного бытия, той идентичности, которая строится на основе соотнесения самости не с отдельными аспектами социокультурного бытия, а с целостным бытием. Очевидно, что говорить о целостности бытия в буквальном смысле слова невозможно – то бытие, которое открыто и доступно как отдельному человеку, так и человечеству в целом, есть только фрагмент бытия целостного мира. Однако дело не в том, какая часть бытия открыта человеку, а в том, насколько это бытие целостно для него как субъекта идентификации. Человек обнаруживает целостность бытия такой, какой ее дано обнаружить только ему, на основе его внутреннего опыта, его временной структуры.

Идентификация может быть представлена и как способ ориентирования в мире на основе выделения «должного-недолжного». Обнаружение и осознание «моего возможного» важно тем, что позволяет человеку преодолеть *присутствие* (понимаемое как некое временное состояние существования *возле* чего-то) по отношению к самому себе, которое заключается в том, что человек

не может сказать «я есть», но вынужден говорить «я являюсь», обнаруживая случайность своего существования.

Сущность идентификации в том и заключается, что человек стремится исключить из оснований своего собственного бытия случайность через приобщение к порядку, через идентификацию себя с ним. Здесь также выявляется сущность идентификации как выбора реальности: необходимость выбора связана с обнаружением одновременного существования в мире различных упорядоченностей (например, эстетический порядок и хозяйственный), далеко не всегда образующих мирное соседство.

Выбор порядка есть обращение к сфере должного. Однако выражение «должно быть» имеет несколько смыслов. Во-первых, *метафизический*, как «должно быть согласно Абсолюту», в этом случае долженствование носит абстрактно-всеобщий характер, и не связано по своей природе с потребностями наличного бытия конкретного человека. Во-вторых, *социокультурный* – как система долженствований, связанных с потребностью поддержания существования (и физического, и духовного) человечества. В-третьих, *личностный* – как связь с возможностью персонализации, с нахождением новых граней самоидентификации.

Личностная идентификация – это не только соотнесение себя с определенной идентичностью (половой, национальной, религиозной и т.п.), т.е. не достижение индивидуальной идентичности, а преодоление названных видов идентичности и достижение самостоятельного бытия, той идентичности, которая строится на основе соотнесения самости не с отдельными аспектами социокультурного бытия, а с целостным бытием.

Вопрос второй: *на основе чего* человек должен быть соотнесен с целостной реальностью? На наш взгляд, онтологической основой идентификации является *самость*. Необходимо подчеркнуть именно онтологическую основу выделения самости как понятия. Эта основа представлена, во-первых, таким очевидным явлением как самостоятельность бытия человека, во-вторых, наличием внутреннего времени. Понятие самости призвано выразить главное в специфике человеческого бытия – это *порождения бытия*. Самости соотносима не столько с уникальностью, сколько с первичностью и постоянством. Самость изначально дана в интуиции достоверности собственного существования, без введения условий, определяющих ее содержание. Каждый человек обладает своим «я», но самость не тождественна «я»: «я» – это своеобразная точка, центр внимания, рефлексии, самость же – это то, что определяет «свое».

Вопрос третий: должен ли человек соотносить себя с какой-либо реальностью? – Да, так как в противном случае он не имеет возможности отчетливо определить границы своего самостоятельного бытия. Можно сказать, что каждому порядку долженствования соответствует определённый тип идентичности. Личностная идентичность – это не просто соотнесение себя с определенной социальной идентичностью (половой, национальной, религиозной и т.п.), а превосходение названных видов идентичности. Тем самым происходит достижение самостоятельного бытия, той идентичности, которая строится на основе соотнесения самости не с отдельными аспектами социокультурного бытия, а с целостным бытием. Человек обнаруживает целостность бытия такой, какой ее дано обнаружить только ему, на основе его внутреннего опыта.

Что же касается содержания внутреннего опыта, то оно определяется в первую очередь «участием в бытии другого» [6, С. 212], и самоидентификация предстает как одна из форм интерсубъективности. Внимание привлекает такая важная форма «участного бытия» как физический труд, так как именно физический труд есть одна из главных форма задействия и организации наших телесных движений, что связано с конституированием внешнего мира и его временной перспективы. Телесные движения человек переживает одновременно в двух разных срезах – внешнем и внутреннем, пространственном и временном [2, С. 409-410]. Отметим, что неслучайно и кризис идентичности и проблема идентичности становятся масштабными именно во второй половине XX века, когда физический труд активно вытесняется умственным.

Таким образом, базовым пониманием личностной идентичности является представление о тех *возможностях*, которые открываются перед личностью и тем, как и насколько они личностью осуществимы. Именно возможности, открываемые личностью и переживаемые как «сфера возможного», составляют содержание идентичности: понимание того, кто я, заключается в открытии того, что я в действительности могу. Отметим, что здесь соприкасаются два вида возможного: имеющее отношение 1) к объективному миру и 2) к миру субъективному – в частности, к самости и возникающему на ее основе пред-сознанию, а затем и сознанию. Более того, в процессе идентификации не просто «разворачиваются» возможности, скрытые присутствующие в самости, но она как бы *притягивает* к себе возможности, производя своеобразный отбор из спектра возможностей тех, которые наиболее соответствуют природе конкретной самости.

Итак, на поставленные выше вопросы о том, с *какой* реальностью и *на основе чего* человек соотносит себя, можно ответить следующее. Человек стремится соотнести себя с той реальностью, которая обеспечивает обретение чувства подлинного бытия, способствует раскрытию его самости и позволяет обрести свое лицо. Исходное и еще довольно часто сегодня встречающееся сведение понимания идентификации к *отождествлению* человека с определенной реальностью должно быть развито в направлении понимания идентификации как *выбора* реальности, которая принимается на основе веры субъектом идентификации в качестве завершающей, фундаментальной реальности, удостоверяющей подлинность его существования и являющейся критерием чувства реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. — С. 45.
2. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
3. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. «Кванторная механика» телевидения // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 27-36.
4. Груздева Е. Н., Калмыкова В. В. «Властелин колец» как миф постиндустриального, сетевого и информационного общества // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 75-84.
5. Доброхотов А.Л. Избранное. М.: Территория будущего, 2008. 472 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
7. Марков Б.В. Знаки бытия. СПб.: Наука, 2001. 566 с.
8. Розин В.М. Конституирование себя и реальности как способ жизни новоевропейской личности и философа // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 91-106.

© Н. Ю. Бутковская
(Житомир)

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Идентичность, которую понимали как устойчивую и неизменную, сегодня предстает как непостоянная, фрагментарная, особенная. Появление постмодернистских концепций привело к ренессансу проблематики идентичности. Это понятие предстало в центре внимания таких наук как философия, антропология, психология и социология, а с 60-х годов XX

столетия — одно из центральных понятий культурологического дискурса. Ускорение динамики развития современных обществ, активизация разного рода миграций, которые сопровождаются процессами аккультурации, сегрегации, ассимиляции, приводят к потере традиционных социальных ниш, переходу из одних социальных групп к другим. Дискурс «различий», «инаковости», возникший в результате осмысления происходящих изменений, способствовал усилению исследовательского интереса и к понятию «социальная идентичность».

Говоря об идентичности, выделяют наряду с индивидуальной и групповую или коллективную. Как отмечает А.Ручка «Субъективное самосознание является достаточным условием, чтобы самоидентифицировать, например, собственные физические или психические черты. Однако это сознание не может адекватно конституировать групповую идентичность, не беря во внимание некоторые предпосылки, характеризующих индивида, как члена группы, или сообщества» [4, С. 204]. То есть, социальная идентичность возникает из принадлежности индивида к определенным группам или общностям. Понятие социальной идентичности возникает в социальных науках как ответ на необходимость создания связи между индивидуальным и групповым уровнем анализа. Социальная идентичность является связующим звеном между психологией личности и структурой социальных групп, в которых она развивается. Именно это стало причиной того, что данное понятие так активно разрабатывается и психологами и социологами. Особенности и перспективам исследовательских подходов в рамках этих научных направлений и будет посвящена представленная статья.

Понятие идентичность (от лат. *identikus* — тот же, одинаковый) в словарях трактуется как: «...1) качество индивида оставаться самим собой в изменяющихся ситуациях; 2) результат осмысления индивидом самого себе в качестве человеческой особи, которая отличается от других» [1, С. 94]. В представленном определении объединены видения данного понятия как в ракурсе эссенциалистской методологии так и конструктивистской. В постмодернистских концепциях идентичность рассматривается «...как подвижный ситуативный аспект личности, в рамках которого человек может иметь определенную идентичность...», соответственно собственному выбору [9, С. 135].

Хотя сам термин «идентичность» впервые был использован З.Фрейдом при описании механизмов действия интериоризации при формировании Супер-Эго, «...импульс к универсализации проблематики идентичности, ее выходу за границы философской и научной дисциплинарности дал Э.Эриксон» [10, С. 348]. Именно он основал психологиче-

ское исследование данного понятия. Исследователь подчеркивает субъективную, психологическую сторону этого феномена. Он понимает идентичность как усвоенный и принятый личностью образ себя, который состоит из всей системы ее общественных связей и отношений. Он считает психо-социальное отождествление личности необходимым условием ее нормального психического развития. Согласно его определению, ощущение собственной идентичности имеет три основных признака: внутреннюю тождественность и интегрированность во времени (действия в прошлом и надежды на будущее воспринимаются тесно связанными с настоящим); внутреннюю тождественность и интегрированность в пространстве (человек воспринимает себя как целостность, а все действия воспринимает не как случайные, а внутренне обусловленные); идентичность переживается среди значимых других (взаимоотношения и роли помогают поддержать и развить чувство идентичности). Соответственно в его теории развитие идентичности заключается в синтезе идентификаций, которые возникают в процессе социализации. Позже возникающие идентификации не с отдельными людьми, а с сообществами (малыми и большими), которые тоже должны быть интегрированы в систему идентичности [5, С.103].

В социологии проблемы идентичности были подняты Дж. Г. Мидом, идейным вдохновителем символического интеракционизма. В отличие от социальных психологов, которые, пытаясь объяснить социальный опыт, шли от психологии индивида, Дж. Г. Мид считал приоритетным в смысле социального опыта мир социальный. Для представителей символического интеракционизма существенным было взаимодействие между актером и миром. Социальную реальность они рассматривали как динамические процессы, а не как статичные структуры, а актеры – способны к интерпретации социального мира. Последователи символического интеракционизма рассматривали идентичность как интерализованные роли. Каждое общество предлагает своим членам набор ролей, которые достаточно четко заданы, однако индивид имеет право выбора или отказа от них. Однако, выбрав ту или иную роль, индивид начинает играть ее и занимать определенные позиции относительно других. Поскольку за ролью стоит определенный набор правил, норм и ожиданий, индивид чувствует свою общность с другими исполнителями ролей [3, С.239]. Симбиоз символического интеракционизма и ролевой теории (Ч.Кули) благоприятствовал появлению социологических концепций социальной идентичности.

Нужно отметить, что первая концепция социальной идентичности возникла в когнитивной психологии в 1979 году. Автором ее был известный английский психолог Г.Тэджфел, который в значительной степени

основывался на категориях социологической науки, доказывая опосредованное влияние социальных факторов на формирование у членов конкретной группы чувства группового отличия. Такие социальные параметры группы как статус, легитимность, степень открытости образуют своеобразную внешнюю рамку, которая, как считает автор, отражается в зеркале коллективных представлений группы о групповом (и индивидуальном) отличии и так или иначе окрашивает процесс кристаллизации идентичности групп и индивидов, которые к ней принадлежат [7, С. 145]. Теория социальной идентичности Г.Тэджфела основывается на выдвинутой им идеи биполярного континуума социальных форм поведения. Каждое взаимодействие можно охарактеризовать как такое, которое в большей или меньшей степени приближается к одному из полюсов: на одном находятся исключительно межличностные формы поведения, а на другом — такие формы взаимодействия между людьми, которые обусловлены их принадлежностью к определенной группе и на которые не влияют собственные индивидуальные характеристики и отношения. Регулирует поведение в рамках данного континуума специальная когнитивная структура, которую автор называет «Я — концепция», имеющая две подсистемы — личностную и социальную идентичности. Выбор форм поведения на биполярном континууме зависит от того, какая из двух подсистем актуализировалась в большей степени [2, С. 73]. Данная теория объясняла, что такие социально-психологические феномены как групповая солидарность или аутгрупповая агрессия возникают не вследствие конфликта интересов между группами, причины их появления не зависят от внешних по отношению к индивиду ситуативных процессов, их корни — исключительно когнитивные процессы: социальная категоризация, социальная идентификация и социальное сравнение. Идеи Г.Тэджфела, как отмечают исследователи, наилучшим образом отвечают запросам социальных психологов, которые ориентируются на социологию.

Его приемник и последователь Дж.Тернер теорию социальной идентичности представляет как когнитивную теорию психологии группы (1982 г.). Она основывается на следующих основных положениях:

1. Уровень идентичности, на котором человек относит себя и других к категориям, меняется в зависимости от социального контекста, в котором осуществляется сравнение.
2. В определенном социальном контексте высокий уровень идентичности приводит к деперсонализации самовосприятия.
3. Деперсонализация вызывает групповые формы поведения» [2, С.74].

Связь между личной и социальной идентичностью автор объясняет через выдвинутую им гипотезу самостереотипизации. Самостереотипизацию производит категоризация (свойство индивида членить мир на категории вообще и социальные в частности). Поскольку личность начинает воспринимать себя в тех же категориях, что и других представителей группы, происходит деперсонализация, т.е. переход от уникальных черт и индивидуальных особенностей к членству в социальной категории и стереотипам, что и опосредует поведение группы. То есть, в определенных ситуациях социальная идентичность может достичь уровня, который практически исключает личностную идентичность и основой этого является когнитивная редифиниция себя. Данная теория показывает, что существует психологическое различие между индивидом, который действует как индивидуальность, и индивидом, который действует как член группы, т.е. групповое поведение психологически отличное и не сводится к межличностным отношениям. Согласно теории самокатегоризации, внутригрупповая идентификация – это адаптивный социально-когнитивный процесс, который способствует таким социальным отношениям как сплоченность, кооперирование, взаимовлияние. В теории самокатегоризации Дж. Тернера группа выступает не психологическим продуктом, а социальным феноменом. То есть группа психологически реальна, потому что существует психический процесс – самокатегоризация, как основа группового поведения. Таким образом, социальная психология, занимающаяся изучением социального поведения и межгрупповых отношений – это еще одно исследовательское поле для изучения социальной идентичности.

В социологической науке достаточно активно разрабатывается понятие социальной идентичности так называемыми «процессуальными интеракционистами», последователями символического интеракционизма (Р.Дженкинс, К.Либкинд). Представители этого направления сосредотачивают свое внимание на социальной ситуации как контексте, в рамках которого идентичности формируются. В монографии Р.Дженкинса «Социальная идентичность» (1996) акцентируется внимание на том, что в большинстве работ изучение идентичности сводится к изучению самодетерминации, самокатегоризации, то есть без анализа роли других в ее создании. По его убеждению индивидуальная идентичность, воплощенная в «самости», не существует изолированно без социальных миров других людей. Опираясь на взгляды Дж.Миды и Ч.Кули, согласно которым представление о «Я» – это синтез одновременно внутренних самоопределений личности и определений ее значимыми другими, Р.Дженкинс утверждает, что «самость» формируется с социальным. В процессе взаимодей-

ствия с другими людьми индивид постоянно самоопределяет себя и других. Весьма важным в процессе формирования идентичности является не только то, что человек думает о себе, но и то, что о нем думают другие, то есть собственные определения должны быть валидизованы (не валидизованы) другими [2, С. 76].

Для формирования идентичности имеет значение не только собственное самоопределение, но и момент называния индивида другим человеком — «наименование». Однако момент категоризации не ведет сам по себе к автоматическому принятию его. Автор считает, что оно в определенной степени может повлиять на индивида, однако эффект этого влияния зависит от внутренне-внешней диалектики собственных установок и поведения других. Следовательно, формирование идентичности — это всегда двусторонний процесс. Именно это положение позволило Р.Дженкинсу создать модель «внешне-внутренней диалектики идентификации» как процесса, в котором обе идентичности — личностная и социальная — создаются. В отличие от психологического подхода, который определял процесс категоризации исключительно как результат действия когнитивных структур, Р.Дженкинс подчеркивает социальную природу различий между группами и категориями. Проблему социального конституирования межгрупповых различий он рассматривает, опираясь на труды Ф. Барта, который ввел понятие «этническая граница» как условные границы, которые возникают и поддерживаются сообществами благодаря межэтническому взаимодействию. Эти границы могут быть обозначены в виде иной традиции, одежды, этнических стереотипов. Все, кто разделяют определенный символ «мы», находятся по одну сторону условной границы, а остальные — «они». Ф. Барт считал, что сообщества независимы от индивидов, которые их образуют, то есть они существуют, несмотря на то, что их члены могут изменять этническую идентичность. Сохранение сообщества предусматривает сохранение условных границ, которые поддерживаются благодаря постоянному межэтническому взаимодействию. Конституирование внешних отличий генерирует внутреннее сходство членов сообщества [6, С. 26].

Р.Дженкинс замечает, что конституирование внутригруппового сходства тоже есть процессом социальным. Сходство членов сообщества есть кажущимся. Оно конструируется с помощью символа, то есть оно иллюзорно, но поскольку оно символически присутствует в жизни членов сообщества и реально влияет на их поведение, оно реально. Используя заимствованные метафорические образы «маски похожести», которые все могут носить, и «зонтики солидарности», под которыми все могут спрятаться, он вводит понятие «номинальной идентичности и виртуальной

идентичности», где «маски» или «зонтики» — это номинальная идентичность, которая всегда символизируется в языке, ритуале или любом другом атрибуте принадлежности к сообществу. Реальная практика жизни в сообществе — это виртуальная идентичность, которая является индивидуализированной.

Основным положением труда Р.Дженкинса «Социальная идентичность» является то, что между индивидуальной и коллективной идентичностью не существует качественного отличия, их следует рассматривать как две стороны одного процесса. Отличие между ними заключается в том, что в случае индивидуальной идентичности подчеркиваются те характеристики индивидов, что отличают их от других, в случае же коллективной — те, что сближают. Автор отмечает, что эти различия достаточно относительны, ибо одна идентичность не существует без другой и обе они по своему происхождению социальны. Убежденность исследователя в том, что «идентичность нужно исследовать только как процесс» демонстрирует новые подходы к ее пониманию, которые в корне отличаются от устоявшегося восприятия идентичности как данности [2, С. 76]. Тесно связанная со становлением понятия «индивидуальное» («личностное») и будучи прерогативой исследования психологии «... под воздействием идей ультрасовременности категория идентичности обрела характер важной социологической концепции и означает ощущение самости, ассоциирующееся с идентификацией личности с определенными социальными конструкциями» [9, С. 135].

Итак, рассмотренные теории отражают тот факт, что психологическое и социологическое трактовка отношений между Я и обществом не совпадают. Психологические теории развития, включающие как классическую психоаналитическую модель (анализ групповой психологии Фрейда), так и дальнейшие исследования, рассматривающие идентичность как результат процесса социализации на уровне диады. В социологических теориях анализ связан с дифференциацией социальной системы на функциональные роли, статусные позиции и структурированные отношения между ними. Понятие идентичности, которое разрабатывается последователями символического интеракционизма — это интернализованные правила, ожидания и нормы, связанные со специфическими социальными ролями как аспектами личности. Принимая социальную роль, личность ставит себя в определенную позицию по отношению к другим и социальной системы в целом. В социально-ролевой теории социальная группа — это «набор» взаимодействующих индивидов, принимающих различные комплиментарные роли. То есть, в середине группы индивиды имеют разные социальные идентичности в зависимости от роли и позиции, которую они занимают.

В социально-психологических теориях социальной идентичности индивиды в результате самокатегоризации, свойственной им, тоже пытаются соотносить себя с выделенными и отождествить себя с определенными социальными группами. Однако, в данных теориях социальная группа — это совокупность людей, которые разделяют только общие характеристики или социальный опыт. Социальная идентичность в этом контексте является результатом процесса идентификации с другими членами группы. То есть, все члены группы имеют одинаковую групповую идентичность. Совокупность всех социальных идентификаций, используемых индивидами во время самоопределения, называется социальной идентичностью. Итак, социально-психологические теории социальной идентичности как социологические теории дифференцируют социальную систему, однако они выделяют не роли и функции, а категориальные отношения.

Исследователи акцентируют внимание на необходимости создания интегративной контекстуальной модели идентичности, которая должна базироваться на принципах дифференциации и взаимодействия двух контекстуальных уровней ее формирования: «а) когнитивно-репрезентативного, складывающегося в процессе отнесения себя индивидом к той или иной социальной категории, б) межличностного, в основе которого лежат специфические отношения с другими» [8, С. 113]. Задача, таким образом, как утверждают специалисты, состоит в выявлении характера взаимовлияний обоих уровней социального контекста, которые в совокупности образуют «среду формирования» различных форм социальной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т.2 (П-Я) Пер. с англ. — М.: Вече АСТ. — 1999. — 528с.
2. Павленко В.М., Таглин С.О. Етнопсихологія: Навч. посібник. — К.: Сфера, 1999. — 408с.
3. Ритцер Дж. Современные социологические теории. — 5-е изд. — СПб: Питер, 2002. — 688с.
4. Ручка А.О. Орієнтири теоретичного осмислення специфіки феномена ідентичності // Проблеми розвитку соціологічної теорії: Наукові доповіді і повідомлення першої Всеукраїнської соціол. конференції / Соціол. асоціація України, Ін-ту соціології АПН України; М.О.Шульга (наук.ред.) та ін. — К., 2001. — С. 202-205.
5. Симонова О.А. Социологический смысл понятия идентичность в концепции Э.Эриксона // Вестник МГУ, Сер. 18. Социология и политология. — 2001. — № 2 — С. 103-122.
6. Скворцов Н.Г. Проблемы этничности в социальной антропологии. — М.: СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997. — 184с.

7. Солдатова Г.У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познание и общение. — М.: Наука, 1988. — С.111-125.
8. Социальная идентичность: социально-психологические перспективы (сводный реферат) // Рос.рефер. журн. Сер. Социология: 017 — 021 — 2005. — С.107-125.
9. Социология. А — Я: Словарь-справочник /Пер. с англ. К.С.Ткаченко — М.: ФАИР ПРЕСС, 2000 — 608 с.
10. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А.Грицанов, В.Л.Абушенко, Г.М.Евелькин, Г.Н.Соколова, О.В.Терещенко — Мн.:Книжный Дом, 2003. — 1312 с.
- 11.

© Л.И. Иванкина
(Томск)

АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ М. ХАЙДЕГГЕРА В ПОНИМАНИИ ПРИРОДЫ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ

Проблема интеллигентности ярко представлена А.И. Солженицыным, противопоставлявшим истинную образованность образованщины, считая главным критерием интеллигентности не умственный, а нравственный потенциал. В одноименной статье А. Солженицын пишет: «Если обвиняют нынешний рабочий класс, что он чрезмерно законопослушен, безразличен к духовной жизни, утонул в мещанской идеологии, весь ушел в материальные заботы, получение квартиры, покупку безвкусной мебели (уж какую продают), в карты, домино, телевизоры и пьянку, то на много ли выше поднялась образованщина, даже и столичная?»[1].

Можно ли тогда решать задачу развития интеллигентности у людей, получающих образование, или можно констатировать заведомо, что образованность не прибавляет интеллигентности? Складывается впечатление, что в современном обществе понятия «интеллигент», «интеллигентность» забыты, становятся социальным атавизмом, а интерес к ним реанимируется только научным сообществом, в то время как понятия «лидер», «лидерство» широко внедряются в повседневные практики. Возникает вопрос, с чем это связано? Ответ кроется в предназначении, а, следовательно, возможностях. Если обратиться к предназначению интеллигенции, то ее миссию можно сформулировать поэтической метафорой — «глаголом жечь сердца людей». То есть, обращаться к разуму человека, его совести, чувству ответственности за то, что происходит с ним и его близкими, а это создает глубокий душевный дискомфорт и побуждает к необходимости совершения выбора.

Интеллигентность, рассматриваемая нами как заинтересованность и активная включенность в происходящее человека «с обязанностью к душевному труду, направленному на то, чтобы люди, общество, мир в целом становились культурнее, образованнее, одухотвореннее, гуманнее» [2], противостоит той ситуации, в которой человек находится. Интеллигент лишь обращает внимание на проблему, стремится прорваться, достучаться до здравого смысла тех, кто может и должен ее решать, но не навязывает своего решения. В этом принципиальная разница интеллигента и лидера. Даже в обращении к другому человеку интеллигент апеллирует к «я», а лидер — к «мы».

Лидерство, исходя от английского глагола «lead», что значит «вести», в полной мере соответствует своей этимологии. Лидер формирует видение, ставит цели, задачи, убеждая других, почему это важно, зачем это нужно и что это даст в будущем, если они будут делать так, как им предписывается. Поэтому лидер, обращающийся к решению проблемы и принимающий ответственность за другого, не вызывает у этого другого душевных затруднений, его позиция воспринимается без противоречий. Э. Фромм, анализируя данную тенденцию, определил ее природу в стремлении человека уйти от ответственности, переложить ее на другого(их), что с позиции интеллигента абсолютно не допустимо. Интеллигент не хочет, чтобы за ним следовали, ибо он не решает за другого, он не дает себе такого права, считая навязывание воли другому без его волеизъявления недопустимым, поэтому, конечно же, интеллигент неудобен в своих сомнениях и призывах к лучшим сторонам человеческой души. То, чего действительно хочет интеллигент, заключено в его миссии, стремлении к тому, чтобы люди не потеряли способность к сомнению, не поверили в собственную непогрешимость, не превратились в механистическую систему, лишенную сомнений в правильности того, что они делают. И интеллигент, и лидер постоянно находятся в поле системы окружения и информации, но если задача лидера заключена в соизмерении своих идей, планов, мыслей с окружающей реальностью, в умении выделять из непрерывного потока информации нужные сведения, распознавать полезные сигналы и трансформировать их в цели для других, то для интеллигента важна моральная сторона данного процесса.

По определению А.Ф. Лосева, интеллигентный человек — «прост и незатейлив, всегда общителен и откровенен и не склонен аналитически вдумываться в свою интеллигентность. Интеллигентности нельзя научиться, но она требует длительного воспитания и самовоспитания. ...она есть та

культурная атмосфера, которою дышат люди; и она есть простота, которая где-то и когда-то и часто неизвестно почему сама собой возникает в человеке и делает его интеллигентным» [3].

Обратившись к аксиологии М. Шелера, можно заметить, что философ различает ценности и их носителей, понимая под носителями — блага, вещи, личности, состояния вещей, в которых ценности проявляются и становятся действительными. Ценности — априорная сущностная закономерность, которая зиждется на фактах эмоционального созерцания, лежит вне компетенции логических изысканий и может демонстрироваться только в созерцании. В статье «Философское мировоззрение» М. Шелер предложил рассматривать личность, исходя из идеи субстанциализма, а не функционализма, определяя «Я» личности как место исполнения актов — осознание себя в акте внутреннего и в акте внешнего восприятия, когда «Я» человека выступает как носитель ценностей, а не только оценивающий субъект [4]. По мнению М. Шелера, порядок сердца строг, точен и объективен, обладая той же необходимостью и принудительной силой, что и положения дедуктивной логики [5].

Возможно ли, развивая личность в процессе образования, формировать ее эмоциональное восприятие себя и мира, отвечающее критерию интеллигентности? В поисках ответа обратимся к идеям М. Хайдеггера. М. Хайдеггер обосновал постулат о том, что человек немислим без мира, с которым он соотносится, как и мир несводим к сознанию человека. По мнению М. Хайдеггера, мир повседневности есть вечная угроза всеобщего усреднения, отсутствия ответственности, когда все за все в ответе, все действуют и думают, но на деле — никто, поскольку «всякий похож на всякого». Речь в данном случае идет не о коллективном субъекте, а о модусе, стороне существования каждого — «здесь-бытия». Как отмечает М. Хайдеггер, «это совместное бытие настолько растворяет свое «здесь-бытие» в способе бытия «других», что «другие» еще больше исчезают в своей различности и выразительности. В этой неприметности и неуловимости разворачивается настоящая диктатура *das Man*» [6] как нечто неопределенно-личное.

Подлинность и неподлинность являются результатом выбора каждого человека. «Здесь-бытие» проявляется в трех возможностях. Прежде всего, это «падение» как полная поглощенность «здесь-бытия» миром, присутствующая в любом времени, обществе, поскольку наслаждающийся всеми благами культуры человек может действовать «как все», что ведет к потере собственного Я. Во-вторых, это «заброшенность», когда человек всем своим существом

соотносится с миром, его настроение и чувства оказываются не состояниями сознания, а знаками того, что имеется в самом мире, поэтому они не субъективны, являются ключами ко всему «бытию-в-мире», открывая человеку то, что его бытие есть совокупность возможностей, и что выбирать среди них он должен сам. И, в-третьих, это «проект», который как раз и подразумевает этот выбор. «Здесь бытие» понимает свои возможности, проектируя себя, забегая вперед самого себя. Это есть проявление подлинного существования.

Как же оно возможно? По мнению М. Хайдеггера, подлинное существование начинается с тревоги, когда распадаются привычные основания и мир ощущается чуждым и небезопасным, когда в человеке пробуждается ответственность за собственные деяния и осуществляется поворот к самому себе.

Как эти идеи можно применить к педагогической практике становления интеллигентности? Прежде всего, контакт педагога с личностью, обучающейся, не должен превратиться в повседневную рутину, за которой теряются лица людей, и разворачивается диктатура *das Man*. Путь к этому лежит через индивидуализацию подхода, позволяя избежать растворения каждого отдельного студента в общей массе. Следуя за тем, что чувства людей соотносятся с окружающим миром, требуется пробуждение и поддержание интереса к изучаемому, и без творчества, импровизации, эмоционального накала задача не решаема. Это требует от каждого участника взаимодействия поворота к самому себе, осознания собственной уникальности, постоянного проектирования себя и своей жизни, возможности ее предъявления.

М. Фуко определил техники понимания себя как заботу о своей душе, в отличие от техник подчинения, целью которых является «вписанность» человека в социум, «всепоподнадзорность». Забота о душе, о духовности индивидуальна и уникальна для каждого. Она выражается не только в познании духовного, но и в реальном изменении, преображении человека в результате познания и самопознания. Забота о себе является образовательным способом активизации человека, находящегося в подлинном модусе бытия и стремящегося к социальному утверждению своего экзистенциального проекта. Именно принцип «озабочивания» собственным потенциалом есть стремление реального подтверждения и социальной значимости жизненного проекта. Забота как неуспокоенность достигнутым результатом, беспрестанное внимание к внутреннему и внешнему миру ориентирует на действенное, то есть продуктивное проживание собственной жизни.

По сути, забота о себе – это вариант самообразования, делание себя, то есть процесс, не предполагающий необходимости институционального вмешательства. Однако введение нового аспекта в современную систему образования практик заботы о себе может предоставить человеку возможность «пробовать» себя в различных ролях и перспективах в условиях постоянно меняющейся социальности. Техники заботы о себе создают возможность обнаружения подлинности, а их внедрение в современные образовательные практики способствует активизации побуждений к интеллигентности.

Таким образом, пробуждение подлинного существования составляет базовую тенденцию становления интеллигентности как процесса распознавания несовершенства «здесь-бытия» и искренней заинтересованности в его преобразовании, а становление такой особо ориентированной жизненной позиции, как интеллигентность можно расценивать как способ пробуждения человека к повороту к самому себе, благодаря которому проблема духовного совершенствования постоянно актуализируется и не застаревает. В этом качестве, интеллигентность не имеет массового характера и является продуктом индивидуального рода, имеющим по своему воздействию на социальные процессы общечеловеческий, универсальный смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Солженицын А.И. Образованщина / А.И. Солженицын // Новый мир – 1991. – №5. – С. 28.
2. Иванкина Л.И. К вопросу о смысловой определенности интеллигентности / Л. И. Иванкина // Интеллигенция в изменяющемся обществе: социальный статус, облик, ценности, сценарии развития: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. (Байкальская встреча). Улан-Удэ, 2010. – С. 131.
3. Лосев А.Ф. Об интеллигентности / А.Ф. Лосев // Дерзание духа. М., 1988. – С. 320.
4. Шелер М. Философское мировоззрение / М. Шелер // Избранные произведения. М., 1994. – С. 13.
5. Шелер М. Положение человека в Космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. М., 1989. – С. 61.
6. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. М., 1993. – С. 47–48.

ТЕМА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Г.П. ФЕДОТОВА

Для духовного развития современной интеллигенции важно обращение к наследию русских мыслителей недавнего прошлого. Тема интеллигенции была животрепещущей и стержневой для русского самосознания XIX-XX веков.

Георгий Петрович Федотов (1886-1951 гг.) – один из крупных мыслителей, публицистов русского зарубежья оставил богатое наследие (свыше трехсот работ). Его статьи печатались в известных журналах русской эмиграции, в английских, французских, немецких журналах. В своих работах «В защиту этики», «В борьбе за искусство». «Трагедия интеллигенции», «Письма о русской культуре», «Создание элиты» и др. он провидчески описал духовную ситуацию нашего времени, связанную с этой темой. «Мы имеем дело, – писал Г. Федотов в первые годы советской власти, – с одной из роковых тем, в которых ключ к пониманию России и ее будущего»[1, С. 66].

Федотов подчеркивал, что говоря о русской интеллигенции, мы имеем дело с единственным, неповторимым явлением истории. Неповторима не только «русская», но и вообще «интеллигенция». Также им подчеркивалось, что это слово, то есть понятие, обозначаемое им, существует лишь в нашем языке. «В наши дни, – писал Г. Федотов, – европейские языки заимствуют у нас это слово в русском его понимании, но неудачно: у них нет вещи, которая могла бы быть названа этим именем», т.е., нет интеллигенции.

Определяя объем этого понятия, Федотов отмечает, что нельзя представлять дело так, что интеллигент – это субъект с каким-нибудь дипломом в кармане. В его понимании, по его мнению, «прежде всего, ясно, что интеллигенция – категория не профессиональная. Это не «люди умственного труда». Интеллигенцию Федотов рассматривает как носительницу нового национального сознания, известных идей, при этом идейность интеллигенции – особый вид рационализма, этически окрашенный, в идею сливается правда-истина и правда-справедливость. По его словам, сознание интеллигенции ощущает себя почти как некий орден, хотя и не знающий внешних форм, но имеющий свой неписанный кодекс – чести, нравственности, – свое призвание, свои обеты»[1, С. 68]. Как известно, понимание интеллигенции в качестве некоего ордена предложил в XIX в. крупный историк русской литературы П.В. Анненков и оно – разделялось такими современниками Г.Федотова, как например, С.Франк, Н.Бердяев.

В наше время также распространено понимание интеллигенции как особого неформального сообщества, объединенного духовным стремлением к реализации общечеловеческих ценностей и идеалов. Интеллигент способен сознательно отказаться от богатства, высокого социального статуса и др. во имя добра, справедливости, духовной свободы. Как известно, концепции постиндустриального общества XX в. прогнозировали отказ от стандартов потребительского общества, смену материальных ценностей духовными. И в этом важную роль должна сыграть интеллигенция.

Г. Федотов был убежден в том, что «хлеб может быть священным символом культуры, комфорт — никогда. Если этот идеал станет главным содержанием жизни 1/6 части земного шара, то следует сказать: эта страна потеряна для человечества, этот народ зря гадит (а он не может не гадить) свою прекрасную землю. Его историческая ценность меньше ценности любого крохотного племени, затерянного в горах Кавказа или в Сибирской тайге, которое сохранило, по крайней мере, свои песни и сказки, художественные формы быта и религиозное отношение к миру» [2, С. 201].

Главное назначение интеллигенции, по Г. Федотову — духовное лидерство. Интеллигенция возникает в привилегированном слое «видящих истину» как предводительница. Пока в мире существует хотя бы один человек, которого ведут к истине, будет существовать и интеллигенция. Существует и самосознание этой группы, задумывавшейся над своеобразием своего положения в мире: над своим призванием, над своим прошлым. Она сама писала свою историю. Под именем истории «русской литературы», «русской общественной мысли», «русского самосознания» много десятилетий разрабатывалась история русской интеллигенции в одном стиле, в духе одной традиции [1, С. 67].

Интеллигенцию Г. Федотов рассматривает не только как носительницу известных идей, но и как общественный слой. Отсюда ключевыми являются отношения: «интеллигенция и народ», «интеллигенция и власть».

Главной функцией части русской интеллигенции, начиная с петровских времен, «было несение в Россию — в народ — готовой западной культуры, всегда в кричащем противоречии с хранимыми в народе переживаниями древнерусской и византийской культуры». Прозападная идеология интеллигенции привела ее к трагическому разрыву с народом [3]. Понятны его обвинения Запада в том, что он привил доктрины: бюрократического и классового (прусского или английского) консерватизма, буржуазного либерализма и революционного социализма, которые, по его словам, действовали разлагающе на народную жизнь и углубляли пропасть между ду политическим сознанием народа и интеллигенции.

Особенно важным считал Г.Федотов то, что судьба интеллигенции переплетена с судьбой культуры. По образному выражению Г. Федотова, культура — «это сгустки накопленных ценностей», «та кожа, которая сдерживает в человеке зверя». Время показало, что он был прав, когда говорил о том, что одним из способов «сдирания» культурного слоя стало быстрое приобщение масс к цивилизации в ее поверхностных слоях: технике, науке. и что новая нарождающаяся интеллигенция проникается пафосом американизма. Он писал: «Россия действительно догонит и обгонит Америку. Ее догнать нетрудно. Не сомневаемся, что «Новая Америка» сможет многое организовать и лучше старой. Но, что же в ней будет от России?»

Интеллигенция в культуре имела свою метафизическую почву в слове, совести, духе. Мысль, слово, форма и звук важнее, выше практических материальных вещей, так как имеют более близкое отношение к цели культуры, к самому смыслу существования наций. У Федотова, прежде всего интеллигенция придает лицу России необщее выражение, и первое место интеллигенции предполагается иерархией ценностей в системе национального производства. При этом, место мыслителя и художника непосредственно вслед за святым и рядом со священником в нормальной иерархии[2, С. 222].

Как считает Г.Федотов, в свое время борьба за слово, за совесть, за дух против посягательств правительства была первоначальной силой и содержанием политической активности интеллигенции. Вместе с тем, вступление интеллигенции на политический путь вызвано не только духовным разрывом с властью. Тревога за Россию, чувство национальной ответственности побуждали, и, он убежден, будет побуждать интеллигенцию к действию. Основной ее социальной функцией является создание, развитие и распространение духовной культуры в различных ее формах.

Интересно его предположение о том, что когда интеллигенция получит возможность дышать и думать вслух, она почувствует непреодолимую тягу к объединению — в кружки, в группы, в общества. Причем, по его словам, объединения интеллигенции могут иметь различные формы: от салонов и кружков до правильно организованных культурных обществ. Их цели и работа могут быть самыми разнообразными: религиозные, философские, исторические, литературные, «общества ревнителей русского языка и грамматики», «общества любителей латинского и греческого языка» и т.п.[2, С.220].

Развивая идею об интеллигенции как особом духовном сообществе, Федотов выдвигает идею культурной элиты. Создание элиты в России, по его мнению, дело не столь безнадежное, как может показаться с перво-

го взгляда. Прежде всего, в какой-то мере, она существует. Он отмечает, что культурной элите придется, может быть, выдержать нелегкий бой – за Академию, за университет, за классическую школу. Культурная элита должна бороться за такой университет, который развивает интеллектуальное творчество и свободомыслия.

Он считал, что «новая элита не менее старой нуждается в орденском самосознании. Требуется и новой этики: этики не столько самоуничтожения, сколько достоинства. Новая элита во имя достоинства культуры должна потребовать и уважения к себе. Должна научиться бороться за свое собственное достоинство и право, умея отличать достоинство от интересов и право от привилегий. Интеллигенция должна оградить свою духовную свободу от всех покушений, откуда бы они ни исходили, снизу или сверху, от рабочего, крестьянина или солдата, от партийного, государственного и даже – случай, конечно, для России фантастический, – клерикального вмешательства»[2, С. 224].

Федотов сформулировал максимум личной жизни и максимум культурной деятельности интеллигента: «Живи так, как если бы ты должен был умереть сегодня, и одновременно так, как если бы ты был бессмертен; работай так, как будто история никогда не кончится, и в то же время так, как если бы она кончилась сегодня». Современный интеллигент должен следовать этой максиме.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Г.П. Федотов. Судьба и грехи России. В 2-х тт. Т.1. СПб.: София, 1991.
2. Г.П. Федотов. Судьба и грехи России. В 2-х тт. Т.2. СПб.: София, 1991.
3. Г.П. Федотов. Революция идет // Современные записки. 1929, № 39. С.324.

© Б. А. Канивец
(Житомир)

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»

В XXI веке ускорения научного и технологического роста, увеличения динамичности во всех областях индивидуальной и общественной жизни создают условия для перехода на новую ступень исторического развития, но и ставят перед человечеством все больше новых, часто уникальных проблем. Процессы глобализации способствуют стабилизации мировой политики, обмена товарами и научной информацией, но, с другой стороны, региональные проблемы часто приобретают планетарный масштаб.

Наряду с развитием научно-образовательной сферы общества и распространением свободного доступа к информации наблюдается падение уровня образованности, и общей культуры среди части населения, что, вместе с ориентацией на материальную сферу бытия, предопределяет нивелирование общечеловеческих ценностей, их замену культом материального удовольствия.

В контексте вышесказанного, актуализируется исследование проблемы интеллигенции, как части населения, которая принимает непосредственное участие в формировании культуры, занимает активную гражданскую позицию, выступает с критикой существующих общественного и политического порядков. Вследствие наличия таких атрибутов она выступает одним из центральных «творцов» истории, причем не только духовной и научной, но и политической (так, можно вести речь о том, что эта социальная общность «сделала» обе революции н. XX столетия в России).

Впервые понятие «интеллигентность» вошло в употребление еще во времена античности для обозначения свойства человеческого разума, высшей ступени мышления. Так, российский исследователь Ю. Степанов указывает: «Его первоисточником является греческое слово *noesis*... «сознание, понимание в их высшей степени». Этот концепт, «нозис», противопоставляется двум более низким степеням сознания – *dianoia*... «образ мыслей, размышление» и *episteme*... «научное знание», и объединяет их как высшая категория... Под влиянием этого греческого концепта в римской культуре возникло слово *intellegentia*, первоначально означавшее просто «высшую степень понимания, сознания» без больших греческих тонкостей. Здесь впервые оно засвидетельствовано не у какого-нибудь философа, а у драматурга-комика Теренция (190-159 до н. э.). В латыни основным значением этого слова оказывается «способность понимания», как высшая умственная способность, главенствующая над всеми остальными – над *mens* «ум, дух», *ratio* «рассудок»[9]. Таким образом, интеллигенция предстает перед нами как способность к раскрытию, пониманию сути вещей, бытия; как высшая форма мышления.

Интересна трактовка понятия «интеллигенция» у Боэция. Он указывает, что человек познает тремя способами: чувствами, воображением и рассудком. Чувство необходимо для сбора первичной информации, для непосредственного контакта с материальными формами. Воображение познает и конструирует нематериальные образы, а рассудок раскрывает суть вещей, выявляя общее в единичном. Также он выделяет и божественное познание, которое именует интеллигенцией. Она органично синтезирует в единое целое человеческие способы познания, являясь, таким

образом, высшей его формой. Только такому познанию доступна возможность познать сущность Бога, но и обладает им лишь Бог [3]. Так, данное понятие приобретает теологический характер и вместе с тем объективируется в концепте «Бог», становясь уже не субъективным человеческим феноменом, а объективным божественным познанием.

Приблизительно в таком смысле оно переходит в Средневековую философскую мысль, приобретая в трудах мыслителей схоластики ярко выраженный теологически-христианский окрас. Так, Фома Аквинский различает интеллект и интеллигенцию. Первый есть форма познания ангелов, вторая присуща только Богу. В данном контексте интересно будет вспомнить о реализме средневекового мыслителя. Он указывал, что всеобщее существует трояко: до вещей, в вещах и после вещей. До вещей оно существует как идеи Бога, из которых и возникает впоследствии реальность, а эти идеи, в свою очередь, становятся возможны благодаря свойственной только Богу интеллигенции. Здесь мы наблюдаем еще большую степень объективации обозначенного понятия. Оно становится уже не просто свойством божественного сознания, а необходимым основанием существования реальности вообще.

Широкое распространение понятие интеллигенция получило в философии немецкого просвещения, где употреблялось в разных смысловых вариациях. Так, Г. Гегель воспринимал интеллигенцию как способность субъекта постигать все многообразие наличного бытия, как его самосознание и шире как самосознание национального духа в истории. В целом дефиниция понятия «интеллигенция» немецкого мыслителя имеет высокую степень схожести с пониманием обозначенного понятия Боэцием с тем существенным отличием, что оно лишается теологического содержания, но, правда, имеет такую же высокую степень объективации в абсолюте. Важно, что свойство интеллигентности переносится и на народ в качестве национального самосознания, правда, в качестве последнего этапа эволюции абсолютной идеи – самопознания, через человеческое мышление.

Похожую трактовку использовал и К. Маркс, который понимал интеллигенцию как «социальное, историческое самосознание народа в процессе государственного строительства» [9]. У него обозначенное понятие уже лишается идеалистического содержания, и имеет наивысшую степень объективности, так как есть творение не субъекта, индивидуальной личности, а общества в целом в процессе практической деятельности, которая и выступает критерием объективности и истинности. В целом эволюция определения понятия «интеллигенция», как наивысшей формы сознания и мышления, двигалась, в основном, к наиболее высокой ступе-

ни объективации, снятия идеалистического содержания (от Средневековья), переноса поля действия от единичного к всеобщему, от индивидуума к Богу, Духу, обществу.

Только с XIX ст. понятие «интеллигенция» приобрело социологический характер и стало использоваться для определения особой социальной общности. В Российской империи, в том числе и в Украине, которая была ее составной частью, обозначенное понятие было введено в философский оборот со второй половины XIX ст. Его популяризация связана с именем русского писателя и журналиста. П. Бобрыкина, использовавшего данное понятие для характеристики передовой части населения в интеллектуальном и этическом смысле.

С шестидесятых годов указанного столетия данное понятие входит в массовое употребление. Почти тогда же начинается и длительная (продолжается и сейчас) дискуссия насчет смысла обозначенного понятия, судеб и предназначения интеллигенции. Непреходящее значение для теоретического обоснования понятия «интеллигенция» имел выход в 1909 году в Москве сборника «Вехи», вызвавший глубокий резонанс в российской общественной мысли. Тут интеллигенция понималась как особый социокультурный феномен, социальная общность, группа, которая основывается в первую очередь на высокой морали, склонности к рефлексии, активной гражданской позиции, антимонархизме, атеизме, социализме, нигилизме; как часть народа, выполняющая функцию самосознания и совести нации, интеллектуальная и этическая элита общества. Так, С. Булгаков основной идентификационной характеристикой интеллигенции называл особое мировоззрение и духовный склад, указывал на ее религиозный характер и одновременно атеистические убеждения как необходимые атрибуты принадлежности к интеллигенции [4]. Важно, что этот атеизм по С. Булгакову, имел не глубокий внутренний теоретический характер, как, например, у Л. Фейербаха, К. Маркса, а чисто внешний, не всегда осознанный.

М. Гершензон писал: «Русский интеллигент — это, прежде всего, человек с юных лет, живущий вне себя, в буквальном смысле слова, т. е. признающий единственно достойным объектом своего интереса и участия нечто лежащее вне его личности — народ, общество, государство. Нигде в мире общественное мнение не властвует так деспотически, как у нас, а наше общественное мнение уже три четверти века неподвижно зиждется на признании этого верховного принципа: думать о своей личности — эгоизм, непристойность; настоящий человек лишь тот, кто думает об общественном, интересуется вопросами общественности, работает на пользу общую. Число интеллигентов, практически осуществлявших эту про-

грамму, и у нас, разумеется, было ничтожно, но святость знамени признавали все, и кто не делал, тот все-таки платонически признавал единственно спасающим это делание и тем уже совершенно освобождался от необходимости делать что-нибудь другое, так что этот принцип, превращавшийся у настоящих делателей в их личную веру и тем действительно спасавший их, для всей остальной огромной массы интеллигентов являлся источником великого разврата, оправдывая в их глазах фактическое отсутствие в их жизни всякого идеалистического делания» [5]. Данную трактовку, на наш взгляд, можно выводить из двух факторов. Во-первых, из наличия в российской культуре азиатских элементов и, как следствие, преобладания в сознании населения примата общественного над индивидуальным и из широкого распространения в Российской империи того времени марксистских идей, в которых также обосновывается данный примат.

Многие теоретики понятия «интеллигенция» одним из основных ее признаков называли обязательное неприятие общественных ценностей (нигилизм) и критическое отношение к общественному и государственному строю. Так, П. Струве писал: «В облике интеллигенции, как идейно-политической силы в русском историческом развитии, можно различать постоянный элемент, как бы твердую форму, и элемент более изменчивый, текучий – содержание. Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему» [10]. Следует также отметить, что многие мыслители XIX – н. XX веков, которые занимались проблемой интеллигенции, сходятся в ее мессианском призвании.

Непреходящее значение для анализа содержания понятия «интеллигенция» имеет творчество Иванова-Разумника. Он выделял такие основные черты интеллигенции: общественно-групповой характер, преемственность, внесловность, внеклассовость, антимеркантизм. Также российский мыслитель указывает на то, что образованность и культурность есть «только внешний, формальный признак, не определяющий внутреннее содержание», «... учнейший академик и профессор может не принадлежать к интеллигенции в принимаемом нами смысле этого слова... К группе интеллигенции может принадлежать полуграмотный крестьянин, и никакой университетский диплом не дает еще права его обладателю причислять себя к интеллигенции» [6]. Необходимо отметить, что данная дефиниция возникает в контексте критики меркантилизма, которое часто было высокообразованным.

В Советском Союзе преобладал социологический подход к определению понятия «интеллигенция». Его определяли как общественный слой, состоящий из представителей сложного интеллектуального труда, кото-

рый требует высшего или среднего специального образования. В. Ленин под интеллигенцией понимал «... всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (brain worker, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда» [7].

В современном философском дискурсе наблюдаем дискуссию между представителями так называемых «социологического» и морально-этического подходов к определению понятия «интеллигенция». Первый ориентируется на уровень образования и интеллектуальную деятельность как основные качества интеллигенции, что характерно для марксистско-ленинской парадигмы, тогда как второй — на высокую степень морали и (или) интеллекта, в крайних вариациях такого подхода понятие «интеллигенция» отождествляется с понятием «элита».

В социологическом подходе также можно выявить ряд направлений. Так, Р. Арон указывает на два основных подхода к определению интеллигенции своего времени: «Можно считать число экспертов одной из главных характеристик индустриальных обществ и, соответственно, отнести к категории «интеллигенции» категорию всех, кто получил в университетах или технических учебных заведениях квалификацию, необходимую для исполнения технически-бюрократических функций. С другой стороны, можно разместить на вершине интеллектуальной лестницы писателей, исследователей, ученых и людей, занимающихся творчеством и искусством, поставить чуть ниже учителей или критиков, еще ниже — популяризаторов или журналистов, а практиков — врачей, адвокатов, инженеров — вообще исключить из этой категории постольку, поскольку они всецело отдаются стремлению к практическому результату и теряют заинтересованность к культуре. В Советском Союзе наблюдалась тенденция к реализации первого определения: техническая интеллигенция считается истинным представителем вида и даже писатели представляют собой «инженеров человеческих душ». На Западе второе определение выглядит предпочтительнее, хотя оно здесь стремится к еще большему сужению и фактически ограничивает интеллигенцию теми, чье «основное занятие — писать, учить, проповедовать, выступать на сцене или заниматься искусством или литературой» [2]. В целом можно выделить три основных современных социологических подхода к определению понятия интеллигенция. Первый причисляет к ней всех членов общества, получивших высшее образование и занимающихся интеллектуальным трудом. Следующий подход причисляет к интеллигенции только интеллектуальную элиту, отождествляя в некотором смысле понятия «интеллигенция» и «элита». Третья трактовка пытается синтезировать два первых подхода на основе дифференциации интеллигенции на различные уровни.

Относительно морально-этического подхода, тут до сих пор имеется плюрализм мнений. Так, отечественный философ П. Саух, анализируя морально-этические версии трактовки понятия «интеллигенция», выделяет такие «основные характерные черты, которые составляют алгоритм ее классической модели:

1. Целостность личности, которая продуцирует идеал человеческого достоинства, воплощает его в жизни и во имя его совершает моральный суд над действительностью (П. Лавров, С. Трубецкой, Д. Мережковский, Н. Бердяев, Л. Украинка, Н. Амосов, С. Русова, Д. Чижевский, М. Хомский).

2. Благородство души, бескорыстие, энтузиазм, которые проявляются в конкретных делах во имя блага других людей, безразличие к деньгам, накоплению роскоши и любых материальных благ вообще (М. Горький, Р. Роллан, С. Цвейг, А. Кинг, А. Макаренко, И. Франко, Л. Костенко).

3. Способность чувствовать себя частью истории и осознавать трагизм жизни; направлять инстинктивные устремления масс, отдавая себя на суд истории (В. Соловьев, Г. Вильямс, Д. Лихачев, А. Солженицын, Й. Мец, А. Швейцер).

4. Моральное мужество как единственная форма героизма, которая не требует никаких иных жертв. Высокий уровень культуры и совести, ответственности за ее состояние, сохранение интеллектуальных сил общества с целью наследственности развития моральной составной в исторической цепи поколений (Л. Выготский, А. Печееи, З. Фрейд, М. Бахтин, Х. Ортега-и-Гассет, В. Сухомлинский, П. Толочко).

5. Нелинейность мышления, оппозиционность массовой идеологии и бюрократии, независимость от социально-классовой принадлежности. Отказ от насилия как метода практического действия (Л. Толстой, Б. Рассел, М. Ганди, Н. Рерих, П. Флоренский, Н. Федоров, М. Кинг, А. Сахаров, Р. Рорти) [8].

Также в современном дискурсе имеются и синтетические трактовки понятия «интеллигенция», которые пытаются синтезировать «социологический» и «культурологический» подходы. В данном контексте интересна концепция интеллигенции Д. Лихачева: «Модель идеального русского интеллигента-гуманиста, разработанная Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, имеет следующий вид:

- образованность европейского уровня, широкий общекультурный кругозор;
- креативность — бесстрашное правдоискательство, интеллектуальная независимость, свободомыслие;

• этическое самоопределение: а) совестливость, честность, правдивость; б) толерантность, осуждение насилия и террора; в) благоговение перед культурой, приобщенность к книжной культуре, русской литературе; г) индивидуализм, самодостаточность; д) оппозиционность по отношению к деспотичной власти» [1].

Проанализировав все вышесказанное, следует отметить, что в историко-философском содержании понятия «интеллигенция» можно выделить парадигмальные и общеполитические черты интеллигенции. Под парадигмальными мы понимаем те особенности, которые образуются и характеризуют определенное понятие в конкретной историко-философской парадигме и исчезают с ее сменой. В новой парадигме образуются новые черты, которые начинают характеризовать понятие, частично изменяя тем самым его философское содержание. Несмотря на это понятия, которые употребляются в нескольких историко-философских парадигмах, имеют неизменные характеристики, которые составляют основу их содержания. Так, например, понятие «текст» в модерном и постмодерном философском дискурсе имеет отличные дефиниции, но от этого оно не перестает быть понятием, которое характеризует и выражает качества определенной реальности, то есть в некотором смысле его содержание остается тождественным. Следует добавить, что парадигмальные черты не обязательно должны являться внешними, формальными, они могут отображать внутренние, сущностные, фундаментальные качества, которые являются таковыми для определенной парадигмы.

К парадигмальным можно отнести такие черты, как примат индивидуального либо общего (индивидуализм или нацеленность на общественные интересы), альтруизм, антимещанство, нигилизм, внесловность, бескорыстность, отказ от насилия, как метода практического действия и ряд других. Также имеются ряд особенностей, которые можно отнести и к парадигмальным, и к общеполитическим. В первую очередь это образованность, так как с ее употреблением в качестве необходимого атрибута интеллигенции возникает ряд трудностей. Так, что особо актуально для Украины и России, многие люди с высшим образованием, в силу определенных жизненных обстоятельств, являются представителями физического труда (грузчиками, строителями, сторожами, продавцами и так далее) либо вообще безработными. Также почти весь бюрократический аппарат, по крайней мере, в Украине, имеет высшее образование, а многие и дипломы кандидатов, докторов наук, а часть представителей культуры и искусства (писатели, художники, музыканты и так далее) имеют только среднее образование, а могут и вообще не иметь его. Также, образованность вводит вековой ценз на вступление в ряды интеллигентов, ведь образование можно получить только с определенного возраста.

Некоторые трудности возникают и с принадлежностью к интеллектуальному труду. Так, например, чиновники, и в первую очередь руководство страны занимается именно сложным умственным трудом, но, как показывает отечественный опыт, явно не наделено высокой моралью, не чуждо деньгам и стяжательству. Не совсем понятно, к какому типу труда отнести представителей сферы обслуживания (например, экскурсоводов, библиотекарей и так далее). Тем более резкое противопоставление умственного и физического труда постепенно нивелируется в силу автоматизации производства, что, как следствие, приводит к уменьшению его количества и роли в общественных отношениях.

Такоже, в контексте высокого уровня интеллекта, трудно объяснять такую особенность, как мессианское предназначение интеллигенции. Так как история показывает, что большинству людей, наделенных особо большим интеллектом, чужда власть и как следствие, они не интересуются политикой, будучи всецело отданы своему делу. Возникает парадокс, что многие из умнейших людей в истории не принадлежат к интеллигенции, тогда как многие посредственности становятся ею. Так к интеллигенции нельзя причислить, например, Ф. Ницше, Л. Витгенштейна и многих других.

К общефилософским чертам интеллигенции можно отнести такие качества как: общественно-групповой характер; высокий уровень интеллекта и, как следствие, критическое мышление (критика современных общественных отношений); внеклассовость; культурность; целостность личности. Также, на наш взгляд, к основным общефилософским особенностям интеллигенции необходимо отнести участие в формировании общественного сознания, исполнение ею идеологической функции, причем на основе определенной историко-философской парадигмы, а не общественного мнения. Именно эта особенность может органично объединить и позволяет снять такие атрибуты как образованность, интеллектуальный творческий труд, мессианская функция, активная гражданская позиция. Так, формирование сознания на теоретическом уровне уже предполагает высокий уровень образованности, кругозора, критическое мышление, такое формирование и есть сложным умственным трудом, в чем и состоит мессианское предназначение, так как любая историческая личность выходит в своих действиях из общих теоретических установок своего времени.

Таким образом, можно констатировать, что понятие «интеллигентность» прошло длительную эволюцию своего значения. Можно выделить два основных периода в его развитии: гносеологический, когда оно определялось как интеллектуальная деятельность и социальный, где оно использовалось для характеристики особой социальной общности. В целом

эволюция содержания данного понятия имеет парадигмальный характер, в историко-философском смысле. Необходимо отметить, что понятие «парадигма» в современном философском дискурсе используется в двух значениях: как научные парадигмы в трактовке Т. Куна и историко-философском. Основное их отличие состоит в том, что если научные парадигмы резко противостоят и отрицают друг друга, в них, по Куну, отсутствует преемственность, то историко-философские хотя и иногда в некоторой степени противостоят и отрицают друг друга, все же вытекают одна из другой, сохраняя преемственность. Также историко-философские парадигмы всегда привязаны к определенной эпохе, они с одной стороны обуславливают развитие сознания эпохи, а с другой – детерминируются ею. Так и понятие «интеллигенция» с одной стороны наполнялось определенным содержанием в связи с социально-историческими изменениями и историко-философскими парадигмами определенных эпох. А с другой (правда, только начиная с XIX столетия) приобрело парадигмальный характер (высокий эвристический потенциал, роль в философском и общественном дискурсе и как следствие влияние содержания понятия на сознание эпохи) и само стало принимать участие в формировании общественного сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Аркадий Соколов: диалоги об интеллигенции, коммуникации и информации: сб. науч. тр. [Электронный ресурс] / А. В. Соколов, П. Б. Уваров, Т. Ф. Берестова, Ю. В. Гушул, И. Д. Тузовский; [ред.-сост.: Т. Ф. Берестова, Ю. В. Гушул, И. Д. Тузовский]. – Челябинск: Челябинская государственная академия культуры и искусств. – 2011. – С. 34 – 35 – Режим доступа: 1 опт. компакт-диск (CD-Rom). – Техн. требования: Windows 98/2000/XP, Intel Celeron 700 MHz, 128 Mb RAM, Устройство для чтения компакт-дисков.
2. Арон Р. Опий интеллектуалов / Р. Арон // Логос. – 2005. – № 6. – С. 185.
3. Бозций. Утешение философией / Бозций; [пер. с лат.]. – М.: Наука, 1990. – С. 280–290.
4. Булаков С. Героизм и подвижничество [электронный ресурс] / С. Н. Булаков // ВЪХИ. Сборник статей о русской интеллигенции. – 1909. – Режим доступа к статье: <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html>.
5. Гершензон М. Творческое самосознание [электронный ресурс] / М. Гершензон // ВЪХИ. Сборник статей о русской интеллигенции. – 1909. – Режим доступа к статье: <http://www.vehi.net/vehi/gershenson.html>.
6. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли / Иванов-Разумник; [3-е изд., дополненное]. – С.-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича. Том 1. – 1911. – С. 4, 8.
7. Ленин В. Полное собрание сочинений / Ленин. – М.: Издательство политической литературы. Том 8. – 1967. – С. 309.

8. Саух П. Інтелігенція: між місією і приниженням / Петро Саух, Юрій Саух // Історія. Філософія. Релігієзнавство. – 2009. – № 4. – С. 8
9. Степанов Ю. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С.611, 613.
10. Струве П. Интеллигенция и революция [электронный ресурс] / П. Струве // ВБХИ. Сборник статей о русской интеллигенции. – 1909. – Режим доступа к статье: <http://www.vehi.net/vehi/struve.html>.

© А.А. Гераськова, А.Г. Сапожникова
(Чита)

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»

В последние годы не ослабевают споры о границах, численности, о самом факте существования интеллигенции как самостоятельной социальной страты. Это далеко не случайно. Дело не сводится к тому, что мы живем в эпоху развитых технологий, стимулирующих увеличение доли умственного, интеллектуального труда, стремление к получению высшего образования, рост значимости интеллектуальных профессий. Этот вопрос справедливо считается одним из центральных для всего постсоветского развития России, в том числе и у нас в Забайкальском крае, поскольку интеллигенция в экономических, социальных и политических процессах во многом определяет результаты тех глубоких социальных перемен, которые переживает российское общество.

В истории российской культуры понятие «интеллигенция» несколько шире, чем в культуре Западной Европы.

На Западе более популярен термин «интеллектуаль» (intellectuals), которым обозначают людей, профессионально занимающихся интеллектуальной (умственной) деятельностью, не претендуя, как правило, на роль носителей «высших идеалов». Основой для выделения такой группы является разделение труда между работниками умственной и физической сферы.

В России же, напротив, понятия «специалист» и «интеллигент» были тождественными, но в то же время не равными. Под интеллигентностью понимается состояние души, его духовно-нравственная основа, интеллектуальный труд. Под специальностью же понимается основной род занятий, трудовой, умственной деятельности. В истории философии на рубеже 19-20 вв. главными признаками российского интеллигента принято считать выступающие черты социального мессианства: озабоченность судьбами своего отечества (гражданская ответственность); стремление к

социальной критике, к борьбе с тем, что мешает национальному развитию (роль носителя общественной совести); способность нравственно сопереживать «униженным и оскорбленным» (чувство моральной сопричастности).

Примечательно, что в средние века это понятие имело теологический характер. Оно рассматривалось как Ум Божий, как высший надмировой Разум, в самом себе творящий многообразие мира и отличающий в этом многообразии самое ценное, приводящее его к самому себе. В таком смысле это понятие употребляется и Гегелем в «Философии права» — «Дух есть... интеллигенция».

Д.С. Мережковский, русский писатель и религиозный философ, развивая эту мысль, писал, что «сила русской интеллигенции — ... не в уме, а в сердце и совести. Сердце и совесть ее почти всегда на правом пути; ум часто блуждает» [7]. Благодаря этим ярко выраженным социально-этическим чертам российская интеллигенция стала примечательным феноменом, как в отечественной, так и в мировой истории. В.Даль в своем «Толковом словаре» так определял понятие «интеллигенция»: «Интеллигенция, в значении собирательном, разумная, образованная, умственно развитая часть жителей».[1]

Такую точку зрения к определению интеллигенции развивал и В.И. Ленин. Он рассматривал интеллигенцию, исходя из особенностей ее деятельности. Поскольку своеобразие этой деятельности проистекало из ее «интеллектуализма», интеллигенция интерпретировалась им как совокупность людей, занимающихся умственным трудом. [3]

В этом же значении можно прочесть использование слова в масонских кругах. В книге «Проблема авторства и теория стилей» В. В. Виноградов отмечает, что слово интеллигенция относится к числу слов, употреблявшихся в языке масонской литературы второй половины XVIII века;

«...часто встречается в рукописном наследии масона Шварца слово интеллигенция. Им обозначается здесь высшее состояние человека как умного существа, свободного от всякой грубой, телесной материи, бессмертного и неощутительно могущего влиять и действовать на все вещи. Позднее этим словом в общем значении — разумность, высшее сознание — воспользовался А. Галич в своей идеалистической философской концепции.[7]

Современный социолог Н.В. Латова интеллигентностью наделяет представителей социокультурной общности, которые своей профессиональной интеллектуальной деятельностью (наука, образование, искусство, право и т.д.) генерируют, воспроизводят и развивают культурные ценности, способствуя просвещению и прогрессу общества.

В настоящее время можно говорить о существовании двух чётких структурных элементах образа интеллигенции в общественном сознании. С одной стороны, это высокий уровень образования, моральная чистота, высокая нравственность, духовные ценности. С другой стороны, мы во всём видим антитезу — низкий уровень образования, сводившийся к минимуму знаний, отсутствие духовно-нравственных ценностей, отрицание вечных истин. Всё это сводится к такому понятию, как «гнилая интеллигенция». Оно имеет место быть, т.к. в постсоветское время в жизни нашего общества произошли радикальные преобразования, которые не были основаны на каких-либо моральных принципах и правилах. В итоге произошла подмена духовных ценностей на материальные, очевидным стало попираание добра, веры, любви, налицо пропаганда культа насилия, злобы и ненависти. В таких условиях современная интеллигенция вынуждена выживать и сохранять своё лицо.

Таким образом, моральный облик современной интеллигенции определить сложно. Существует множество факторов, влияющих на формирование характерных для неё черт, среди которых в особую группу выделяют духовно-нравственные.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В.И. Даль. М.: Из-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 736 с.
2. Кон И. С. Размышления об американской интеллигенции / И. Кон // Новый мир. — 1968. — № 1. — С. 173—197.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — Москва: Издательство политической литературы, 1970. — Т. 51. — С. 134-135.
4. Меметов В. С. Интеллигенция / В.С. Меметов, В. Н. Расторгуев // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 11.
5. Письмо Т. Н. Грановскому, в кн.: Звенья, сб. 1, М. — Л., 1932, С. 101;
6. Вехи. Из глубины. М.: Изд-во «Правда», 1991 г.
7. Уваров П.Б. Дети Хаоса: исторический феномен интеллигенции / П.Б. Уваров. М.: АИРО-XX, 2005. — 200 с.

© О.А. Полюшкевич
(Иркутск)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ

Граница — это предел, это рубеж. Для того, чтобы преодолеть границу, необходимо преступить за черту норм, морали, религии, закона, физики. (Большинство физических законов было открыто за гранью общепринятых норм и представлений. Переход за эти представления — каждый раз

развивал разнообразные стороны науки (данное явление характерно не только для физики, но и всего научного комплекса, знакомого человечеству). В этом и прослеживается онтологическая ценность граничащих между собой обществ, пространств, индивидуумов. Данные аспекты подчеркивались в исследованиях В. Тэрнера, М. Элиаде. В. Тэрнер полагал, что «новые социальные структуры и отношения могут возникнуть только на границе, на периферии старых структур, их становление происходит на изломе, в революции, при переходе через хаотическое состояние, когда меняются нормы и ценности, переворачиваются иерархии и формируются новые устойчивые системы» [1]. М. Элиаде подчеркивает, что в человеческом бытии есть внутренняя разделенность и «всегда так или иначе есть брешь между сакральным и профанным, и переход от одного к другому, а, именно, существование разрыва и перехода лежит в основе религиозной жизни» [2].

Социокультурная граница многогранна. Она может формироваться законом (определять легитимность тех или иных действий), моралью (определять «правильность» или «неправильность» поступков), социальными институтами (семьей, школой, определяющими нормы и правила развития), финансами (доступность, то есть открытость границ при наличии денег и ограниченность при их отсутствии), социальным положением человека или группы и т. д.

На границе определяется самосознание и идентификация народа. Граница – это зона общения, зона взаимодействия, с течением времени она автоматически стирается. Граница предполагает взаимодействие некоего ядра и определенного удаления от него. Тем самым, социокультурные границы формируют новое пространство для жизни.

Интеллигенция в обществе всегда занимает пограничное положение. В разных обществах – границы, определяющие критерии, качества, характеристики интеллигенции отличаются. И количество людей, входящих в эти границы – не одинаково. В толковом словаре Вл. Даля интеллигенция определяется как «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» [3].

Интеллигенция на Западе – это умные и образованные, но узконаправленные специалисты умственного труда. Это элита, вхождение в которую очень сложно. Она обладает не только интеллектуальным потенциалом, но и прочим социальным капиталом (социальным происхождением, принадлежностью к тому или иному кругу и т.д.).

Интеллигенция в России обладает размытой границей. Даже критерий умственного труда не попадает в определение российской интеллигенции. В нашей стране и дворник может быть интеллигентом, и ученый, и

музыкант, и таксист. На Западе такого в принципе не может быть. Наследием социализма является то, что произошел переход интеллигенции с сакрального уровня в профанический. Благодаря советскому прошлому (всеобщему среднему образованию — достаточно качественному, чтобы соперничать с западным средне-специальным, а по некоторым наукам и высшим образованием; очень высокой подготовке специалистов высшей школы; широкому кругозору и эрудированности) — большое количество людей стало обладать множеством черт западной интеллигенции. То есть, интеллигенция в России качественно изменилась на общемировом уровне.

Для России проблема состоит в том, что обществу не нужно столько образованных и умных людей — иначе произойдет либо революция, либо выделение новой уже общемировой интеллектуальной элиты. Люди, обладающие знаниями, — имеют возможности для формирования социального протеста или социальной дифференциации. Если в западном обществе человек, обладающий некими знаниями, в определенной сфере востребован, то в российском — обладание знаниями не является показателем востребованности.

Страны СНГ в большинстве своем потеряли большую часть интеллигенции в период эмиграции русского населения, отсутствия качественного образования, высококвалифицированных специалистов на производстве. Отдельные представители интеллигенции не могут заменить целой социальной прослойки, благодаря которой в Советском Союзе строилась база взаимодействия всех социальных групп.

Если говорить о социально-философском осмыслении интеллигенции, то у этой страты определяются две основные функции. Первая — выработка идеологии, то есть, направления развития общества, выработки и интерпретации норм культуры, создания социальных технологий и инфраструктуры; благодаря им распространяются среди масс выработанные идеологемы, навыки, ценности и прочее. Вторая, непосредственное направление и коррекция жизни социума. В здоровом обществе такое руководство осуществляется согласно вырабатываемым идеологемам, а обе социальные функции выполняет один и тот же круг людей.

Если происходит нарушение одной из ключевых функций интеллигенции, то общественное единство, общая направленность теряет четкий ориентир, и мы наблюдаем раскол между властью и интеллигенцией. На первых порах власть еще пользуется выработанными интеллигенцией идеологемами, в последующем они становятся не пересекаемыми в обществе институтами и их социальные функции расходятся. Свидетельством тому, исследования 2012 года проведенные Левада-Центром относи-

тельно роли интеллигенции в общественном развитии [4], где показано, что место и роль интеллигенции в общественном сознании все более отдаляется от власти, все меньше приписывает общество ответственности интеллигенции за социальное и культурное развитие страны.

Сегодня происходит очередной этап трансформации интеллигенции, так как происходит социокультурное изменение – расширяется роль и место виртуального пространства в жизни общества. Если ранее, границы задаваемые полом, возрастом, родом деятельности, социальным происхождением определяли формы самопрезентации человека, то сегодня они отходят на второй план. И тем самым, интеллигенция очередной раз расширяет свой ареал. Она активно пополняется новыми группами молодых людей из разных социальных групп, которые сегодня определяют ее «лицо», ее формы и тенденции развития.

К тому же, происходит смещение социально-временной траектории развития общества. В XX веке, чем старше становился человек, тем выше пост мог занять, сегодня к руководству все чаще приходят те, кто в два, а то и в три раза младше тех, кто управлял еще 30 лет назад. Это связано с увеличением частоты смены технологий, умения или неумения их освоить, так чем старше человек, тем менее он склонен к освоению нового.

Эта тенденция характерна для общества в целом. Интеллигенция в этой ситуации занимает совершенно особую роль. Те, кого по-настоящему можно отнести к интеллигенции – хотят и, главное, могут адаптироваться в новых условиях. Например, в 1990-е годы, благодаря интеллигенции возникали с нуля целые сферы производства, целые отрасли, которых в советское время не было – реклама, маркетинг, PR. Те же, кто начинает «жаловаться на жизнь», говорить, что «это недостойно меня» – носит лишь ярлык интеллигенции и априори ей являться не может. Интеллигенция без работы опасна, так как может создавать лженауки, течения, притязания опасные для общества.

При частой смене технологий, люди, обладающие высоким потенциалом адаптации (те, кого мы отнесли к настоящей интеллигенции) легче встраиваются в новые условия, чем те, кто к ней не относится. В России, количество людей освоивших в той или иной степени компьютер в 3-4 раза выше, чем на Западе. У нас выше ресурс адаптации за счет хорошего базового образования.

Можно заключить, что в XXI веке интеллигенцию можно будет выделять на основе интеллекта, образования и общего коммуникационного взаимодействия со средой.

Интеллигенция – это «подушка безопасности» общества. Ум, честь и совесть эпохи. Но если честь и совесть сегодня нивелированы, остается только ум – как основополагающая черта интеллигенции. Таким образом, современный интеллигент – это «новый интеллектуал», «праведный человек», «социокультурный человек». Ответ не может быть однозначен. Интеллигент будет иметь «свое лицо» в Европе и США и совсем другой вид в России или странах СНГ в силу особого опыта понимания социально-политических событий, происходящих в стране, и умения к ним адаптироваться.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Тэрнер В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. – М.: Наука, 1983. – 280 с.
2. Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. / М. Элиаде. – М.: Академический Проект, 2000. – 251 с.
3. Даль В. Толковый словарь В 4 т. – Т2. / В. Даль. – М.: Терра, 1995 – С. 46.
4. Российская интеллигенция / Левада-Центр [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/16-04-2012/rossiiskaya-intelligentsiya> (дата доступа 27.04.2012).

© Д. Ц. Будаева
(Улан-Удэ)

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ ПОНЯТИЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» И «БУРЯТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»

Знакомство с отечественной литературой, посвященной анализу различных аспектов бурятской национальной интеллигенции, показывает, что среди исследователей нет какого-то общепринятого научного определения понятия «бурятская национальная интеллигенция». Одни (а их в принципе подавляющее большинство) к бурятской национальной интеллигенции относят лиц, получивших специальное образование, в первую очередь высшее. Поэтому выделяют художественную, техническую, научную, учительскую и т.д. интеллигенцию. Другие, как отметил В.Ц. Найдаков, «в качестве обязательного признака интеллигенции подчеркивают критическое отношение к действительности, ведущее к ее непримиримой оппозиционности любой власти» [1]. Третьи к бурятской национальной интеллигенции относят носителей народного самосознания, идей этноса, то есть духа народа [2]. Не будет большим преувеличением сказать «сколько авторов – столько мнений, причем с довольно широким разбросом смыслов». Поэтому возникла необходимость в уточнении понятия «бурятская национальная интеллигенция», что, в свою очередь, невозможно без уточнения понятия «интеллигенция» вообще.

При самой общей классификации методологических подходов, применяемых при определении понятия «интеллигенция», обнаруживаются социально-экономический и философско-аналитический подходы. Сторонники социально-экономического подхода в качестве интеллигенции рассматривали и продолжают рассматривать наиболее образованный и интеллектуально развитый социальный слой общества, члены которого (слоя) функционально заняты сложным умственным трудом и обладают общепризнанными развитыми культурно-нравственными качествами [3]. В рамках данного подхода интеллигенция выделяется на основе двух важных принципов.

Во-первых, на принципах общественного разделения труда. Ученые, базируясь на принципах общественного разделения труда, утверждают, что интеллигенция занимает особую нишу – нишу умственного труда. По вопросу об определении места интеллигенции в общественном разделении труда не возникает каких-либо разногласий и, следовательно, данный принцип выделения интеллигенции относится к числу объективных и потому сухих научных принципов.

Во-вторых, на принципах стратификации общества по социально-классовому статусу. Ученые, занимающиеся проблемами стратификации общества по социально-классовому статусу, отмечают, «интеллигенция – не класс, характеризуется иными признаками. В то же время, входя в состав классовой структуры общества и будучи генетически и функционально связанной с классами, интеллигенция относится к числу так называемых классоподобных социальных групп. Вследствие этого интеллигенция – не пресловутая «прослойка» между классами, обслуживающая их, как некогда характеризовали ее ортодоксы догматизированного марксизма. Это специфически классоподобная социальная группа (слой), занимающая самостоятельное, притом весьма важное место в обществе...»[4].

По нашему мнению, социально-экономическая трактовка интеллигенции при всей своей обоснованности не лишена некоторых погрешностей. А именно, здесь отсутствует достаточно четкое определение понятия «культурно-нравственные качества».

Недостаточная обоснованность понятия «культурно-нравственные качества» привела к тому, что к интеллигенции стали относить большую социальную группу трудящихся, профессионально занятую умственным трудом высокой квалификации, требующим, как правило, для своего выполнения среднего специального и высшего образования. Как видим, важным признаком культурно-нравственного качества признается уровень профессионального образования (Как нам представляется, использование при определении «интеллигенции» критерия образования имеет

следующий политический подтекст. А именно, идеологи советского государства, утверждая, что в связи с развитием высшего и среднего образования, основанного, как правило, на русскоязычной письменности, расширился социальный слой трудящихся всех национальностей, профессионально занятых умственным трудом высокой квалификации, стремились обосновать преимущества политики, направленной на унификацию и стандартизацию сферы образования, начатой на территории СССР в эпоху культурной революции 30-х гг. XX в.). Однако среднее специальное и высшее образование, предоставляющее право на профессиональную деятельность, создает условия как для профессиональной занятости личности, так и для зарабатывания денег. Если профессиональную занятость личности и обеспечение человеком денежным доходом свою семью (умение людей зарабатывать денег если и относится к культурным характеристикам общества, то здесь в основном присутствует не морально-нравственный, а скорее утилитарный и прагматический смысл, связанный с материальным благополучием) можно отнести к умению самореализации личности – одной из составляющих культурного качества личности, то вряд ли удастся их отнести к морально-нравственным индикаторам. Между тем именно морально-нравственные индикаторы, отражающие состояние духа общества и души человека, служат реальным фундаментом отпочкования интеллигенции.

Следовательно, при выделении интеллигенции критерий образованности не играет принципиальную роль, а имеет формальное значение. Подобная точка зрения была обоснована Э.Д. Дагбаевым еще в 1999 году [5].

Не секрет то, что в России в течение длительного времени утверждались и доминировали лишь те культурно-нравственные ценности, которые соответствовали идеологическим постулатам страны. Поэтому, не находили поддержку и иные мнения как не соответствующие официальной политике страны. И многие аналитики, занимающиеся проблемами интеллигенции, вынуждены были питать своими идеями власть, рекрутировать из своих рядов номенклатуру и бюрократию. Они тем самым осуществляли хождение во власть. Хождение интеллигенции во власть чревато тем, что она теряет свои сущностные черты и у нее уже не «болит душа» за действия, а порою за бесцеремонность власти по отношению к своему народу.

Наряду с этими ходами, ориентированными на советскую власть, встречались люди, занятые поисками истинной сущности интеллигенции, проявляющие заботу о судьбе страны и народа. Не секрет то, что детищем именно той части общества, которая была ориентирована на изменение устройства государства, была осуществлена демократическая пере-

стройка современной России. Мы не одиноки в такой постановке вопроса. Так, по мнению В.М. Межуева, «интеллигенция в России была и остается главной социальной базой и опорой демократии. Ее представление о смысле и основных целях демократии, о ее подлинных масштабах будет меняться и углубляться, но именно она всегда будет стимулировать дальнейшее развитие демократического процесса, которому, как и всему на свете, нет окончательного и последнего предела»[6].

В этой связи следует отметить, что попытка перевода России на рельсы демократического развития была предпринята русской интеллигенцией еще в начале XX в. Ведь общеизвестно то, что и Октябрьская революция 1917 г. была детищем русской интеллигенции, поддерживавшей сокровенные чаяния, дух народа, направленные на свободу. «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию», — призывал великий русский писатель А.Блок.

Однако реальностью стал быстро укрепившийся в Советской России бюрократически-тоталитарный режим, постулирующий диктатуру пролетариата. В этих условиях духовные вдохновители Октябрьской либо эмигрировали, либо были уничтожены, либо превратились в так называемую «новую бюрократию», т.е. в слой социально-политического субъекта действия, адаптированного к установкам диктатуры пролетариата. Трагедийность судьбы русской интеллигенции первой половины XX в. приводит, с одной стороны, к выводу об ее исторической обреченности. С другой же стороны, примеры кардинальных изменений устройства страны, осуществленных в начале и конце XX в. при непосредственном участии интеллигенции, служат свидетельством цикличности ее исторической миссии.

Вопросы о судьбе русской интеллигенции, а также о цикличности ее исторической миссии стали ареной острых дискуссий, приобретших особую актуальность в первые годы постсоветской трансформации России. Эти проблемы интересуют широкие слои общества, но чаще других они привлекают внимание общественно-политических деятелей, опирающихся на философско-аналитический подход.

Представители философско-аналитического подхода при уяснении природы и сущности интеллигенции основное внимание уделяют смыслам их поисков и мечтаний. А социально-экономические принципы выделения интеллигенции хотя и присутствуют, но являются как бы дополнительными. Поэтому, определяя стержневую характеристику интеллигенции, они указывают, что интеллигент — это тот, «кто блюдет интересы общечеловеческого благоденствия»[7].

Сторонники данной концепции пытаются выяснить историческую миссию интеллигенции, ее роль в творческом познании истины, справедливости и свободы духа. При этом исходят из того, что «без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация»[8], что невозможно служить истине, идеалу, не достигнув внутреннего освобождения, не переживая эстетику свободы духа, раскрепощенность творящей гуманистической силы. Поэтому «творчество» понимают по Н.А. Бердяеву; как «творческий акт», в котором всегда есть освобождение и преодоление. В нем есть переживание силы»[9]. Н.А. Бердяев особый акцент ставит на важности творческого стремления к гуманистической справедливости, творческого поиска смысла бытия, обретения духа свободы, служения сверхличностной цели[10].

Как видим, сторонники философско-аналитического подхода рассматривают интеллигентность как творческую свободу духа и поступка ради справедливости и благоденствия. По существу творческая свобода духа и поступка ради справедливости и благоденствия является мировоззрением той или иной исторической эпохи, но взятое во всей полноте его духовно-практической природы. Таким образом, главным методологическим инструментом философско-аналитического вычленения и познания феномена интеллигенции является мировоззренческий фактор: мировоззренческие взгляды и мировоззренческий поступок.

Если же творческая свобода духа и поступка ради справедливости и благоденствия является мировоззрением той или иной социальной группы, в данном случае представителей этноса, то уместно, на наш взгляд, говорить о национальной интеллигенции. Отсюда национальный интеллигент – есть творец и носитель мировоззрения, соответствующего духу свободы народа, справедливости, благоденствия.

Поскольку каждый народ имеет свою историю, свое самосознание, свое понимание творческого стремления к гуманистической справедливости, творческого поиска смысла бытия, обретения духа свободы, постольку каждому народу присуще свое этническое «Мы».

В условиях многонационального государства этническое «Мы» предполагает отношение двух равных сторон: «Мы» и «Они», в которых возможна реализация участия и соучастия. Коррелятивность, соотношенность этнического «Мы» с «Они» предполагает не только поступок по отношению к другим этносам, но и способность воспринимать действие других народов по отношению к этническому «Мы».

Коррелятивность, соотношенность этнического «Мы» с «Они» является способом или формой гуманизации и гармонизации межэтнических отношений. Основным субъектом гуманизации и гармонизации межэт-

нических отношений является национальная интеллигенция, реализующая ответственный поступок для достижения справедливости, всеобщего блага, в том числе для сохранения и развития самого этноса. Именно в этом смысле национальную интеллигенцию можно определить как носителей свободы духа и поступка, направленных на общечеловеческое благоденствие.

Иными словами, коль скоро общечеловеческое благоденствие невозможно без сохранения и развития этнической палитры мира, то целесообразной и созидательной деятельностью национальной интеллигенции является творение ради сохранения и развития самого этноса.

Исходя из сказанного, бурятскую интеллигенцию можно определить как носителя принципа сохранения и развития своего этноса, усвоившее в то же время принцип равновесного и гармоничного сосуществования всех этнических групп. Интеллигентность бурятской интеллигенции проявляется не только там, где происходит напряженное искание путей и способов сохранения и развития самого этноса, но и там, где прилагаются реальные усилия для их (путей и способов) реализации. Значит бурятский интеллигент, скорее всего, не тот субъект, который занят духовным производством вообще, а скорее – субъект, который производит и воспроизводит систему ценностей, обеспечивающую сохранение и развитие своего этноса как элемента всего человечества; который прилагает свои усилия, направленные на внедрение в жизнь системы ценностей, обеспечивающих сохранение и развитие своего этноса, как представителя человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Найдаков В.Ц. О сущности и истории интеллигенции // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. Улан-Удэ, 1994. С.4
2. Урбанаева И.С. Духовность как проблема интеллигенции или о путях внутреннего Будды // Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность. Улан-Удэ, 1994. С. 34-40.
3. Осинский И.И. Интеллигенция: национальные и региональные проблемы // Интеллигенция в современном обществе: национальный и региональный аспекты, Улан-Удэ, 1997. Часть 1. - С.3.
4. Затеев В.И. Интеллигенция в системе национальных отношений // Интеллигенция в современном обществе: национальный и региональный аспекты, Улан-Удэ, 1997. Часть 1. - С.36-37.
5. Дагбаев Э.Д. Политика, интеллигенция и пресса // Актуальные проблемы истории интеллигенции Бурятии. Улан-Удэ, 1999.-С.150.
6. Межуев В.М. Культурная миссия интеллигенции // Интеллигенция в современном обществе: национальный и региональный аспекты, Улан-Удэ, 1997. Часть 1 - С. 25-26.

7. Лосев А.Ф. Дерзание духа. М., 1988. С.315.
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. СПб., 1988. Т.10. С.49.
9. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. -С.255.
10. Бердяев Н.А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // Новый мир. 1990. -№1. -С.230.

© М. Ю. Аграфонов
(Иркутск)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Существует ряд причин, которые, вероятно, привели к тому, что в российском обществе во второй половине XIX в. сложилось представление о существующей в социальной жизни особой «прослойке» людей, которая получила название интеллигенция.

В основе одной из причин появления интеллигенции в России в качестве всеобъемлющего понятия было своеобразное восприятие российскими интеллектуалами собственной функции в процессе общественно-исторического развития. Этот тип восприятия, однако, как нам думается, не был «исконно русским», а явился своеобразным «заимствованием» с Запада. Его описание характерно своеобразным разделением общества на интеллектуальную элиту (интеллигенцию), власть и народ, что было характерно для отечественных исследователей как дореволюционного, так и советского периода, так и для некоторых западных учёных (Фуко М.). Например, говоря об интеллектуалах, М. Фуко фактически говорил об интеллектуальной элите, формально не принадлежавшей к «машине власти».

Следующая причина может быть сформулирована так – отсутствие личностной концепции в российском обществе на протяжении длительного периода его развития, не говоря уже о концепции «правовой личности», к разработкам которой обратились лишь в конце XIX в.

Анализ традиционных определений интеллигенции позволяет говорить об их надындивидуальном характере, за которым скрывается идеологизированный символизм высказываний, где нет места личности, растворённой в потоке сознания говорящего.

Говоря об исследовании феномена социальных сверхколлективных институтов – образований как безличных, абстрактных субъектов социальных отношений и действий, замещающих в этой роли человека, делающих его своей персонификацией, своим орудием, подчиняющих его себе, а в ряде случаев и всецело порабащивающих его, мы можем обратиться и к феномену интеллигенции.

Корни этого явления прячутся в глубинах русской истории. В России никогда не было той системы индивидуализма и собственности, которая характерна для западной цивилизации, где идея личности была заложена в фаустовском покаянии.

На протяжении всей российской истории имел место деспотизм власти и преобладания общинного начала над индивидуальным. Это создавало не только своеобразный психологический настрой, но и определенный образ мыслей, выразившийся в поступке, связанном с самоограничением.

В итоге сам интеллигент (интеллектуал) оказался частично отчужденным от своей ментальной независимости (в философском смысле): его разум, действия, помыслы стали принадлежать безличному социальному субъекту. Поэтому ещё одной причиной возникновения интеллигенции можно назвать особенности российского менталитета и дискурса.

Традиционная цивилизация характеризуется стремлением личности раствориться в целом, внекоторой слаборефлексирующей соборности, тогда как либеральная цивилизация выдвигает как главную ценность развитие личности, ее свободу.

Способность российской ментальности создавать абстрактные понятия на основе склонности к чувствам, нежели к рациональному объяснению действительности проявлялось в том, что надындивидуальное начало превалировало над единичным субъектом.

В рамках русского дискурса «истинность» российской интеллигенции заключалась в постулировании ее особого существования. Долгое время не было понимания того, что интеллигенция лежит не только в границах рационального рефлексивного акта. Отсутствие рефлексии в русском дискурсе, возможно, связано с тем, что в обществе никогда не было стабильности, принадлежавшей «высокоорганизованному западному индивиду», что создавало возможность для мифотворчества интеллектуальной элиты.

Философия XIX века, получившая развитие в России, дает нам примеры обращения к сверхличностным началам, способным объединить людей. Эти искания получили свое выражение в начале в идее Софии, Соборности, а позже – в философии всеединства.

Можно высказать мысль о том, что идея российской интеллигенции по своей сути имеет как минимум квазирелигиозную основу, вытекающую из особенностей русского религиозного чувства и философских исканий.

Вероятно, интеллигенция есть некий, в том числе и религиозный символ, в который было вложено духовное значение, даже функции провидения, что было обусловлено, в том числе и развитием отечественной философской и общественной мысли. Российская интеллигенция берет свои истоки в христианской философии, в мифе, но мифе не только религиозном, но и общественно-политическом.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛИГИБЕЛЬНАЯ ИСТИНА

Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (проект № МК-2493.2011.6 «Онтология веры: личностные и социокультурные механизмы преемственности ценностей»).

Как известно, социальное значение интеллигенции тесно переплетается с функциональным значением латинского слова *intellect*: интеллигенция понимается как общественная группа людей, являющихся носителями разума (интеллекта). Критический способ мышления, высокая степень рефлексии, способность к систематизации знаний и опыта – во все времена эти качества отличали представителей интеллигенции, среди которых обязательно были и философы. Традиционно в философии познание осуществлялось на основе разума, который всегда исполнял роль инструмента познания, однако позволим себе утверждать, что исторически разум выполнял различные функции и потому предполагал различные понимания истины. Так, уникальность и своеобразие разума *logos* и разума *ratio* раскрывалась многими исследователями и в различных аспектах [См.: 1, С. 10-26], однако обобщенного сведения и сопоставления известных типов разума в контексте ценностного подхода до сих пор не встречалось. Раскроем функциональные особенности различных типов разума.

Будет правильным рассмотреть разум *буддхи* в контексте двух различных философских концепций Древней Индии: ведической и буддийской. Ведическая философия рассматривает разум в качестве основного инструмента личностного становления, вершиной которого является интеллигенция – носители брахманической культуры. Человеческая форма жизни реализуется на платформе разума: исполнение религиозного долга (*дхарма*), экономическое развитие (*артха*), достижение желаемого (*кама*) и освобождение от всевозможных типов рабства (*мокиша*) всякий раз предполагают обучение, а потому и активное использование разума. Однако брахмана можно узнать по его природным качествам, проявляющимся в его деятельности: умиротворенность, самообладание, аскетичность, чистота, терпение, честность, знание, мудрость и религиозность. Одухотворенный интеллект брахмана в большей степени способствует тому, чтобы его почитали в качестве интеллектуальной элиты общества.

Объектом *буддхи* является Абсолютная истина в одном из трех аспектов: личностный (*Бхагаван*), локализованный (*Параматма*) и безличный

(*Брахман*). Уже в те времена брахманическим минимумом был *Брахман*, который, согласно Упанишадам, представляет собой безличный Абсолют, невыразимый в каких-либо позитивных характеристиках (бес-конечный, не-изменный и т. п.), но постигаемый в процессе философских рассуждений. Иные формы интеллигибельной истины достигались в процессе более высокой степени одухотворения разума. Например, буддхи-йога в «Бхагавад-Гите» описывается как метод достижения истины под руководством реализованной личности. Выступая в качестве опытного учителя, такая личность использует наклонности ученика для того, чтобы у него возникло желание освободиться от материальной обусловленности и достичь высшего совершенства – *бхакти* (любви преданности Кришне). Так, Кришна говорит Арджуне: «Тех, кто постоянно служит Мне с любовью и преданностью, Я наделяю разумом, который помогает им прийти ко Мне» [2, 496]. Разум буддхи в этом случае выполняет функции центра самоконтроля и координации личности, концентрируя весь личностный потенциал на достижении единственной цели. Особенностью такого типа разума является такая высокая степень его одухотворенности, которая позволяет осознавать личностную форму Абсолютной истины.

Буддийская философия также рассматривает разум как фундамент освобождения из материального плена и достижения Нирваны. Однако, освобождение и Нирвана являются «отрицательными» категориями в том смысле, что они предполагают устремленность только как отрицание материального рабства (санскр. *мокша* – освобождение от иллюзий ума, т. е. уничтожение всевозможных желаний) и отрицание причин страданий (санскр. *нирвана* – «угасание клеш», т. е. угасание причин страданий). Подобного рода «отрицательная» характеристика предмета познания в древней философии Индии, Китая и Греции основательно разработана Д. Л. Родзинским [3]. По мнению исследователя, предметом познания в древней философии является только «Небытие» как «ничто», характеризующееся как вечная, благая, бесконечная и единая «пустота», «бесформенность», «неизменность». Ф. Ницше также подчеркивал безличность как фундаментальный принцип разумного буддизма, отмечая следующее: усиленная духовная жизнь и слушком долгое пребывание в области понятий и логических процедур ведут к тому, что инстинкт личности, ко вреду для себя, уступает место «безличному» [4, С. 551]. Подытоживая характеристику разума и его предмета в древнеиндийской философии, процитируем характеристику интеллигенции Х. Ортегой-и-Гассетом: «Человек осознает себя как малую несовершенную часть иной реальности – полной и подлинной, – реальности божественного. Для каждого, кто

живет с подобным умонастроением, существовать — значит постоянно приводить собственное несовершенное бытие к божественной сверхреальности, которая и есть истинная реальность. Такой человек живет не сам по себе, он живет, исходя из Бога и своего отношения к Богу» [5, С. 328].

В категориях китайской философии разум определяется как «чжи». А. И. Кобзев отмечает, что «чжи — это категория китайской философии, выражающая два оценочно расходящихся смысловых ряда: 1) разумность, ум, интеллект, мудрость; 2) изобретательность, хитроумие, стратегия» [6, С. 572-577]. Ясно, что среди отличительных черт носителей такого типа интеллигенции можно выделить не только склонность к познанию, но и стремление к целесообразности, сознательности в действиях, богатый практический опыт, воплощенный в понятиях «ведение» и «самореализация» [См.: 7, С. 20-28].

В истории философии категория *чжи* интерпретировалась по-разному. Так, в философии даосизма *чжи* синонимично «недеянию» и предполагает отсутствие произвольной деятельности, несогласной с мировым порядком. Конфуцианство понимает *чжи* как должную справедливость в обращении с народом и почтительно-осторожную удаленность от невидимых безличных природных сил. Такой разум — это понимание сущности вещей, являющееся не только осмыслением, результирующим размышление, исследование и систематизацию, но и соединением полученного смысла с дошедшими из прошлого знаниями.

Отметим также, что разум *чжи* тесно связан с категорией *синь*. Так, если А. Г. Юркевич, понимая категорию *синь* как «сердце/разум», «сердце/сознание», тесно связывает ее с познанием собственной природы — *син*, а через нее и Неба (*тянь*), т. е. собственно природы, то А. И. Кобзев, понимая категорию *синь* как совмещение идей субъективной уверенности и объективной достоверности, связывает ее с ощущением доверия, но и с внушением доверия [6, С. 390-393]. По мнению последнего, «в отличие от западных аналогов категории «знание/разум» (*чжи*), с одной стороны, и «вера/благонадежность» (*синь*) — с другой, в традиционной китайской философии находились во взаимной корреляции, но не составляли антиномии, более того, семантически пересекались в типичном для китайского менталитета объединении субъективного и объективного, теоретического и практического аспектов своей семантики, поскольку критерием достоверности и знания, и веры считалась воплощенность в разумных делах и благонадежных поступках» [7, С. 37]. В принципе это подтверждает, что разум *чжи* в китайской философии во многом синонимичен вере *синь*, свидетельствуя о его одухотворенности. Предметом такого разума является *Дао*, *Небо* и *Великий Предел*, в свете которых природа, челове-

ческие отношения и жизненный путь в целом одухотворены, хотя и не предполагают какого бы то ни было противопоставления или разграничения духовного и материального, социального и природного.

Дао обязательно предполагает возможность познания разумом *чжи*: А. И. Кобзев отмечает, что в каком бы аспекте мы не рассматривали частные проявления этой категории, в итоге единое, недифференцированное *дао* должно быть познано [6, С. 221]. Небо открывает перспективу личного бессмертия, также вполне доступную для разума *чжи*. Такое Небо рассматривается не как абстракция или идеальность, но как реальность этого мира, хотя и находящаяся над Землей и Человеком. Наибольшего внимания заслуживает безличность Неба, позволяющая толковать эту категорию и как природу, как естественность, как силу. В отношении категории «Великий Предел» нужно сказать, что хотя она и использовалась для акцентации на безмерности и непостижимости истоков мира, ее внешняя (первичная) смысловая оболочка указывает на познаваемость для разума обозначаемого ею предельного состояния бытия.

Таким образом, разум *чжи* для древнекитайской интеллигенции во многом сливается с верой *синь*, поскольку предметом такого разума является вполне познаваемая и одновременно как реальная, так и одухотворенная истина. Подчеркнем, что Дао, Небо и Великий Предел доступны для одухотворенного разума *чжи*, но в отличие от предмета познания трансцендирующего разума *буддхи* в большей степени принадлежат этому миру. Такая трансформация интеллигибельной истины не могла не отразиться на качествах, ценностях и целях представителей интеллигенции.

Древнегреческий разум *логос* интересен сам по себе, поскольку его трансформация со времен Гомера вплоть до времен Платона может быть рассмотрена как отдельный материал. Античность замыкает древний мир, начиная новую эру в истории разума и интеллигенции, поэтому анализ сущности разума *логос* целесообразнее начать с анализа его предмета, который на различных стадиях формирования античной мысли принимал форму Мифа, Космоса, Идеи и Единого.

Так, древнегреческая интеллигенция понимала под мифом не просто рассказ, но нечто живое, реальное, самостоятельное, что рассказывает само себя. Миф есть не что иное, как история современности души, история истины, история красоты. Миф – не сказка, не ложь, а личностное переживание окружающего мира как истинного. Так, например, рассмотрение мифа в тесной связи с живым символом позволило А. Ф. Лосеву определить его (миф) как «реально осуществленную бытийственную полноту той или другой личной судьбы», а имя в качестве «магически-мифического символа» [8, С. 111-112] или концентрированного мифа.

Каждое имя раскрывало древнему греку то или иной аспект окружающего его живого мира, лично рефлексирующего на обращение к нему конкретной личности. Логос древнегреческой интеллигенции в первую очередь направлен на самопознание: в этом случае слушание имен богов и эпоса уходит на второй план, уступая место такому познанию, которое одновременно будет и откровенностью находящейся внутри истины. Так максима Сократа «познай себя» становится визитной карточкой античной культуры, в которой микрокосм познает макрокосм уже не через слушание, но через проговаривание. Такое проговаривание с оформлением античной философии приобретает устойчивый спекулятивный характер, регулируемый принимающими различные формы традиционными требованиями социума к личности.

Современный человек не может мыслить мир конечным, однако такое понимание мира – результат абстрагирующего мышления, одной из категорий которого является бесконечность. Чувственно воспринимаемый мир, однако, не может быть бесконечным, что в некоторой степени указывает на теоретичность мировоззрения современного человека. У Гомера, напротив, *космос* конечен в пространстве и имеет конкретную форму, однако это не означает, что за пределами *космоса* – пустота. Не стоит забывать, что тело *космоса* Гомера – живое и разумное, хотя оно уже не выражает индивидуального сознания в отличие от *Дао* и *Брахмана*. Учитывая, что именно Пифагор впервые использовал понятие *космос* в теоретическом смысле, отметим: для пифагорейцев *космос* одушевлен, един, хотя и составлен из противоположностей предела и беспредельного. *Космос* в понимании Анаксагора вполне материален и телесен [См.: 9, С. 188; 293; 348]. Не углубляясь в тонкости категорий «идея» и «Единое», отметим, что даже утилитарная идеальность искусства, ремесла, науки, жизни, природы, уравнивающая эти понятия в сознании древнегреческого интеллигента, направлена на утверждение человека как наиболее индивидуального в космосе как наиболее общем.

В средневековой христианской философии разум неизбежно рассматривался в связи с верой, поскольку, как известно, философия выступала в качестве служанки богословия. Объектом познания становится *Бог*, непостижимый для разума интеллигенции и достижимый только посредством веры. Недостаток веры у интеллигенции компенсируется разумом *reason*, фундаментальность которого состоит в способности искать и находить причину всего в *Боге*. Нужно отметить, что понятие *Бога* в Средневековье во многом абстрагировано, что во многом отразилось на ценностном отношении, требующем оснований, обоснований, оправданий. «Условный *Бог*» – так характеризует Ф. Ницше ставшее «противоестественным»

и «извращенным» понятие, используемое жрецами-агитаторами в качестве средства манипуляции сознанием верующих. Реальность *Бога* в Средневековой Европе уже противопоставлялась той реальности, к которой относил себя всякий разумный человек. Как следствие этого «мораль не является уже более выражением условий, необходимых для жизни и роста народа, его глубочайшего инстинкта жизни, но, сделавшись абстрактною, становится противоположностью жизни» [4, С. 557]. С одной стороны, даже принятие аскетического образа жизни монаха, существование которого, казалось бы, целиком и полностью проходило в атмосфере церковности и набожной религиозности, не являлось гарантией разуму интеллигентного человека того, что он спасен и достиг *Бога*. С другой стороны, монах, священник, жрец становится единственной реальностью, подтверждающей верующему реальность существования *Бога*. В целом кризис средневековой рациональности ярко выразился в неспособности схоластической логики объяснить, каким образом из единичного и частного опыта могут выводиться строго всеобщие и безусловно необходимые истины [1, С. 15].

Эпоха Возрождения, хотя и является переходной, играет важную роль в ценностной трансформации разума. Как известно, гуманизация существенно повлияла на способ мышления интеллигенции, способствуя ее исследовательской ориентации и расширению границ творчества. Ценностной особенностью такого творчества можно считать не античное раскрытие истины как естественной красоты и гармонии, но стремление самостоятельно открывать истину и провозглашать ее как причастную человеку. Антропоцентризм эпохи Возрождения был основанием для ценностной трансформации разума и концентрации исследовательского интереса не только на автономности и субъективности мышления, но и на его спекулятивной способности. Более тысячи лет мышление было ограничено догматами Церкви, поэтому тенденция к раскрепощению разума и снятию его строго теистической направленности во многом способствовала рационализации, четко разделяющей *Бога* и интеллигентного человека.

Феномен новоевропейской философии предполагает существенное обновление в понимании разума. Р. Декарт характеризует разум как *рацио*: рациональность такого разума *рацио* в первую очередь проявляется в его расчетливости и иерархизации. В XX веке М. Хайдеггер в лекциях по Пармениду последовательно характеризует разум как *рацио*, подчеркивая его «римское» стремление к калькулированию и выгоды в отличие от «античного» стремления к смыслу и ценностям. Выделение в работе немецкого мыслителя «Отрешенность» двух типов мышления (рассчитывающего и осмысляющего) и их анализ составляют основу его понима-

ния интеллигенции. «Рассчитывание является отличительной чертой мышления, которое планирует и исследует. Такое мышление будет калькуляцией даже тогда, когда оно не оперирует цифрами и не пользуется калькулятором или компьютером. Рассчитывающее мышление калькулирует. Оно беспрерывно калькулирует новые, все более многообещающие и выгодные возможности. Вычисляющее мышление «загоняет» одну возможность за другой. Оно не может успокоиться и одуматься, прийти в себя. Вычисляющее мышление – это не осмысляющее мышление, оно не способно подумывать о смысле, царящем во всем, что есть» [10, С. 104].

Истина как философская категория в Новое время была превращена в чисто гносеологический феномен: так познание истины стало более самостоятельным и значимым, нежели сама истина с присущим ей бытием. Человека приучили понимать истину не только безлично и безбытийно, но и как некую абстрактную цель, которую никогда не достичь, сколько бы стараний не было приложено. Естественно, такой подход, соединенный с рационалистическим и потребительским настроением, привел к потере человеческого интереса к истине: истина стала делом избранных, далеких от жизни теоретиков, а вовсе не живой целью, воплощающей в себе то истинное бытие, которого может достичь в своей жизни каждый жаждущий человек. «Понятие истины в «русском ее разумении» – это «пребывающее существование»; – это – «живущее», «живое существо», «дышащее», т. е. владеющее существенным условием жизни и существования. Истина, как существо живое по преимуществу, – таково понятие о ней у русского народа», – писал П. А. Флоренский в своем труде «Столп и утверждение Истины» [11, С. 17]. Неудивительно, что истина для такого расчетливого разума «хищного гносеологического субъекта» [11, С. 74], в которого превратился интеллигент, приняла форму объективных законов природы, однако именно такой тип рациональности характеризуется сегодня в качестве классического.

Если в Новое время предметом абстрактного, теоретического, рационального мышления интеллигенции являлись объективные законы природы, то в новейшее время предметом уже специализированного мышления как квалификации владения информацией (*интеллект*) являются относительные законы искусственно создаваемых систем. Без сомнений ценностная трансформация разума интеллигенции (*буддхи, чжи, логос, ризон, рэцио, интеллект*) является основанием становления современной научно-технической цивилизации с расчетливо-потребительским отношением к природе и социуму. Однако еще более важен ответ на вопрос о том, кем (или чем?) является интеллигентный человек в этом искусственно созданном им мире: Творцом или тварью, Богом или все-таки рабом?

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность / Н. С. Автономова; отв. ред. В. А. Лекторский. – М.: Наука, 1988. – 287 с.
2. Прабхупада А. Ч. Бхактиведанта Свами Бхагавад-Гита как она есть / А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада; пер. с англ. – М.: ББТ, 1990. – 832 с.
3. Родзинский Д. Л. Небытие и бытие сознания в ранних формах индийской, китайской и греческой философии / Д. Л. Родзинский. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 280 с.
4. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинизм и пессимизм. Так говорил Заратустра. Казус Вагнер. Сумерки идолов, или Как философствуют молотком. Антихрист. Ессе Ното: Сб. / Ф. Ницше; пер. с нем. П. Глазовой, Г. Рачинского, Ю. Антоновского, Н. Полилова, В. Флёровой. – М.: Пушкинская библиотека; Аст, 2004. – 758 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп.; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – 2-е изд. – М.: Весь мир, 2000. – 704 с.
6. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Т. 1: Философия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Восточная литература, 2006. – 727 с.
7. Сравнительная философия: знание и вера в контексте диалога культур / Ин-т философии РАН. – М.: Восточная литература, 2008. – 342 с.
8. Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое само / А. Ф. Лосев; подг. текста и общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого; вступ. ст. А. Л. Доброхотова; комм. А. С. Яковлева. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. – 576 с.
9. Лосев А. Ф. История античной эстетики: Ранняя классика / А. Ф. Лосев; вступ. ст. А. А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2000. – 624 с.
10. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сб. / М. Хайдеггер; пер. с нем., под ред. А. Л. Доброхотова. – М.: Высш. шк., 1991. – 192 с.
11. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодемии / П. А. Флоренский. – М.: Правда, 1990. – Т. 1 (I). – 490 с.

© А. М. Кузнецова, А. Е. Кузнецов
(Улан-Удэ)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА

Мощный мультикультурный вызов в форме глобализационного импульса срезонировал во всех доменах социальной стратификации, в том числе ощутимо сказавшись на механизмах самонастройки отечественных лидеров духовного производства, пытающихся окропить смыслом свое существование в России и саму Россию.

Значимым признаком интеллигентного человека сегодня является активный бойкот «узурпаторов 2012» власти. Когда всякая их поддержка автоматически исключает человека из числа интеллигентов независимо от социального статуса или личного вклада в национальную культуру (С. Говорухин и Ко). Конечно, можно поспорить с Д. Лихачевым, утверждавшим, что «невозможно прикинуться интеллигентным», но в любом случае интеллигент всегда личность высокой степени внутреннего одиночества. Представить себе партию или движение интеллигенции практически невозможно. Настоящий интеллигент вряд ли признает вслух, что он интеллигент (это было бы слишком неинтеллигентно), но и не будет яростно отрешиваться от этого «статуса». Ведь интеллигенция, по Н. Бердяеву, часть человечества, в которой индивидуальная сторона человеческого духа победила групповую ограниченность.

Интеллигент не может быть угрозой никакой ответственной власти, поскольку властолюбие и желание сломать существующий строй силой в принципе не совместимо с интеллигентностью. Поэтому и формы протеста такие «наивные»: народные гуляния, беседы с писателями, уличные встречи с депутатами.

Есть ли у интеллигентов какая-то миссия в сегодняшней России? Ведь «добро должно быть с кулаками». Возможно, только одна: попытаться сохранить страну, понимая при этом, что кроме них это по большому счету никому не нужно, поэтому их не слушают, не слышат и не замечают. Участникам протестных акций требовать к себе уважения от власти привлекательно, но бесперспективно. Формулировать и выкрикивать проблемы, напоминать о смысле существования страны, рафинировать мораль в светском и политическом смыслах, сопротивляться насилию, ратовать за равенство закона для всех, за укрепление рамок свободы внешней и невмешательство государства во внутреннюю свободу граждан – вот приемлемая политическая программа для интеллигента. Да, можно прослыть смешным и инфантильным мечтателем. Но только инфантильные идеалы отчасти спасают нас от грязи и пошлости мира.

Согласимся – одним из центральных мотивов народа при выборе Путина на «пожизненное» правление в марте 2012 г. было восприятие его как национального лидера, радеющего за народ. Последний, в свою очередь, бессознательно, но страстно брезгует общения с представителями чуждого ему по сути менталитета, для которых способность понимать, ценить и учитывать больше того, что ему выгодно. По наблюдению П. Струве, идейной формой русской интеллигенции является её отщепенство, её отчуждение от государства и враждебность ему. А словарь Ушакова закрепляет: интеллигент – человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями.

Три основных социальных репрезентанта составляют каркас современного социума: «народ — новые мещане — интеллигенция». Из них рекрутируется как оплот, так и оппозиция власти. Где народ — простолюдины, «не носящие пиджаки»; интеллигенция — аристократы духа, «честь имеющие»; новые мещане — крайне полиморфная общность (без негативной коннотации), включающая представителей многих сословных групп, ставящих социальное благополучие на верхнюю ступеньку жизненной иерархии, в силу этого «социальная мимикрия» является ведущим способом общественной адаптации.

Последние интеллектуально ленивы, уверены, что смысл жизни заключается в удовольствиях и развлечениях, а работа является лишь средством к добыванию денег и славы. По мнению Ортега-и-Гассета, подобного «человека массы» характеризуют: «врожденная, глубокая уверенность в том, что жизнь легка, изобильна, в ней нет трагических ограничений», поэтому «заурядный человек проникнут ощущением победы и власти... ощущения эти побуждают его к самоутверждению, к полной удовлетворенности своим моральным и интеллектуальным багажом. Самодовольство это ведет к тому, что он не признает никакого авторитета, никого не слушается, не допускает критики своих мнений и ни с кем не считается». Пока с обывателем играешь в карты или закусываешь, то это мирный, благодушный и даже неглупый человек, но стоит заговорить с ним о чём-нибудь несъедобным, например, о политике или науке, как он становится в тупик и заводит такую философию, тупую и злую, что остаётся только рукой махнуть и отойти — замечал А. Чехов. Ортега-и-Гассет сравнивает такое поведение и образ мышления с поведением и мышлением «избалованного ребенка» или варвара, дикаря. Когда доминируют: индивидуализм; склонность к наживе, накопительству; примитивизм морали и этики; уверенность в абсолютной правильности своего образа жизни и системы ценностей и, соответственно, нетерпимость к иным жизненным целям и устремлениям. Мещанская аксиологическая рамка, не вмещающая высоких стремлений, сводящаяся к устройству собственного быта, жизнь без «штурма неба» и высоких целей, стали ещё одной точкой, отталкиваясь от которой калибруется интеллигенция.

Без «гнилой» интеллигенции всё остальное загнивает. Она есть духовная диаспора, сообщество «паразитов», вырабатывающих культуру, где три поколения отделяют наготу от гольфы. Хотя и у вырожденков бывает хорошая наследственность.

В свою очередь, у народа ненависть к интеллигенции выше корысти. Выразитель народных чаяний Л. Толстой сетовал, «мужик думает своим умом о том, о чём ему нужно думать, интеллигент же думает чужим умом и о том, о чём ему совсем не нужно думать».

Извечный парадокс – интеллигенция победившая хуже интеллигенции проигравшей. Ее путь заканчивается в тот самый момент, когда из культурной элиты она выкукливается в политический бомонд или, еще хуже, в истеблишмент. В России вожди уничтожали интеллигенцию физически, генсеки – морально, рынок – материально.

Интеллигенция должна быть голодной, «не у дел», ибо на «месте под солнцем» неизменно выплывает «кумач нации». Ее путь – инакомыслие, которое хорошо как оружие в борьбе за власть. Но когда власть завоевана, интеллигенцию надобно в тираж, ибо власть зиждется на единомыслии, а не инакомыслии. У культуры никогда не будет власти, а у власти – культуры.

«Нравственное чувство есть в сознании каждого, и поэтому нет ничего страшного, когда забывают бога. А где это нравственное чувство? Его у меня нет. Или говорят: «У каждого в глазах своя звезда». А вот у меня ни одной звезды, ни в одном глазу». После слов диссидентствующего интеллигента В. Ерофеева, кажется, миссия невыполнима...

© Л. Л. Антонова
(Иркутск)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РОССИИ: ИСЧЕЗАЮЩИЙ ФЕНОМЕН?

В опросах общественного мнения [1] россияне характеризуют интеллигенцию, как лиц, принадлежащих определенной профессии – «ученые, академики» (43,0%), «учителя» (34,0%), «писатели» (31,0%), «врачи» (29,0%), «артисты» (29,0%) и т. д.; как образованных (26,0%) и культурных (25,0%) людей; как людей, которые поступают по совести (24,0%). В настоящее время (апрель 2012г.), согласно данным Левада-центра, 70,0% россиян считают, что интеллигенция не оказывает большого влияния на то, что происходит в стране; половина (49,0%) респондентов говорит, что она практически исчезла в России [1]. Сам Ю.А.Левада предполагал, что «...интеллигенция утратила свою идентичность» еще во времена «реального социализма», занимая невысокие позиции на шкалах доходов и социального престижа [2; С.73-74].

Однако, чтобы судить об этом феномене, необходимо его раскрыть, поскольку, на наш взгляд, до настоящего времени он все еще остается спорным.

С одной стороны, именно интеллигенции (а не интеллектуальной элите) «нет места в структуре общества»: это не класс, не профессиональная группа, у нее нет социальной принадлежности [3; С. 122-142]. С другой стороны, интеллигенция «объединяется выбором жизненного пути» [4; С. 7-19].

С одной стороны, в понятии интеллигенции содержится ее социальная функция, ее роль «нести плоды образованности, культуры, просвещения, политического сознания *в народ*» [2; С. 72-73]. С другой стороны, интеллигенция может служить «только идее» [4; С.8-11], являясь «пророком и мучеником *истины*», ее «беспочвенность – это беспочвенность апостолов, бросивших дом и родных во имя истины, во имя Царства, которое «не от мира сего» [3; С. 122-142].

Сама себя интеллигенция кодирует в образе «избранного народа», но «быть интеллигентом, значит, быть признанным *другими* в качестве интеллигента» [3; С. 149]. Интеллигенты, как носители духовных ценностей, призваны играть ту же роль, какую в свое время играли *монахи*: они учат, морализируют, говорят о борьбе Добра и Зла, о Правде и Неправде, но при этом отказываются быть *православными*. Они посвящают свою жизнь «борьбе за *народное* освобождение» [5], начиная с декабристов 1825 г., но при этом придерживаются *космополитических* взглядов [4; С. 19].

«Само существование интеллигенции, – по мнению А. Зорина, – как социокультурного сообщества, было имплицировано заявленным властью способом рефлексии об основаниях *национально-государственного* бытия России» [6]. И именно *критическое* отношение и *оппозиционный* настрой интеллигенции к этой идее начинают продуцировать «специфические отношения в треугольнике – народ, власть, интеллигенция» [2; С. 73], ведущие к дистанцированию друг от друга этих трех сил. Оказалось, что интеллигенция по самой своей природе, в принципе, не может быть привлечена к государственной деятельности, вовлечена в бюрократическую машину. А это значит, что вместо «*государственности*», выражающей интересы господствующего класса, интеллигенции всегда присуща «*революционность*».

Интересно, что в опросах Левада-Центра (2008 г.) наибольшее число ответов на вопрос: «Какую роль должна играть интеллигенция в отношениях власти и народа?» – получила позиция «служить интересам *народа*, защищать его от притеснения властей» – 41,0% респондентов [7]. Однако уже в 2012 г. практически 57,0% респондентов были согласны с тем, что «интеллигенция должна служить *государственным интересам*» и в то же время «... должна способствовать тому, чтобы власть действовала под контролем общества...» – 51,0% респондентов [1]. Разорванность самосознания населения России прослеживается в таких опросах очень явно (интеллигенция должна служить власти и одновременно защищать народ от власти). Вопрос в том, обладает ли собственным самосознанием сама интеллигенция?

Сегодня существует значительное число разнородных каналов коммуникации для обмена мнениями в блогах, чатах, телепередачах, ток-шоу и

т.д. Однако, на наш взгляд, интеллигенции до сих пор не только не удается институционализировать собственные системы «культурных значений», но и стать органом сознания общественного организма.

Если попытаться синтезировать *положительные* моменты феномена «интеллигенция», то можно отметить тот факт, что интеллигенция — это специфическая «группа» людей, стремящихся изучить и сохранить все грани Целого, обеспечить его выживание. «Интеллигенция (лат. *intelligentia* — понимание, познавательная сила) — группа людей, профессионально занимающихся умственным сложным творческим трудом, способных «быстро находить решение в необычных обстоятельствах, правильно схватывать главное в положении вещей» [8; С. 182]. Интеллигенция раньше других осознает себя частью Целого, ставит перед собой задачу «... раскрыть во всех головах один ум. На единении умов зиждется все здание человечества; только в низших, мелких и чисто животных желаниях люди распадаются» [9; С. 90]. Появляясь в условиях господства частной собственности и отчуждения человека от своей сущности, интеллигенция начинает борьбу за «широту, глубину и яркость человеческого «я» [5], за всестороннее развитие личности.

На наш взгляд, сам феномен «интеллигенции» является своеобразной формой развития «человека» в «личность». Определение «человека» как совокупности всех общественных отношений включает в эту совокупность, все без *исключения* действия человека в окружающей его природе и действия, направленные друг на друга. Очаги нестабильности бытия человечества возникают в результате как незнания человеком наиболее общих фундаментальных законов природы (технический аспект), так и неспособности преодолеть тягу к присвоению и отчуждению, к обладанию средствами выживания за счет себе подобных (социальный аспект).

Личность же, постигая взаимосвязь всех явлений Мира и их единство, не может желать уничтожения их органических частей, («связывая», нивелируя лишь силы разрушения), поскольку в конечном итоге без них нарушится гармония Целого. На наш взгляд, интеллигент вступает на путь становления личности, осмысливая текущие и перспективные задачи общества, именно в нравственном ключе. Ведь личность стремится действовать в соответствии с законами естественноисторического развития (технический аспект), отдавая предпочтение тому интересу, который обеспечивает производство и воспроизводство человеческой жизни (социальный аспект). Личность должна развиваться до самосознания, до осознания своего места в Мире, связи с другими людьми, ставя во главу угла ответственность за себя и за других людей, привлекая других силой своего морального авторитета.

На наш взгляд, признаками «личности» должны быть: свобода — как постигнутая необходимость действовать в соответствии законами Природы, общества и мышления; равенство — как самоидентификация с другими людьми, ощущение себя органической частью земного бытия; интеграция — с Миром и другими людьми, сознательное подчинение собственной жизни удовлетворению истинно человеческой потребности — жизни для других людей, гармонии с Природой.

Современная интеллигенция, на наш взгляд, потому еще не может обладать самосознанием «личности», что вынуждена постоянно входить в отношения присвоения и отчуждения (собственность), стремясь элементарно выжить, играя по правилам условий, заданных нынешними реалиями. Исключения только подтверждают правило. Собственность же представляет собой противопоставление индивида (отдельного) — обществу (всеобщему, Целому). Здесь каждое отдельное — та или иная человеческая сила или способность, реализуемая посредством собственности, — служит моментом всеобщего. Общество в целом развивается за счет частного экономического интереса. Не Целое определяет часть, а части определяют Целое. Все формы общественной жизни принимают участие в этом *переворачивании*. Интеллигент сегодня не только в мыслях, в сознании, но и в действительности ведет *двойную жизнь*. Сфера, в которой он выступает как общественное существо, ставится ниже той сферы, в которой он выступает как частное существо. Он значим не как человек, а как собственник, потому что именно собственник считается теперь собственно человеком.

В этих условиях только человек, обладающий солидным капиталом и временем, способен проводить, обсуждать и публиковать серьезные исследования, имеющие значение для всех людей, но «интеллигент», как правило, сегодня не относится к числу состоятельных людей России. К тому же современная «государственническая» идеология сращивания до степени неразличимости государства и бизнеса, превращения самой государственной власти в бизнес-актив чиновников, преследует цели получения прибыли, а вовсе не общественное благо.

Подвергаясь подобному раздвоению, интеллигенция, с одной стороны, стремится быть наделенной «способностью возносить себя до Целого мнения страны» [10; С. 45], осознать роль Целого, без которого жизнь представляет собой, по выражению А. Швейцера, «патологическое нарушение высшего чувства ориентирования». С другой стороны, она должна удовлетворять свои био-потребности, поэтому при выборе из множества степеней свободы она выбирает ту, которая более всего отвечает требованиям данной ситуации. И... зачастую выбирает «рабство ситуации», собственность, часть. Значит, на наш взгляд, назвать современного интеллигента «личностью» — совершить некоторое «забегание вперед».

И, тем не менее, сегодня феномен «интеллигенции», на наш взгляд, не является лишь умозрительным конструктом, но явлением действительности.

Противоречие между интеллигенцией и интересами частного бизнеса и чиновничества всегда существовало. И чиновники, и олигархи ратуют за выживание части (себя самих), а не Целого, занимаясь в режиме «потемкинских деревень», например, «госкорпорациями» типа «Дальневосточной республики», на деле дробя Россию на метрополии и колонии, вывозя награбленное за ее рубежи, сея «разруху в головах» с помощью СМИ. И если раньше президент действовал под лозунгами «выравнивания условий конкуренции и «наведения порядка», предпринимая силовые атаки, «в ходе которых полномочия и собственность изымались у «нелояльных» представителей элиты, то есть способных и готовых участвовать в политической (публичной) конкуренции, и передавались «лояльным», то есть готовым отказаться от нее. Причем политический характер таких действий проявлялся в избирательном применении закона, но в то же время хозяйственно-экономический характер предъявляемых официально претензий позволял придать этой агрессии легистский дизайн, представить их как «торжество закона» [11; С. 11-12]. То в 2012 году Президент решился ввести прямое президентское правление на 60,0% территории России, минуя не только региональные, но и федеральные законы [11].

Скорее всего, в настоящее время интеллигенция России «проходит проверку»... на интеллигентность. Эта проверка делами может состоять в отстаивании и реализации интересов России в экономической, экологической, социальной, политической и идеологической сферах воспроизводства жизни россиян. Но такие действия в современных условиях интеллигенции совершать очень сложно, поскольку для полноценного участия в подобного рода делах, на наш взгляд, недостаточно одного только социального (нравственного) аспекта, нужен еще и технический (способность не только четко просчитывать, взвешивать, предлагать варианты, способствующие выживанию Целого, но и настаивать на определенном сценарии развития событий). Стало ли осознание этого технического момента элементом самосознания интеллигенции – пока не совсем ясно. Но «лучшие из лучших» уже приняли вызовы времени.

«В Новое время, – пишет С.Г. Кара-Мурза, – главные угрозы стали порождаться самим обществом – и создаваемой человеком техносферой, и конфликтами интересов между социальными и национальными общностями, и быстрыми сдвигами в массовом сознании или в коллективном бессознательном» [13; С. 292]. Возникла необходимость в новых объективных познавательных инструментах этого общества, следующих нормам научности. Потребовались не отдельные таланты интеллигентов, ранее

проявлявшиеся в русской классической литературе и философии, проникнутые сильным нравственным чувством, а система беспристрастного инженерного социального знания, социальные технологии изучения общества, основанные на знании научного типа. От интеллигенции теперь требуется «сплавление» технического и социального аспектов осмысления действительности. Но в самосознания самой интеллигенции эти требования, скорее всего, в полном объеме еще не стали актуальными.

Например, А. Колесников смело пишет: «Интеллигенция — это те, кто был на Болотной, Сахарова и Якиманке. И им сочувствующие. Интеллигенция выходит из кухонь, перестает быть смешной, неуклюжей и милой. И, главное, перестает быть «прослойкой» или услугой, требуя представительства» [14]. Однако В. Шляпентох ему возражает: «Болотная площадь и другие места протестные делали акцент на честных выборах. Но демократические процедуры, как мы видим, не очень-то беспокоят даже интеллигенцию, даже образованный класс общества. А что же говорить об основной массе населения?... Здесь дело коренится в глубинных проблемах российского общества: определенное равнодушие масс к демократическим процедурам, озабоченность масс их материальным положением и отсутствие какой-то внятной, понятной программы изменения общества, которую предъявило бы протестное меньшинство стране» [15].

Однако, на наш взгляд, если бы «интеллигенция» с Болотной и Якиманки сформировала программу, то она бы просто сплотилась в очередную политическую партию. А значит, стала бы стремиться вписаться в обойму государственной власти, бюрократии, к дележу портфелей, словом, потеряла бы свою социальную миссию — наделять общество «социальным зрением». Примерно этого же поначалу требовали от Иисуса Христа его сподвижники: стать царем и поделить между ними «министерские» должности. Однако сам Иисус надеялся, что будет править в царстве *иного типа*, незнакомого донные людям, в мире торжества абсолютной морали, когда законы обретут твердость и бескомпромиссность. И это время казалось Иисусу кратким накануне Царства Божия. Скорее всего, он считал, что наилучшим вариантом поведения в эту эпоху несправедливости является ее неприятие. Проповедуя «парадоксальную мораль» непротивления злу насилием, он демонстрировал утрату власти над ним «враждебной силой» и свою моральную победу [16; С. 129].

Сегодня же моральная победа интеллигенции должна быть, на наш взгляд, несколько иной: в нее нужно не только верить, но и научно доказать себе и другим ее объективную необходимость. Скорее всего, для интеллигента именно эта позиция должна становиться каждодневным «полем боя» за выживание народа. («Пускай наносит вред врагу не каждый воин,

но каждый в бой иди! А бой решит судьба...») [17; С. 119]. Врагом же здесь является косность, алчность, неграмотность, невежество, не претерпевшие значительных изменений практически со времен Христа.

Вероятно, именно поэтому интеллигенции и присуща позиция самообсложения, независимости, самостоятельности; из интеллигентов нельзя создать партию, поскольку каждый из них не согласится «поступиться принципами». Поэтому интеллигенция находится в постоянном процессе своего формирования, проходя только ей присущие исторические этапы и вехи своего становления. Сегодня она постепенно осознает встающие перед ней новые судьбоносные задачи – дать обществу объективную картину происходящих в нем процессов на новой методологической основе переплетения технологического и социального аспектов изучения объективной картины действительности. На наш взгляд, главное, чем должна обеспечить общество интеллигенция, – это знание об обществе, в котором мы живем, способы выживания и сохранения народа.

Кроме интеллигенции этого сделать никто не захочет (ставя во главу угла прибыль или «золотого тельца») и, скорее всего, никто не сможет.

Сегодня базовые институты общества – политические, судебные, публичные, культурные, образовательные – остаются не модернизированными, так что осуществлять свою роль инициаторов нового они фактически не могут. Социальной конструкции социума просто нет. Власть сосредоточилась на себе, население чувствует свою незащищенность и беспомощность. Нет признанных авторитетов, публичных элит, идей, образцов и оценок. Взаимодействовать с Миром «на равных» подавляющему большинству населения становится все более проблематичным. Социологи говорят о нынешней России, как о социуме телезрителей: в 3/5 семей вообще нет книг, только 6,0% семей имеют библиотеки свыше 500 томов, а значит, обладают самостоятельно сформированным по собственному выбору «культурным ресурсом». Книги сегодня более чем на 2/3 по названиям и более чем на 90,0% по тиражам выпускают негосударственные издательства [21; С. 67-70].

А в этом смысле есть ли перспективы у самой интеллигенции? Ведь сегодня очевидно, что молодежь не в силах отстоять свои права, не способна противодействовать произволу бюрократии, не предъявляет претензий к качеству своего образования, воспринимая плату за обучение не как инвестицию в профессиональное будущее, условие развития и самосовершенствования, а как взятку за «переход социального барьера», как вынужденное, но все-таки принятие навязанных «правил игры». Среди молодежи преобладают недостижительные ценности, немодерные установки, пассивная адаптация к изменениям, не обещающая и не создающая ничего нового [22; С. 8-22].

Так, может быть, все же настало время говорить об исчезающем феномене интеллигенции? По мнению М.Ю. Лотмана, «кто только и по какому только поводу интеллигенцию не хоронил: Ф.М. Достоевский предсказывал ее скорый конец в связи с реформой 1861 г., «Вехи» в связи с революцией 1905 г., «Из глубины», послереволюционное продолжение «Вех», — в связи с революцией 1917 г.; эмигрантская публицистика 20-30-х гг. — в связи с тем, что продана большевикам; советская публицистика того же периода — в связи с тем, что продана еще кому-то и т. д. вплоть до наших дней. Последнюю вариацию на эту тему я услышал от А. Д. Синявского в его Гарримановских лекциях весной 1996 г. в Нью-Йорке: интеллигенция мертва, т. к. продана Б. Н. Ельцину, остатки ее были расстреляны у Белого дома. И почти всегда эти филиппики и анафемы над пустующим кенотафом русской интеллигенции завершались, чуть ли не заклинаниями: преобразись и воскресни. Так, в 1959 г. патриарх «серебряного века» Федор Степун писал: «Есть ли у похороненной Лениным русской интеллигенции старого стиля еще шанс на воскресение? ... Да, старая интеллигенция должна воскреснуть, но воскреснуть в новом облике. Не только России, но и всем европейским странам нужна элита людей, бескорыстно пекущаяся о страданиях униженных и оскорбленных, ... строящая свою жизнь на исповедании правды, готовая на лишения и жертвы. Вот черты старой интеллигенции, которые должны вернуться в русскую жизнь» [23; С. 302]. Однако же — жив Курилка. Причины живучести русской интеллигенции связаны не с ее идеологией или общественным статусом, и уж тем более не с какими-то конкретными событиями русской истории или потребностью в ней униженных и оскорбленных — они лежат в дискурсивной сфере.

Интеллигентский дискурс есть своего рода метаязык русской культуры... Вся интеллигентская проблематика, вся полемика между интеллигенцией и адептами «Русской Идеи» есть вариант извечной в русской культуре тяжбы «новизны» со «стариной», внутренней антитетичности русской культуры, ее эсхатологической ориентированности ... Интеллигенция — голос этого дискурса, и она будет существовать до тех пор, пока такая потребность в самовыражении в русской культуре будет сохраняться и отличаться от интеллектуальной элиты других народов в той же мере, в какой их культуры отличаются от русской [3; С. 149].

На наш взгляд, интеллигенция не исчезнет до тех пор, пока в людях останется стремление быть Человеком и стать Личностью, стремление сохранить Целое без утраты многообразия — элементы воспроизводства общественной жизни, саму жизнь, достойную и яркую, ответственность за других. Сегодня, у большинства россиян нет стимулов становиться интел-

лигентами, но, как и всегда, остались *мотивы* (внутренняя потребность развивающейся личности), даже, несмотря на то, что в нынешнем «дележе пирога» собственности «имеет место хроническая стагнация и депрессия социальной периферии, либо даже ее деградация, не затрагивающая, впрочем, центральных функциональных институтов» [21; С. 29]. Изменения в высшем эшелоне власти оказались невозможны даже при очередной смене власти. И власть снова получила «мандат» народа делать то, ради чего истребляет интеллигенцию.

И все же представление о Едином, Общем, всеобщем, Целом, то, что дает «самостоянье» каждому человеку, необходимо во все времена и всем людям. Значит, интеллигенция – в той или иной форме – исчезнуть просто не может, пока существует человечество.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/print/16-04-2012/rossiiskaya-intelligentsiya>
2. Левада Ю. А. Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000-2005 / Ю.А. Левада / сост. Т.В.Левада. – М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. – 507 с.
3. Лотман М. Ю. Интеллигенция и свобода // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология: материалы междунар. конф. (Неаполь, май 1997г.) / составитель Б. А. Успенский / новая серия под. ред. Н.Г. Охотина. вып. 2 [10]. – М.: О.Г.И., 1999. – 152 с.
4. Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология: материалы междунар. конф. (Неаполь, май 1997 г.) / составитель Б. А. Успенский / новая серия под. ред. Н. Г. Охотина. вып. 2 [10]. – М.: О.Г.И., 1999. – 152 с.
5. Иванов-Разумник Р. В. Что такое интеллигенция? / Р. В. Иванов-Разумник // История русской общественной мысли. В 2-х т. – СПб.: Изд-во М. М. Стасюлевича, 1907. – 927 с.
6. Зорин А. Уваровская триада и самосознание русского интеллигента [Электронный ресурс] / А. Зорин. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/>
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/13-03-2008/otnosheniya-vlasti-i-naroda-v-rossii>
8. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2005 г.
9. Герцен А. И. Сочинения в 2-х т.: Т.1 / А. И. Герцен. – М.: Мысль, 1985 г.
10. Достоевский Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – М.: Современник, 1989 г.
11. Рогов К. Неприемлемый преемник / К. Рогов // Pro et Contra. – 2007. – № 4-5.
12. Милов В. Госкорпорация «Дальневосточная республика» [Электронный ресурс] / В. Милов. – Режим доступа: <http://www.flb.ru/info/50805.html>
13. Кара-Мурза С. Г. Несоответствие между кризисом России и обществоведением: попытка объяснения причин / С. Г. Кара-Мурза // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 6. – С. 287-322.

14. Колесников А. Интеллигенция покинула кухню / А. Колесников // Новая газета, 17.04.2012.
15. Радио Свобода, 01.04.2012г.; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/01-04-2012/rol-intelligentsii-v-sovremennoi-rossii>
16. Трибельский И. Иерусалим. Тайна трех тысячелетий / И.Трибельский. – Ростов-н/Д: Феникс, 2007. – 432 с.
17. Некрасов Н.А. Стихотворения. Поэмы / Н. А. Некрасов. – М.: Изд. «ООО Изд-во АСТ», 2011. – 256 с.
18. Дубин Б.В. Чтение в России – 2008: тенденции и проблемы / Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – 80 с.
19. Зоркая Н. А. Современная молодежь: к проблеме «дефектной» социализации / Н. А. Зоркая // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 4. – С.8-22.
20. Степун Ф. А. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции /Ф. А. Степун // Интеллигенция. Власть, Народ. Антология. – М.: Наука, 1992. – 341 с.
21. Гудков Л. Итоги путинского правления / Л. Гудков // Вестник общественного мнения. – 2007. – № 5 (91).

© В.Н. Слюсар
(Житомир)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ОБЪЕКТ НАСИЛИЯ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Трансформационные общественные процессы, вызванные длительными конфликтами и необходимостью утвердить новые общественные порядки, сопровождаются, как правило, комплексным насилием (т.е. одновременной реализацией разных форм, где одна усиливает действие другой) с преобладанием наиболее острых форм, среди которых можно выделить агрессию, запугивание, террор, применение вооруженной силы. В принципе, все радикальные социальные свершения (перестройки, революции, системные реформы) сопровождаются либо прямым насилием в форме террора и репрессий, либо непрямым в форме структурных преобразований социальных институтов, влияющих на формирование мировоззренческих установок. Насилие со стороны новоутвержденной власти или социальных групп, инициирующих социальные трансформации, направлено, в первую очередь, на определенные социальные общности и группы, признанные этим субъектом насилия основными «преградой», «тормозом» изменений. Эти группы и есть некая жертва, принесенная на алтарь преобразований, интегрирующая и аккумулирующая всю разрушительную энергию общества для совершения качественного скачка в развитии общества. Тенденциозно таким объектом насилия предстает интеллигенция. Возникает вопрос, почему именно эта социальная общность

чаще всего поддается насилию? Физическое истребление и моральное унижение интеллигенции завершается началом формирования «новой интеллигенции», первоочередно приносимой в жертву следующим социальным трансформациям.

Насилие как социальный и духовный феномен было предметом философских размышлений еще с эпохи Античности. Нарастание его силы и масштабов реализации, утверждение тотальности насилия, наблюдаемое в последние два столетия, актуализировали необходимость переосмысления данного феномена и поиска методов преодоления его практической реализации. Проблема насилия нашла свое отражение в работах Пьера Аснера, Этьена Балибара, Вальтера Бенямина, Абдусалама Гусейнова, Владимира Денисова, Славоя Жижека, Рене Жирара, Мишеля Фуко и др. Специфической чертой современных исследований можно определить отхождение от узкого понимания насилия исключительно с позиций социологического объективизма, либо из субъективистских позиций. В нашей статье мы будем исходить из метапарадигмального подхода, суть которого состоит в интегральном анализе социальной реальности в ее структурно-функциональном аспекте и единстве субъективного и объективного. Цель статьи – проанализировать, каковы причины и основания для утверждения образа интеллигенции как объекта насилия в период структурных социальных трансформаций.

В философских науках понятие «насилие» обозначает как неоправданное и несправедливое использование силы с целью решить определенные социальные задания (это, как правило, приводит к перекручиванию поставленных, в т.ч. самых благородных, целей), так и принуждение (действие), используемое особой, группой или государством для достижения поставленных целей (использование силы сводится к прямому нанесению физического, психического либо морального ущерба другой особе или государству), а также угроза использования силы [1, С. 114]. Насилие, таким образом, – это особый вид влияния человека на человека, целью какого есть принуждение последнего к определенному поведению [2, С. 18]. Хотя невозможно свести насилие только к комплексу определенных действий субъекта, оцененных обществом как носящих отрицательный характер. Насилие, прежде всего, – это социокультурный феномен, выступающий, по определению В. Денисова, в качестве транзисторической формы социальной жизни, всеобщего модуса существования человечества [3, С. 43]. Насилие, в такой трактовке, выступает имманентно присутствующим во многих социальных процессах феноменом, исполняющим и деструктивную, и конструктивную функции.

Наиболее острые формы насилия приобретает в период структурных социальных трансформаций, сопровождающихся масштабными актами насилия относительно тех или иных социальных групп и сообществ, определенных субъектами насилия как главная причина, препятствующая совершению успешных социальных изменений. Насилие совершается в форме как косвенного, так и прямого действия. Объектом насилия может быть интеллигенция. История, особенно в XX веке, изобилует примерами массового уничтожения интеллигенции. К примеру, «буржуазная» интеллигенция названа В. Лениным «попутчиками», т.е. людьми, с которыми пролетариат идет вместе (совершают революцию) до первого перекрестка, а дальше, как показала практика, после выполнения предписанного социального предназначения представители интеллигенции были массово истреблены. Украинизация советской Украины в конце 20-х гг. XX в. способствовала росту активности национального культурного движения, преобладающему формированию почти уничтоженной в гражданской войне интеллигенции. Но уже в начале 1930-х годов произошло тотальное уничтожение этой сформированной интеллигенции (в историю она вошла под названием «Расстрелянное Возрождение»). Одним из наиболее жестоких примеров уничтожения интеллигенции в современной истории можно назвать «культурную политику» демократической Кампучии (1976-1979 гг.). За 3 года правления красных кхмеров под предводительством Пол Пота в стране было разрушено 5857 школ, 796 госпиталей, фельдшерских пунктов и лабораторий, 1968 храмов, 108 мечетей; под лозунгом необходимости удвоить революционную бдительность в отношении тех, кто служил в старом аппарате власти (техников, учителей, врачей, инженеров и др.) партия провозгласила отказ от их профессиональных услуг, что подразумевало их массовое истребление; в результате в живых остались единицы преподавателей высших школ (из 725), 207 преподавателей лицеев (из 2300), 2717 школьных учителей (из 21 311), 54 врача (из 487), 15 фармацевтов (из 196), 121 артист (из 1241) [4]. Впрочем, насилие в отношении интеллигентов может совершаться в более лояльных, некровавых формах, например в люстрации.

Эти и множество других типичных исторических фактов актуализируют необходимость анализа социальной роли интеллигенции в период трансформаций. Прежде всего, утверждение новых социальных норм сопровождается сакрализацией власти. Это заключается в превращении государства и соответствующей государственной власти в объект, владеющий и раздающий благо, ставящий себе цель - построение общества всеобщего благоденствия. Такой объект идентифицируется как особый сакральный феномен: Великий Жрец, имеющий интимную связь с «тай-

ной» сутью истории, скрытой от всех других [5, С. 46]. Но реализация этой цели предусматривает решение бытовых, обыденных проблем, а это становится угрозой потери сакрального содержания власти. Для усиления эффекта сакрализации новоутвержденной власти актуализируется необходимость создания новой интеллигенции, интегрирующей в себе как наивысший уровень компетентности, так и святость (непогрешимость, честность, благодетельность и т.п.). Существующая интеллигенция отождествляется с архаичными, консервативными порядками, в которых утеряна интегральная социальная сакральная связь, с несоответствием уровня компетентности новым порядкам.

В работе «К критике насилия» Вальтер Беньямин, анализируя проблему установления новых социально-правовых отношений, определил две формы реализации насилия: «мифическую» и «божественную». «Мифическое» насилие – правоустанавливающее, оно кровавое, вызывает вину, расплату, действует ради самой жизни и требует жертв, а «божественное» – правоуничтожающее, оно смертельно без пролития крови, действует с целью искупления ради живущего, принимая жертвы [6, С. 196]. Следуя предложенному В. Беньямином закону колебания насилия, структурные общественные трансформации представляют собой действие «мифического» насилия, цель применения которого – установление новых социальных порядков на основании новых норм (даже если определенные нормы не изменяются, они должны быть вновь артикулированы и пройти процедуру правоустановления). Старые нормы отрицаются как не отвечающие требованиям времени, эпохи. Установленные новые социальные нормы функционируют в обществе благодаря «божественному» насилию, использование которого оправдывается необходимостью достижения целей, а не как в «мифическом» – причинами использования средств. «Божественное» насилие становится неким символом, знаком, печатью, утверждается как властвующее, актуализируя организацию и деятельность несогласных слоев общества, чьи представители становятся носителями «мифического» насилия, которое со временем сменит «божественное».

Основной чертой интеллигенции как образованной, критически мыслящей части общества, по определению Л. И. Новиковой и И. Н. Сиземской, можно назвать «творчество культурно-нравственных ценностей (форм) и приоритет общественных идеалов, ориентированных на всеобщее равенство и интересы развития человека» [7]. Таким образом, с одной стороны, интеллигенция и есть основной «хранитель» гуманистических социальных порядков, совершающий «божественное» насилие, противодействуя «мифическому». А с другой – интеллигенция, спо-

собная даже на радикальные меры, есть источник рождения нового «мифического» насилия, в антигуманных общественных условиях. Утверждение новых социальных норм всегда требует использования средств, направленных против свободы и даже жизни человека, что, в свою очередь, не соответствует идеологии интеллигенции, позиционирующей себя как «интеллектуальная оппозиция». Интеллигенция, если только не сводить это понятие к понятию «народная интеллигенция», понимаемое как особая социальная прослойка, состоящая из служащих, преподавателей, учителей, врачей, инженеров и деятелей искусства, на практике неспособна совершить тотальное «мифическое» насилие.

Как «интеллектуальная оппозиция» интеллигенция обречена стать одним из первых объектов «мифического» насилия, совершаемого новой властью. Социальные трансформации совершаются с производства насилия, как уже отмечалось, с целью разрушить существующие нормы и установить «свои» новые. Но насилие миметично (взаимно), оно вызывает ответное насилие и дальнейшую эскалацию, что вызывает «жертвенный кризис». Автор концепции «миметического» и «жертвенного» кризиса Рене Жиар в своих работах «Ложь романтизма и правда романа», «Насилие и сакральное» и «Козел отпущения» высказал предположение, что если в обществе заканчивается инерция действия изначальной жертвы, исполняющей интегральную социальную функцию, поскольку она впитывает в себя все проявления насилия (т.е. все члены общества «единодушны» в насилии к жертве), возникает необходимость совершить ритуальное жертвоприношение. Оно «защищает сразу весь коллектив от его собственного насилия, оно обращает весь коллектив против жертв, ему посторонних» [8, С. 15]. Определенная общность провозглашается виновником возникающих социальных проблем и «назначается» основным объектом насилия. Субъект насилия (Р. Жиар называет его «гонителем») убеждает себя и общественность, что, несмотря на свою слабость, объект насилия вредоносный, а «стереотипное обвинение, которое санкционирует и облегчает это верование, служит своего рода посредником, мостом между малостью индивида и огромностью социального тела» [9, С. 33]. Признание реального существования и кризиса, и насилия позволяет переложить на жертву, признанную причастной к кризису (т.е. «козлом отпущения»), ответственность за него.

Базовый транскультурный характерный признак, по какому выбирается жертва, — социальная, физическая или духовная «ненормальность» («аномалия»). «Ненормальностью» интеллигенции в капиталистическом обществе можно определить ее фроммовскую нацеленность на «быть», в отличие от потребительской устремленности на «иметь» остальной части

общества. Следующим признаком можно выделить принадлежность. Жертва («козел отпущения») должна быть одновременно и «своим», и «чужим», а также, соответственно, и ни «своим», и ни «чужим». Это достаточно точно определяет социальное положение интеллигенции, генерируемой самим обществом, но, в то же время, благодаря креативной способности относительно социальных ценностей, отделяемой от него. Таким образом, интеллигенция как общность обладает основными признаками «жертвы» в акте общественного «ритуального» жертвоприношения.

Одной из основных целей «мифического» насилия, особенно при утверждении тоталитарного типа общества, также есть культивация в социуме состояния всеобщего страха и господства рабского духа. Это позволяет ускорить утверждение новых социально-правовых норм и перейти к следующей форме насилия – «божественной». Этому способствуют, с одной стороны, силовые методы, например, террор, геноцид, введение чрезвычайного положения, комендантского часа, и замена моральной оценки насилия моральной демагогией. Интеллигенция – это «страж моральных параметров человеческого бытия» [10, С. 4], она компетентно продуцирует определенные моральные нормы, санкционируя те или иные действия индивидов, групп, власти с позиции добро – зло. Это, прежде всего, касается насилия, ассоциируемого в обществе со злом. Но насильственное действие может быть направлено на благо человека, например, необходимо силой остановить человека, пытающегося в состоянии аффекта совершить суицид. Такое действие не считается насилием и не несет на себе негативные характеристики, поскольку получило этическую санкцию на совершение. Принужденное устранение интеллигенции от моральных санкций приводит к господству в обществе моральной демагогии, суть которой состоит в обеспечении самого насилия. В такой способ осуждаются любые действия против «нас» (это насилие) и находят оправдания любые действия против «них» (это необходимость). В такой ситуации, отмечает А. А. Гусейнов, «определенные субъекты узурпируют право выступать от имени добра, а своих оппонентов отмечают черной меткой, превращая их тем самым во врагов» [11, С. 10].

Одним из ключевых моментов утверждения «божественного» насилия выступает доминирование компетентного насилия над всеми иными его формами. Только компетентность, по мнению Х. Хофмейстера, способна дать насилию положительных коннотаций [12, С. 45]. Ведь, если прямое действие насилия способно сломать волю объекта, к какому оно обращено, то рациональное (в т.ч. и компетентное) ставит себе цель подчинить его волю. Компетентное насилие оставляет за объектами возможности отстаивать свою свободу, принимать собственные решения и даже пред-

полагает совместное участие объекта и субъекта в совершении насилия (например, это четко прослеживается в учебном процессе во взаимодействии «учитель – ученик»). Эта форма насилия – один из самых эффективных инструментов власти. Вместе с тем, компетентность есть один из характерных социальнозначимых признаков интеллигенции. В ситуации, когда цели власти и интеллигенции не совпадают, возникает конфликт, разрешаемый путем исключения из механизма компетентного насилия общества одной из сторон. Как правило, власть, имея в своем распоряжении больше ресурсов, монополизировать и эту форму насилия.

Глобализационные процессы и сопутствующий им рост всеобщей образованности через продуцирование в массовой культуре способов совместного принятия решений, создавая ощущение всеобщей компетентности. Таким образом, роль интеллигенции уже незначительна, ее мнение игнорируется. Благодаря разного рода ток-шоу с привлечением «специалистов» (достаточно часто ими могут быть просто известные «звезды» шоу-бизнеса) вырабатывается общее компетентное «экспертное» решение относительно разных сфер социальной, политической и культурной жизни. К примеру, благодаря политическим ток-шоу, каждый украинец знает чуть ли не наизусть условия российско-украинских газовых договоров и механизм расчета формулы цены на газ, имеет собственное компетентное мнение по этим вопросам. Замещение в украинском обществе интеллигенции, как отмечают П. Саух и Ю. Саух, представителями самоизбранной и самовлюбленной элиты (ее еще называют «новой интеллигенцией», «шоу-интеллигенцией», «карьерной интеллигенцией или «декоративной интеллигенцией») приводит к тому, что эти «упакованные» народные депутаты, подкаблучные политтехнологи, шоумены и «отмеченные перстом» артисты в свободное время, между шиком Канар и Монако, упражняются в софистских дискуссиях о социальных стандартах, истоках кризиса и секретах алгоритма выживания украинского народа. Они рассыпаются библейскими цитатами с телеэкранов, учат жить «малого украинца» в своих интервью, освящают семейные бутики и евроофисы, стоят рядом с владыками и ведут себя так, будто бы Бог только им поручил учить людей признавать Его, иначе без них он не был бы всемогущим» [10, С. 3]. Это позволяет нам проиллюстрировать формы проявления моральной демагогии в трансформирующемся украинском обществе. Подобную ситуацию можно наблюдать как во многих постсоветских, так и других обществах, в период структурных социальных изменений.

Последствием тотального физического или морального уничтожения интеллигенции является формирование в обществе базового типа личности, чьими основными признаками выступают способность к полному и

безоговорочному подчинению, обреченность, массовое депрессивное состояние. Известные ревизионисты Холокоста Серж Тион и Пьер Гийом в исследовании истории правления красных кхмеров в Камбоджи, указывают на всеобщее психическое состояние камбоджийцев после свержения режима Пол Пота, когда многие выжившие прятали свой срам быть молчаливыми рабами, они не сохранили свои собственные моральные нормы, впали в перманентную депрессию [13]. Депрессивностью, в определенной мере, характеризуется и украинское общество в последние десятилетия, когда интеллигенция была устранена от исполнения своих социальных ролей. Это позволяет нам утверждать, что глобализация не привела к «концу интеллигенции», а, наоборот, побуждает общество переосмыслить ее роль и предназначение. В то же время, перед интеллигенцией опять стоит актуализируемое в кризисные эпохальные моменты истории задание, провозглашенное еще Н. Бердяевым, – осознать собственную виновности происходящего, освободиться от внутреннего рабства, возложить на себя ответственность, перестать винить внешние силы [14, С. 193]. Возрожденная душа интеллигенции способна не только противостоять насилию, но и сменить его вектор в противоположную сторону, от объекта обратно к субъекту.

Такие общественные трансформации как революции, системные реформы, «перестройки» характеризуются применением комплексного насилия со стороны инициаторов преобразований. Как подтверждает история, достаточно часто объектом насилия в такие моменты становится интеллигенция. Общественные группы, утверждающиеся как власть, пытаются создавать «новую интеллигенцию», более компетентную, чем предыдущая. Это объясняется их намерением через «мифическое» насилие установить новые социальные нормы, «хранителем» которых является интеллигенция, чьей характерной чертой является творчество культурно-нравственных ценностей, т.е. она – субъект «божественного» насилия. Также, имея такие социально-культурные характеристики как фроммовская нацеленность на «быть», признаваемая общественной «аномалией», и неопределенное социальное положение (ни «свои», ни «чужие»), интеллигенция назначается жертвой в акте общественного «ритуального» жертвоприношения, способного интегрировать общество, преодолеть «миметический» кризис. В условиях социальных трансформаций интеллигенция, как правило, устраняется от выполнения социальных функций: выдачи моральных санкций (это приводит к господству в обществе моральной демагогии) и совершения компетентного насилия (эту функцию исполняют СМИ, создающие через ток-шоу ощущение всеобщей компетентности).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Геополітичний словник : навч. посіб. / Саух П. Ю., Бутковська Н. Ю., Герасимчук А. А. та ін. ; за заг. ред. проф. П. Ю. Сауха. — К.: «МП Леся», 2010. — 327 с.
2. Hofmeister H. Der Wille zum Krieg oder Die Ohnmacht der Politik. Ein philosophisch-politischer Traktat / H. Hofmeister. — Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2001. — 160 S.
3. Денисов В. В. Философия насилия / В.В. Денисов // Философия и общество. — 2008. — № 1. — С. 39 — 56.
4. Кампучия: жизнь после смерти / сост. Е. Кобелев. — М.: Политиздат, 1985. — 224 с.
5. Громадянське суспільство: ідеологія і реальність / Відпов. редактор М. М. Мокляк. — К.: без видавництва, 1997. — 59 с.
6. Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt / Benjamin W. / Gesammelte Schriften, vol. II. 1, herausgegeben von R. Tiedemann e H. Schweppenhauer, Suhrkamp, Frankfurt a. M., 1999. — S. 179 — 204.
7. Новикова Л. И. Интеллигенция / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Нац. общ.-науч. фонд ; Научно-ред. совет : предс. В. С. Степин. — М.: Мысль, 2010. — Т. III. — 2009. — С. 130.
8. Жирар Р. Насилие и священное / Рене Жирар [пер. с фр. Г. Дашевского]. — М.: Новое литературное обозрение, 2000. — 400 с.
9. Жирар Р. Козел отпущения / Рене Жирар [пер. с фр. Г. Дашевского]. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. — 336 с.
10. Саух П. Інтелігенція: між місією і приниженням / Петро Саух, Юрій Саух // Історія. Філософія. Релігієзнавство. — 2009. — № 4. — С. 2 — 8.
11. Гусейнов А. А. Моральная демагогия как форма апологии насилия / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. — 1995. — № 5. — С. 5 — 12.
12. Hofmeister H. Der Wille zum Krieg oder Die Ohnmacht der Politik. Ein philosophisch-politischer Traktat / H. Hofmeister. — Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2001. — 160 S.
13. Guillaume P. Revisionismus von ultralinks. Die anti-imperialistische Avantgarde / Pierre Guillaume, Serge Thion. / Berlin: eigner verlag, 2006. — 358 S.
14. Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда / Н. Бердяев // Духовный кризис интеллигенции. — М.: Канон, 1998. — С. 173 — 193.

© А. А. Дмитриева
(Иркутск)

ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Изменение всех форм организации социальной жизни, интенсификация общественных отношений, социальная стратификация общества обуславливают потребность в осмыслении феномена интеллигенции в современном российском обществе. На протяжении двух десятилетий в современной науке идет острая борьба по проблемам интеллигенции, её

месту и роли в развитии социума, определяются границы этой социальной группы, критерии отнесения к ней. Современные социологи дискутируют о том, является ли интеллигенция специфически российским феноменом, отличающимся от западных интеллектуалов, а также выступают ли современные работники науки, образования, культуры и искусства наследниками дореволюционной интеллигенции, или Россия сегодня имеет, по словам А.И. Солженицына, лишь «образованщину»? [2].

В сфере научной литературы по проблемам интеллигенции собственно социологических работ не так много. Велико количество публикаций, содержащих общие рассуждения или исторические экскурсы, однако ощущается острая нехватка качественных социологических работ, в которых бы изучение интеллигенции осуществлялось через призму результатов конкретных исследований. При всем огромном массиве социально-гуманитарной научной литературы современное понимание интеллигенции не отвечает требованиям времени.

Как разновидность бюрократии рассматривают интеллигенцию Е.С. Баразгова и О.В. Шабурова. Первые попытки исследования интеллигенции как мифа предприняли Д.А. Ванюков, С.В. Ковалева, В.Ф. Кормер, А.Н. Севастьянов, Л.Г. Фишман, К.В. Киселев, К.Б. Соколов. Соотнесение интеллигенции и класса интеллектуалов или интеллектуальной элиты провели В.Л. Иноземцев, А.М. Панченко, А.Н. Севастьянов и другие ученые. Исследования по определению места интеллигенции в социальной структуре, в том числе в составе среднего класса, осуществляли Е.М. Аврамова, З.Т. Голенкова, Л.А. Гордон, М.К. Горшков, Т.И. Заславская, В.В. Ильин, Ю.А. Левада, В.В. Радаев, М.Н. Руткевич. Ряд социокультурных аспектов феномена гуманитарной интеллигенции рассмотрен в работах С.И. Барзилова, О.И. Карпухина, В.Ф. Левичевой, О.А. Митрошенкова, И.И. Осинского, Н.Е. Покровского, Б.С. Пушкарева, Ж.Т. Тощенко, С.А. Шароновой, Е.С. Элбакяна.

Социологическая сущность понятия интеллигенции как социальной группы, ее классификации исследованы в современной научной литературе В.И. Астаховой, Э. Гидденсом, Р. Дарендорфом, Т.В. Никитиной, А.Н. Севастьяновым, Г.Г. Силласте, Н. Хомски и рядом других ученых.

Как известно, в социологии понятие «интеллигенция» означает «социальный слой людей, профессионально занятых квалифицированным умственным трудом и обладающих необходимым для этого специальным образованием» [3]. Очевидно, что хотя в основе своей эта дефиниция верна, в ней есть, по меньшей мере, два неразрывно связанных недостатка — она не отграничивает интеллигенцию от работников, занятых управленческой деятельностью, и не выделяет главную, универсальную ее

функцию — развитие культуры — как духовной, так и материальной, и применение ее достижений в различных областях производства и общественной жизни. Поэтому, наиболее полное и точное определение понятия «интеллигенция» представлено в одной из работ В. Х. Беленького, а именно: «Социальный слой людей профессионального умственного труда высокой квалификации, требующего специального образования, сосредоточенного на развитии культуры и ее практическом использовании при выполнении особенно сложных общественных функций» [1].

В данном аспекте было бы интересно разобраться с одной из надежд, возлагающуюся на интеллигенцию, связанную с ее инновационным потенциалом. Представляется, что собственно инновационный потенциал интеллигенции очень невелик, если он вообще есть, а функциональное значение интеллигенции в том, чтобы «...удерживать то, что мы называем наследием, культурой, моралью, доброжелательностью. Удерживать «очень человеческие» и совершенно «неходульные» качества в неблагоприятной ситуации и донести их до той самой черты, когда станет возможно то, что сейчас невозможно. Вот это важная составная часть если не самого существования образованных людей, служащих в библиотеках, в редакциях, в школах, то их легенды о самих себе — себе лучших, таких, какими они могли бы стать в других обстоятельствах» [4]. Согласимся с автором данного высказывания, ведь в обыденной жизни надежды на интеллигенцию связываются не с её способностью выстаивать, а с инновационным потенциалом. Именно способность выживать, терпеть до тех пор, пока не придет время все сохраненное прорастить, гораздо более устойчива и более характерна для данного социального слоя.

Между тем, по данным социологических исследований, проведенных «Левада-центром» в 2012 году большинство россиян (в общей сложности 71,0%) считает, что интеллигенция не оказывает большого влияния на события в стране, а примерно половина населения (49,0%) полагает, что интеллигенция в России практически исчезла. Отмечается, что по сравнению с 2006 годом восприятие интеллигенции в обществе стало более широким: число респондентов, полагающих, что к интеллигенции относятся не только работники научной сферы, учителя и врачи, но также журналисты, художники и люди свободных профессий, выросло соответственно на 9,0% и 7,0%. Отдельной строкой прозвучало определение интеллигенции как «независимых людей с независимыми взглядами»: число тех, кто понимает интеллигенцию именно таким образом, выросло с 6,0% в 2006 году до 10,0% в 2012 [4].

В современной действительности интеллигенция во многом воспринимается по советским критериям. Но этот слой сильно трансформиро-

вался в эпоху перестройки: в переходный период часть интеллигенции стала неплохо зарабатывать, и вписалась в рыночные условия, часть же, напротив, обеднела и в какой-то степени отпала от понятия «интеллигенция», с чем и связаны выявленные изменения в понимании профессиональной структуры интеллигенции. В то же время число людей, обвиняющих интеллигенцию во всех смертных грехах, снизилось: если в 2006 году 9,0% опрошенных считали ее виновной во всех эксцессах перестройки и постперестроечного периода, теперь таких обвинителей осталось только 5,0% [4].

В дополнение отметим, что по данным «Левада-центра» доверие к людям умственного труда в 80-е годы было значительно выше, доходило до 60,0% – 70,0% [4]. Каковы причины? По словам профессора Ж. Тощенко: «...интеллигенция старшего поколения формировалась из самых различных слоев населения. На сегодняшний день она, в основном, воспроизводит саму себя. К примеру, общеизвестно, что поступление в престижный университет для ребенка из рабочей семьи сегодня почти невозможно. Более того, группы внутри интеллигенции воспроизводят сами себя. Артистами становятся дети артистов, а успехов в финансовом секторе добиваются дети банкиров. На Западе люди очень редко покидают пределы профессиональной среды своих родителей. Похоже, эта тенденция намечается и у нас» [4]. Вероятно, что это связано с традициями, с тем, что старшее поколение старается передать своим наследникам то, что им ближе, знания и убеждения, которые кажутся ему более жизнеспособными. Есть еще одна причина утраты уважения к интеллигенции в России — ее материальное положение. Особенно это касается врачей, учителей и других специалистов умственного труда, вынужденных работать на государство. Условия, в которые государство поставило работников бюджетной сферы вызывают у большие сомнения относительно их профессионального и личностного статусов.

Интересен тот факт, что между 2006 и 2012 годами исследования восприятия интеллигенции «Левада-центром» не проводились, возможно, на них не было общественного запроса, и актуальность подобных исследований была не очевидна. Волна протестных настроений в декабре 2011 года, возвышение голосов «рассерженных горожан» вновь сделало злободневными исследования современного образа интеллигенции. По словам ведущего научного сотрудника «Левада-Центра» Наталии Зоркой: «Интеллигенция – размытое понятие, его трудно реконструировать, в советское время речь шла о понятии образованной бюрократии, но в этом смысле значение этого слова ушло» [4].

Исследователями выявлен также и новый взгляд общества на вечную проблему взаимоотношений интеллигенции и власти. Интересен тот факт, что образ интеллигенции все больше уходит от сервильности и обязательной лояльности власти: лишь 18,0% (31,0% в 2006 году) опрошенных полагает, что она должна служить государственным интересам. Число, верящих в перспективы интеллигенции, в плане ее воздействия на власть сократилось, на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что в перспективе интеллигенция будет способствовать тому, чтобы власть действовала под контролем общества и страна развивалась в правильном направлении?» в 2006 году ответили «совершенно согласен» 22,0% респондентов, в 2012 — только 12,0%. Уменьшилось число сторонников тезиса, что интеллигенция идет на слишком большие компромиссы с бизнесом и властью — 10,0% в 2012 году против 17,0% в 2006. Исследователи склонны связывать такой тренд с недовольством итогами декабрьских выборов в Государственную Думу, с протестными настроениями, с запросом иметь в обществе значимую силу, авторитет которой не зависел бы от власти [4].

Напомним, что в дореволюционной России именно интеллигенция была такой моральной силой. В связи с чем, задача интеллигенции в современном обществе — быть, прежде всего, «совестью нации», а не прослойкой людей, занимающихся интеллектуальным трудом. Хотя эти две ипостаси интеллигенции, безусловно, неразрывно связаны: «На Западе интеллектуалы играют важную общественную роль, у нас об этом слове пока можно говорить с большим трудом. Интеллигенция утратила свой авторитет, который имела в советскую эпоху» [4]. С уходом советской модели интеллигенции нового единого образа так и не возникло. Отметим, что при этом социологи избегают ставить знак равенства между интеллигенцией и так называемым новым «креативным классом». Представитель «креативного класса» может и не быть представителем интеллигенции, а интеллигент в классическом понимании может не иметь никакого отношения к «креативному классу» [4].

Скорее всего, запрос на независимую от власти позицию интеллигенции связан с тем, что в последнее время некоторая ее часть очень активно демонстрировала свою лояльность в ходе думской и президентской избирательных кампаний. Этим и объясняется отношение населения к чрезмерной вовлеченности творческой интеллигенции в современный политический процесс. В связи с чем, понятие «новой интеллигенции» как представителя класса активных молодых сегодня, нуждается в осмыслении — нельзя оперировать принятым в советское время определением «трудовая интеллигенция», в то же время возникает вопрос о правомерности именовать интеллигентами всех, кто имеет одно или два высших

образования. Кто они? Чем они отличаются от старой интеллигенции? Можно ли говорить, что эта преемственность существует? Насколько новое поколение интеллигенции продолжает традиции старого поколения? Какие новые характеристики она приобрела? «В пропорциональном отношении старая интеллигенция была в большей степени готова на служение обществу, она охотнее контактировала с другими слоями населения. Интеллигенция нового поколения корпускулируется в своих профессиональных и социальных группах, она осторожнее в контактах с людьми другого социального статуса. Что касается интеллигенции в общем понимании, она всегда была связана какими-то нравственными обязательствами, человек, имеющий образование, должен нести моральную ответственность за свое знание, свои поступки, свои решения. Иначе мы превращаемся в некий механизм, который вполне можно заменить компьютером» [4].

Подводя итоги, отметим, что «интеллигентность» — это черта, которой может обладать даже человек, не имеющий образования вообще. Главное, чтобы человек был ориентирован на то, что происходит в обществе, и был готов содействовать всему лучшему. Конечно, при этом нужно иметь определенный уровень эрудиции, образования, чтобы понимать, что происходит вокруг, быть нацеленным на служение людям.

Сам факт того, что понятие «интеллигенция» снова звучит в информационном и научном поле, говорит о социальной востребованности и этого слоя, и этого типа личности. Интеллигенция выполняет функцию духовного воспроизводства, то есть, продуцирует ценности и смыслы. А дальше эти смыслы тиражируются, и общество ими живет. Сегодня ценности и смыслы вновь начинают быть востребованными. И протестные выступления, так называемого, среднего класса говорят о том, что люди сравнительно успешные, получившие стабильность, выдвигают требования уже иного характера. И интеллигенция сыграла здесь не последнюю роль.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Беленький В. Х. Еще раз об интеллигенции / В. Х. Беленький // Социологические исследования. - 2004. - № 4. - С. 94-102.
2. Солженицын А. И. Образованщина / А. И. Солженицын // Из-под глыб: Сборник статей. Р. : YMKA-PRESS, 1974.- 141 с.
3. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Осипова Г.В. М. : Норма, 2000. — 488 с.
4. Официальный сайт газеты Московские новости [электронный ресурс], 2012. — Режим доступа : [http : // www.mn.ru /](http://www.mn.ru/), свободный. — Загл. с экрана.

СТРАХ ПОТЕРИ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Существенная активизация глобализационных процессов в мире требует особенно пристального внимания к проблеме завершения построения государства и нации, формирования общей идентичности граждан Украины. Ведь только те государства, которым удастся сохранить свою национальную идентичность, свой тип экзистенции, духовности и креативности не поддадутся глобализационным схемам. Проблемы национальной и религиозной самоидентификации граждан Украины (в контексте формирования современной украинской нации европейского типа), а также страх потери идентичности являются чрезвычайно актуальными, поскольку научное осмысление подобных проблем вызвано насущными потребностями Украинского государства.

Основной проблемой развития украинского общества и государства является нивелирование «украинскости», медленное формирование гражданского общества, украинской политической нации и современной украинской идентичности. Главными причинами этой проблемы являются незавершенность украинского государственного строительства и развития нации (которые за годы независимости никогда не отличались динамичностью и последовательностью) и процессов постколониального самоопределения, как отдельного гражданина, так и украинского народа в целом.

Известно, что проблема национальной и религиозной идентичности в зарубежной науке изучалась преимущественно в русле социальной и культурной антропологии и психологии с различных теоретико-методологических позиций (Ф. Барт, А. Ватерман, Б. Геральд, В. Дуаз, Э. Дюркгейм, Дж. Колеман, Дж. Марсиа, Д. Маттесон, Г. Кон, Э. Смит, С. Страйкер, Г. Тэддфел, З. Фрейд, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, Э. Эрикссон, К. Юнг и др.).

Со второй половины 1980-х годов наблюдается повышение интереса ученых к проблеме национальной идентичности. Появляются соответствующие научные исследования в Украине и России, публикуются статьи, издаются книги, проводятся научные конференции, круглые столы и семинары, среди которых можно выделить работы Е. Галкиной, Н. Ивановой, Л. Ионина, исследования У. Бека, Я. Грицака, Н. Козловца, В. Павленко, М. Рябчука, Н. Шульги [1, 4, 5, 7] и многих других. Но, всё же они не исчерпали идентификационной проблематики, а определённые

аспекты остаются открытыми и требуют новых исследований. Проблема идентичности граждан Украины изучалась в отечественной социогуманитаристике, преимущественно, в философском и историческом аспектах, без комплексного, междисциплинарного анализа эмпирических исследований.

Теоретический анализ различных концептуальных подходов к изучению проблемы национальной и религиозной идентичности показывает, что идентичность является результатом процесса идентификации, которая зачастую рассматривается как процесс уподобления, отождествления себя (или своей референтной группы) с кем-то или чем-то. Идентификация рассматривается современными учеными как важнейшей механизм социализации, этнизации и воспитания личности, который проявляется в принятии индивидом конкретной социальной роли, в осознании им своей групповой принадлежности, в формировании у него определенных социальных установок.

Итак, идентичность – это динамическая структура, которая развивается на протяжении всей человеческой жизни, причем это развитие является нелинейным и неравномерным, оно проходит через преодоление кризисов идентичности, может идти как в прогрессивном, так и в регрессивном направлении. Соответственно, идентификация рассматривается нами как процесс, включенный в целостную жизнедеятельность субъекта, неразрывно связанный с когнитивной, эмоциональной, ценностно-смысловой и поведенческой сферами личности. Идентификация обусловлена потребностями, мотивами, целями и установками субъекта, опосредованная языком, нормативно-обычными, знаково-символическими, идейно-образными и ценностно-смысловыми системами культуры.

В глобализированном обществе актуализируясь, проблема идентичности порождает ещё одну проблему – страх потери идентичности. Сегодня в Украине складываются благоприятные условия для возникновения и усугубления этой разновидности социального страха. Значительное влияние в этом процессе играет и тот факт, что славянская идентичность метатнична. Как неоднократно отмечалось в литературе (см. У. Бек, М. Кастельс, М. Козловец, В. Лях, Р. Робертсон) глобализация порождает у людей естественные опасения потерять свои исторические корни: национальную идентичность, язык, культурные и религиозные традиции. Этот страх составляет примерно одинаковую угрозу украинским и другим группам в Украине, хотя он еще не достаточно актуализировался, а связан с усилившимся притоком в Украину выходцев из стран «третьего мира». Упомянутый процесс вписывается в общемировую схему изменения миграционных потоков. Если раньше, на протяжении веков, предста-

вители европейской расы распространяли свое влияние и присутствие на страны Азии, Африки, Америки, Океании, то со второй половины XX века становятся все сильнее обратные процессы переселения больших групп азиатского, африканского, латиноамериканского населения в европейские страны. И в некоторых из них часть таких иммигрантов стала уже довольно значительной (турки в Германии, арабы во Франции), что побуждает граждан и политиков чувствовать и выражать большое беспокойство по этому поводу, особенно на фоне явного снижения естественного прироста коренных «старых» наций. В частности, Р. Робертсон отмечает тот факт, что «национальное государство в современной ситуации слишком велико для решения маленьких проблем и слишком маленькое для решения великих проблем» [1, С. 29]. Действительно, «национальный» статус является общепринятой ценностью политической жизни нашего времени. Наиболее угрожающим является то, что глобализационные процессы снижают принципы развития независимых стран, их идентичности, поэтому страх потери идентичности составляет почти одинаковую угрозу как украинским, так и другим этническим группам в Украине.

Страх потери идентичности является одним из самых распространенных иррациональных страхов, как среди отдельных индивидов, так и целых этносов и наций. Он выступает вполне естественным защитным рефлексом человека от опасности перестать быть собой, раствориться в чужой культуре и подменить собственные ценности чужими. В нашей стране этот страх действовал всегда, в различных формах, включая в себя и страх перед опасностью потерять европейскую идентичность. Этой ситуацией активно пользуются политики и журналисты, создавая различные образы опасностей и используя их как средство политической борьбы (особенно это видно в интернет-СМИ).

Последние президентские выборы в стране и приход новой власти вновь обострили болевые точки украинских стремлений к «европейскости». Обзор публикаций и комментариев общеполитических интернет-изданий по поводу европейской идентичности украинского общества свидетельствует о том, что дискуссии на эту тему обычно ограничены обменом стереотипов, существующих в разных регионах страны, часто агрессивного и оскорбительного характера. Кроме того, распространенной является неосведомленность тематикой дискуссии о евроидентичности. Даже среди журналистов понятие европейской идентичности сужено к контексту европейских стандартов в экономике, социальных институтах, правовых отношениях и т.д. Однако эти понятия отнюдь не тождественные. Евроидентичность стоило бы рассматривать в смысле самоосознания, самоидентификации жителей Украины, ощущения своего места в мировой плоскости, которое выражается в словах «это я», «я есть» или «я – европеец», «я – европеец».

Социальные страхи украинцев, связанные с евроидентичностью, имеют свои глубокие корни. Украина, зажата между Востоком и Западом, не могла не разделиться на разные фракции сторонников и противников тех или иных соседей. В частности, именно поэтому угроза русификации ужасает всех жителей западных областей, а продвижение НАТО на восток и насильственная украинизация – соответственно жителей юго-восточных регионов. Преимущественно мотивы страха потери идентичности присутствуют в материалах собственно на темы русификации / украинизации, а также фальсификации истории (ОУН-УПА и ее лидеров С. Бандеры и Р. Шухевича, особенно, в контексте присвоения им звания героев Украины), отношение в прошлом СССР и его героев.

Обретение Украиной независимости поставило перед украинским обществом, и, прежде всего, перед его элитой проблему необходимости формирования новейшей национальной идентичности, которая бы стала залогом культурно-исторического объединения страны и построения гражданского общества. Как отмечает М. Кастельс, национальная политика будет проводиться до тех пор, пока существуют национальные страны и национальные правительства [2, С. 45-48]. Но, как показывает практика, до сих пор проблема украинской идентичности не может найти своего решения. Национальная идентичность – сложное органическое, исторически обусловленное и сложившееся явление, которое следует рассматривать в единстве внутренних и внешних связей, опираясь на его истоки, традиции и особенности воплощения. Базисной основой этого единства является идея государства, которая предусматривает реализацию и взаимодействие следующих принципов: национальной идентификации, историчности, этничности и духовности.

Как показывает опыт, в эпоху материального накопления украинское общество находится на грани потери своей национальной, культурной, территориальной и исторической идентичности. Впрочем, в эпоху глобализма проблема идентичности встала и перед другими народами. Так, в частности, сейчас угрозы для американской идентичности составляют латиноамериканцы, переехавшие в США. Чувство страха и неуверенности за свое будущее свойственно и французским канадцам. Нам следует с большим подозрением относиться к понятию «массовый страх». Наши чиновники и интеллигенция охотно приписывают феномен страха и ненависти широким массам, считая себя людьми, которые стоят выше этого. Однако, правда заключается в том, что в наши дни страхи распространяются именно властью. В этом им способствует такое вездесущее понятие, как безопасность. Оно объединяет в себе все опасности, которые только могут угрожать отдельному человеку и всему обществу, превра-

щая «опасность» в нашу ежедневную реальность и в форму нашего сознания. Наши политические лидеры с радостью выступают в роли «спасителей», заботятся о нашей безопасности. Это дает возможность для структурной манипуляции массовым сознанием.

Однако мы не считаем, что распространение информации и коммуникационных технологий увеличивает степень страха. На самом деле в обществах, где распространению информации ничто не препятствует, происходят прямо противоположные процессы, поскольку это дает возможность разнообразить источники получения информации, позволяя с большей долей скепсиса относиться к такого рода сообщениям. Например, если вы введете слово «терроризм» в поисковике своего компьютера, то вас не испугает разнообразие источников информации, которые вы найдете. Но наша власть действует иначе. Она сообщает, например, что её стало известно о предстоящем теракте в столице одной из крупных стран. Конечно же, эта информация попадает в СМИ из секретного источника и, разумеется, ее никак нельзя проверить. Нам остается только верить в правдивость этой информации и, если ничего не случится, считать, что власть была хорошо осведомлена и приняла все меры, необходимые для обеспечения нашей безопасности.

В целом, страх — это функционал государства, и этот функционал двусторонний. Во-первых, государство стремится внушать страх обычным гражданам. Во-вторых, государство пытается создавать страхи в обществе, чтобы потом выступить в качестве силы, которая способна защитить его от различных угроз. В тоталитарном государстве доминирует первый аспект: граждане должны жить в постоянном страхе, опасаясь, например, стать жертвой доноса. Наши, так называемые, демократические государства делают ударение на втором аспекте. Они постоянно эксплуатируют тему опасности, которая становится всеобъемлющим понятием, которое включает в себя терроризм, изменение климата, малозначительные преступления, безработица, иммигранты, снежные бури, финансовые кризисы и токсичные вещества в китайских игрушках. Власть демократических стран способна превратить в страх буквально все, чтобы начать оперировать фактами, а именно этим страхом. Когда рабочие оказываются не нужными компаниям, потому что те переводят производство за границу, власть говорит нам, что они «обеспокоены будущим рабочих». На практике это означает неспособность власти защищать интересы рабочих или создавать новые рабочие места. В результате рабочие оказываются как бы сами виновными в сложившейся ситуации. Это происходит потому, что наши власти все менее способны бороться с разрушительным воздействием свободного обращения капитала на наше общество, которое они обязаны оберегать. Да и желание делать это у них практически отсутст-

вует. Зато они продолжают делать то, что у них хорошо получается — бороться с иммигрантами, защищая «национальную идентичность», управлять нашими страхами, создавая все новые мнимые опасности и направляя их в нужное им русло. Эта деятельность становится настоящей целью власти, ее способом легитимизации. Такие попытки легитимизации не стоит приписывать демократии. Наоборот, это свидетельствует об отсутствии демократии: в обществе проходит все меньше демократических обсуждений, граждане теряют контроль над происходящим в обществе, а дискуссия узурпируется правительством и экспертами, которые относятся к гражданам, как к инвалидам, воспринимая себя как «врачей», которые призваны вылечить их «болезни». В действительности же они лишь стремятся поддержать этот status-quo, ведь «тяжело больным» всегда нужны «хорошие врачи».

Наши так называемые «демократические государства» становятся олигархическими, они управляются ограниченной группой политиков, которые тесно связаны с представителями финансовой верхушки. Их власть работает за счет управления ощущением опасности у граждан. Современные страхи — это не столько иррациональные страхи масс, сколько страхи, порожденные властью. Наша власть и интеллигенция охотно оперирует этими страхами. Успех ультраправых партий в нескольких европейских странах только усиливает эту мысль: такие партии являются логическим итогом государственной политики. Государство культивирует чувство опасности и страха у граждан, потому что стремится, чтобы люди чувствовали себя беспомощными и в постоянной незащищенности. Ультраправые партии дают название и образы, воплощающие врагов безопасности. Опять же, к демократии это не имеет почти никакого отношения. Напротив, здесь мы имеем дело с фактическим отсутствием демократии. Так что, будьте уверены, власть и олигархи все чаще будут «продавать» нам чувство опасности и страха, потому что оно очень дешево им обходится и приносит баснословные дивиденды. Средства массовой информации также идут в ногу со временем — они показывают нам то, чего нужно бояться, нередко приукрашивая все это острым соусом иррациональности, которую они не спешат опровергать. Однако разговоры о страхе как о рыночном товаре могут ввести нас в определенное заблуждение. Нам нужно четко определить, какие услуги предоставляет нам наша власть. Например, улучшает ли она систему образования и создает новые рабочие места, или же она работает над тем, чтобы бесперебойно снабжать нас все новыми страхами, тем самым увеличивая наше чувство опасности. Нам нужно понять, действуем мы как политически образованные граждане или всего лишь как потребители фантазий чиновников.

Современные люди живут в состоянии ежесекундной готовности к изменениям, не ожидая от них ничего хорошего: модернизация, технизация, компьютеризация, катастрофы, войны, терроризм, кризисы, беззаконие – все это пугает их. Немецкий социолог Ульрих Бек обратил внимание на то обстоятельство, что процесс модернизации общества, начавшийся вместе с индустриализацией, в конце концов, породил новые социальные конфигурации – «общество риска». Исследователь отметил тот факт, что место «общества потребности» занимает «общество страха» [3, С. 60].

Современное общество в результате подавляющего развития его технократических возможностей оказалось беспомощным перед самим собой, перед своими тревогами и страхами среди которых не последнее место занимает страх потери идентичности. На данном этапе развития украинского общества проблема остаётся открытой и требует новых исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Robertson R. Globalization: social theory and global culture / Robertson R. – L.: Sage, 1992. – 240 p.
2. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура / Мануэль Кастельс; [пер. Б.Э. Верпаховского, под науч. ред. И.О. Шкаратана, М. Кастельс]. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Ульрих Бек; [пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова]. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
4. Воропаева Т. Специфика самоидентификации этнических украинцев и русских в Украине: социально-психологические аспекты / Т.С. Воропаева // Личность в межкультурном пространстве. – Ч. 1. – М.: РУДН, 2008. – С. 23 - 28.
5. Козловець М.А., Ковтун Н.М. Національна ідентичність в Україні в умовах глобалізації / М. А. Козловець, Н.М. Ковтун; [монографія]. – К.: ПАРАПАН, 2010. – 348 с.
6. Сміт Е. Національна ідентичність. – К.: «Основи», 1994. – 536 с.
7. Шульга Н. Этническая самоидентификация личности / Н. Шульга. – К.: Институт социологии, 1996 – 199 с.

ПРОБЛЕМА ОСТРАКИЗМА И ИЗОЛИРОВАННОСТИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИЙСКОМ, СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВАХ

Досоветскую, советскую и постсоветскую интеллигенцию (или значительную её часть) на всем протяжении истории её существования часто упрекали и упрекают в некоторой оторванности от общества, её существовании в самой себе и неспособности полноценно выполнять свою некоторую важную интеллектуальную и социальную функцию в обществе. Более того, нередко интеллигенция ассоциировалась с «нигилизмом» и «декадентством», а затем и «диссидентством», то есть, такими формами своего существования в обществе, которые обозначали её неконструктивное положение по отношению к государству или обществу в целом.

Современное существование российской и постсоветской интеллигенции стало уникальным в том смысле, что ее оставили в относительном покое, переходящем просто напросто в оставление на произвол судьбы. Её, действительно, перестали третировать обязанностью следовать коммунистическим идеалам и программам, следовать «генеральной линии партии» и советской идеологии. И хотя она, наконец-то, несколько освободилась от своеобразного государственного «прессинга» и может следовать всем реальным социальным запросам, проблема ее некоторой отдаленности от общества, на мой взгляд, не решилась в полной мере до сих пор.

Понятие «интеллигенция» стало употребляться в первой половине XIX-го века для обозначения образованной прослойки общества, для которой интеллектуальный труд являлся профессией и основным видом трудовой деятельности. На наш взгляд, если рассматривать данное выделение как следующее традициям сословного общества, то интеллигенция, в этом смысле, стала таким новым сословием. Однако, с другой стороны, в России она также стала сословием с неоднозначным к себе отношением, в виду скандальности и радикальности (революционности и маргинальности) весомой ее части.

С другой стороны отметим, что оторванность российско-советской интеллигенции носила также и вынужденный характер в связи с невозможностью и трудностью реализации ей своей социальной функции, большим разрывом между идеалами и реальностью, остракизмом интеллигенции из-за ее привязанности к высоким демократическим и культурным ценностям.

Социалистическая революция сама отчасти выкинула и исторгла доставшуюся ей в наследство интеллигенцию, желая вырастить свою, «рабочую». Данный остракизм обернулся ненужностью и невостребованностью, «покинутостью» части прежней интеллигенции, личной драмой для многих интеллигентов. В этом и проявляется другая причина возникновения «оторванности»: приверженцы демократических и традиционных ценностей и не могли быть пристроены и нужны в новом, крайне «антикультурном» (в силу отрицания прежней культуры) обществе. Данное противостояние и противопоставление интеллигенции (её части) и остальных социальных групп общества привели, в конечном счете, к ряду негативных социальных стереотипов по отношению к интеллигенции, сохраняющихся и до сих пор.

В современных условиях необходимо добиваться того, чтобы интеллигенция стала представлять общество, чтобы его спокойно считали неотъемлемой частью общества. Современная российская интеллигенция имеет возможность вести бизнес, образовывать свой сектор экономики, а благодаря развитию системы частного образования, многопрофильного телевидения, интернета – и формировать общественное мнение. Более того, наконец-то, стало больше свободы для реализации своей идеолого-политической роли.

© С. Г. Анисимова
(Якутск)

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ФОНЕ ДЕКОМПОЗИЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ИЛИ «РАЗРУХА В ГОЛОВАХ»

Одним из показателей солидарности и дифференциации конкретного социума в его динамической и статической компонентах выступает социальная структура, охватывающая весь комплекс отношений, зависимостей, взаимодействий между отдельными элементами в социальных системах разного уровня.

В советское время в рамках советского варианта теории марксизма была выстроена модель трехзвенной социально-классовой структуры общества, представляемая формулой: два класса – рабочие и крестьянство и одна прослойка – народная интеллигенция [9, С. 162]. Таким образом, интеллигенция (научная, творческая и т.д.) была позиционирована, хотя и с некоторой формальной нелогичностью, в стратификационной системе общества.

На фоне общей дезорганизации последних десятилетий произошла резкая декомпозиция социальной структуры, изменившая социальные позиции индивидов, групп, слоев, страт и классов. Существенно расширились характеристики и признаки социальной стратификации, на основе которых выделяются слои «элиты», «криминалитета», «новых бедных», «новых русских» и т.д., однако интеллигенции в динамических моделях современного российского социума не находится определенного места. Более того, публицистами на основе результатов исследований «Левада-центр» делается вывод, что «в России исчезает интеллигенция» [6, С. 6].

На наш взгляд, это связано с общим кризисом идентичности личности в процессе анонимизации общества. Под идентичностью понимается «субъективное чувство и наблюдаемое качество личной самотождественности и непрерывности (постоянства), соединенное с определенной верой в тождественность и непрерывность некоторой картины мира, разделяемой другими людьми» [7, С. 91]. Фундаментом социокультурной идентичности служат смысловые ценности мировоззренческого плана, преобладающие в конкретном социально-историческом пространстве.

Современные исследователи обозначили семь главных трендов кризисного российского общества – дифференциацию, специализацию, абстрагирование, рационализацию, расколдовывание, индивидуализацию, рефлексивность [10].

Дифференциация и специализация включают процессы перераспределение власти, усиления роли виртуальных акторов, таких как журналисты, блоггеры, флеш-мобберы и т.п. Виртуализация пространства провоцирует возникновение тренда «абстрагирование», который «форсирует смешение реального и нереального, объективного и субъективного» [2, С. 5]. Параллельно проявляется тренд «рационализация», который, по мнению современных ученых, «включает в себя «разумный подход» ко всему, то есть учёт выгод и затрат, времени и денег, эмоций и повседневных контактов» [10]. Рационализация связана с интенсивным развитием культуры «быстрого поглощения» (снэк-культуры): происходит спрессовывание предметов, товаров, информационных ресурсов до такого размера, когда это удобно «прожевать и съесть». Люди теряют навыки непосредственного общения, погружаясь в социальные сети, знакомства происходят по SMS и Интернету, существенно упрощая контакты.

Глобальный тренд «индивидуализации», набирающий силу в мире, в России преломляется в «атомизацию». Индивидуализация в западном мире позиционируется как уважение к другой личности и признание ее прав и интересов. Однако, параллельно, в экзистенциальном плане постоянными спутниками людей становятся одиночество и отчуждение.

В современной реальности обнаруживает себя тренд расколдовывания, смысл которого, в трактовке М. Вебера, состоит не в том, что мир познан и понятен, но в том, что он может быть познан и понят до его последних пределов [4]. Однако в аномической реальности нарастает и обратный процесс – «заколдовывания», то есть мифологизации сознания. На фоне аберрации представлений в мифогенном пространстве индивид «теряет свое нравственное чувство, ...становится жертвой предрассудков и суеверий, ибо не способен подвергнуть здравому рассмотрению обоснованность, правдоподобность тех положений, на которых строятся его ложные, ошибочные мнения и убеждения» [13, С. 188].

Тренд «рефлексивность» завязан на возможности конструировать свою жизнь, карьеру, собственную идентичность. Социокультурные процессы, протекающие в аномическом обществе, вызывают «сдвиги» в идентификации за счет включения архаичного и аутентичного мышления, трансформации видов трудовой деятельности и способов взаимодействия, гендерно-половых стратегий (андрогения, инфантилизация, отказ от родительства, феминизация мужчин, брутализация и маскулинизация женщин, толерантность по отношению к квир-сексуальности и т. п.) и форм семейных взаимоотношений (однополая семья, гостевые браки и т. д.). В обществе уменьшается предопределенность аскриптивными статусами (полом, происхождением, возрастом, местом жительства и др.), что даёт возможность (нередко, иллюзорную) переосмыслить себя, быть другим, управлять обстоятельствами, логическими процессами, обменом вещами, рождением, старением, различными функциями организма, даже – смертью. К своей жизни индивиды стали относиться как к маркетинговому проекту, который нуждается в инвестициях, раскручивании, продажах и т. п.

В тоже время указанные тренды провоцируют тренд «психоневротизации». С. Кара-Мурза пишет, что «уровень психических расстройств в России увеличился с начала 1990-х годов до 2005 года в 11,5 раз» [5, С. 37]. В аномическом обществе распространяются такие болезни и состояния, как комплексы, фобии, мании, фрустрации, стрессы, депрессии и т. д.

Совокупность трендов трансформирует качественные характеристики личности. Ж.Т. Тощенко показал, что в переходном обществе складывается тип «парадоксального человека», склонного одновременно и осуждать, и оправдывать одно и то же, и вести себя непредсказуемым образом [12, С. 14]. Т.А. Хагуров указывает на формирование и распространение особого антропологического типа – «человека-потребителя», живущего в системе смыслов и ценностей массовой культуры потребления [14]. Человек – потребитель информации выступает как объект всевозможных манипуляций со стороны средств массовой информации. Дискомфорт,

вызываемый противоречием между имеющимся, устоявшимся представлением и поступающей фактической информацией, влечет за собой поведенческие реакции, нарушающие формальную логику: «разорванность» мышления, рассогласование мыслей, слов и поступков, усиление деструктивности. Виртуальная реальность на фоне избыточного объема информации и высокой степени ее интенсивности порождает кризис непонимания, проявляющийся как в форме искаженного видения мира, так и в форме ограниченного понимания человека человеком. Люди всё более существуют, «добру и злу внимая равнодушно», и для того, чтобы индивид определил для себя «что такое хорошо и что такое плохо» ныне требуется профессиональное и авторитетное утверждение со стороны экспертов, в роли которых выступают сотрудники СМИ, либо политические деятели.

В социально-психологическом плане диффузный образ окружающего мира ярко проявляется в когнитивном диссонансе, то есть «состоянии индивида, характеризующемся столкновением в его сознании противоречивых знаний, убеждений, поведенческих установок относительно некоторого объекта или явления, при котором из существования одного элемента вытекает отрицание другого, и связанное с этим несоответствием ощущение дискомфорта» [3, С. 256]. Нарушение конструктивности окружающего мира происходит из утраты логики событий, постоянной неопределенности бытия, когда люди не могут понять и объяснить происходящие изменения. Отсутствие ответа на вопрос: «куда влечет нас рок событий?» разрушает экзистенциальные основы бытия, вызывая и отрицание всего и вся, и обращение к экстриму, и спасение в сектах, и различные формы подготовки к Апокалипсису и Армагеддону» [1, С. 79]. Создается парадоксальная ситуация, когда у индивидов в сознании присутствуют кардинально противоположные представления о фактах, событиях и процессах. «Разруха в головах» (по меткому выражению писателя М. Булгакова) закрепляется на бессознательном уровне в виде стройной системы заблуждений, зачастую надолго удерживающей субъекта в своих пределах.

Происходящие процессы взаимосвязаны с рядом особенностей социального структурирования в условиях аномии. Во-первых, главной особенностью процесса классообразования в постперестроечной России является «растущий разрыв между бедностью большинства и богатством сугубого меньшинства» [11, С. 45]. Во-вторых, в число ведущих признаков стратификации выдвинулись материальные ценности (богатство) и доступ к административному ресурсу, то есть связи с органами власти различных уровней, а не образование, престиж профессии и т.д. В-

третьих, разрушение привычных форм организации труда, быта, культурных норм и ценностей обуславливает появление большого числа людей, утративших прежний социальный статус, что дестабилизирует ситуацию и влечет разрастание численности маргинальных и криминальных слоев. В-четвертых, медианную позицию занимают средние слои, которые являются чрезвычайно разнородными по своему социально-профессиональному и экономическому положению. В-пятых, «доминирующим в количественном отношении в российском обществе оказывался не слой бедных и даже не средний слой, а тот слой российского населения, который принято именовать малообеспеченными (около 50-60% населения)» [8, С. 5]. В-шестых, «бедные» в России всё больше проявляют признаки «классического» низшего класса (в западном понимании), так как в этих стратах практикуется только текущее потребление, неэффективные поведенческие практики, неверная расстановка жизненных приоритетов, деструктивное поведение. В-седьмых, для множества индивидов и групп российского общества стало имманентным состояние депривации, возникновение которой обусловлено жизнедеятельностью личности в условиях продолжительного лишения или существенного ограничения возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей. На фоне декомпозиции социального поля результатом кризиса идентичности личности становится индивидуальная и групповая маргинальность,

Таким образом, российская интеллигенция оказалась на перекрёстке различных трендов и процессов, порождающих маргинальность. А в крайнем варианте – люмпенство, крайне ограничивающее возможности потенциальной самоидентификации в силу массированного воздействия потребительской культуры, вызывающей снижение культурного уровня всего общества и недостатка ресурсов разного рода (властных, материальных, доступа к СМИ), позволяющих позиционироваться в социальной структуре и самоидентифицироваться в социальных взаимодействиях.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Анисимова С.Г. Введение в теорию аномии: категориальный позитивный анализ: моногр. / С. Г. Анисимова, А.К. Мамедов. – М.: Издательский дом «АТИСО», 2010.
2. Бондаренко Т.А. Виртуальная реальность в современной социальной ситуации: автореф. дисс...к. филос. н. - Ростов-на-Дону, 2007.
3. Введение в практическую социальную психологию: учеб. пособие для вузов / под ред. Ю.М. Жукова и др. - 2-е, испр. изд. - М.: Смысл, 1996.
4. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. /М.Вебер. – М.: Прогресс, 1990.

5. Кара-Мурза С.Г. Императив перехода к инновационному состоянию развития: состояние на старте / С.Г. Кара-Мурза // Социально-гуманитарные знания. - 2008. - № 2. - С.37-48.
6. Костиков В. Безмозглая Россия. Кризис интеллигенции или кризис власти / В. Костиков // Аргументы и факты. - 2012. - 26 апр.
7. Лескова И.В. Социокультурная идентичность и правовое воспитание личности / И.В. Лескова // Государство и право. - 2007. - № 4. - С.91-98.
8. Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся? - М.: Институт социологии РАН, 2008.
9. Научный коммунизм: учеб. пособие для вузов / Е.А. Ануфриев, И.В. Бестужев-Лада, Е.Л. Богина и др. М.: Политиздат, 1988.
10. Новиков А. Человеческого в нас будет оставаться все меньше [Эл. ресурс] - Режим доступа: <http://slon.ru/articles/360021/>
11. Руткевич М.Н. Трансформация социальной структуры российского общества / М.Н. Руткевич // Социологические исследования. - 2004. - № 12. - С. 40-51.
12. Тощенко Ж. Т. Фантомы общественного сознания и поведения / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. - 2004. - № 12. - С. 3-15.
13. Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. - М.: Республика, 1993.
14. Хагуров Т. А. Человек потребляющий: проблемы девиантологического анализа / Т.А. Хагуров // III Всероссийский социологический конгресс: материалы (21-24 октября 2008 г.) - М.: ИС РАН, РОС, 2008. [Эл. ресурс] - Режим доступа: http://www.isras.ru/publications_bank

© Т.В. Наумова
(Москва)

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИЙСКОМ СРЕДНЕМ КЛАССЕ?

В недавнем прошлом проблемы среднего класса у нас не существовало, как не было и самого понятия «средний класс». Трансформационные процессы, происходившие в российском обществе в начале 1990-х годов, привели к тому, что проблема создания массового среднего класса стала весьма актуальной для нас. Особенно, если учесть, что в начале 1990-х годов власть внедряла в общественное сознание необходимость создания среднего класса в новой России. Актуальность проблемы формирования среднего класса вызвана и тем, что в результате реформ наше государство стало страной, в которой люди сосредоточены на полюсах богатства и бедности. В то время как социальная середина у нас очень незначительная. К тому же средний класс, выполняющий стабилизирующую функцию в обществе, играет огромную роль в решении задачи модернизации России, становлении ее на инновационный путь развития.

У нас стали проводиться специальные исследования, посвященные проблемам среднего класса, начали выходить научные публикации по этой теме. Различные аспекты этой важной для России проблемы стали объектом исследования отечественных специалистов. За прошедшие годы по проблеме среднего класса вышло множество статей, в которых либо напрямую, либо в той или иной степени, анализировались вопросы становления и развития среднего класса в новой России. Появились и монографические работы по данной теме. Причем, интерес исследователей к проблеме формирования среднего класса на протяжении всего постсоветского периода остается достаточно высоким.

Средний класс как сложное социальное образование формируется из различных социальных слоев общества. Одним из таких социальных слоев является интеллигенция. Между тем эта проблема до сих пор не получила должного освещения в научной литературе. Нет и специальных социологических исследований, посвященных этой проблеме.

Под средним классом обычно понимают ту часть общества, которая занимает «средние», промежуточные позиции между «верхами» и «низами» и выполняет функцию социального медиатора. В большинстве развитых стран средний класс составляет не просто большинство, а подавляющее большинство общества — от 60 до 80% населения. Здесь в его состав входят «старые» слои, к которым относятся мелкие и средние частные собственники, имеющие свой небольшой бизнес.

В этих странах в средний класс входят также и «новые» слои — носители знаний, лица, владеющие интеллектуальной собственностью. Это — массовая интеллигенция, в частности, ученые, преподаватели, врачи, менеджеры — лица, которые заняты в отраслях, связанных с созданием новой информации, ее переработкой, распространением и применением. В развитых странах основу среднего класса составляют лица интеллектуальных профессий, высококвалифицированные специалисты. Важно и то, что при всей своей неоднородности там средний класс представляет собой общность, которая обладает собственными, характерными только для нее ценностями и ориентациями. Именно они и определяют характер данного общества.

Следуя современной западной научной традиции, при определении среднего класса в России, отечественные исследователи обычно используют два подхода — субъективный и объективный. Основу первого подхода составляет принцип самооценки человеком своего положения в обществе, идентификации себя с тем или иным социальным слоем.

Второй подход при определении среднего класса основан на критериях, которые не зависят от суждения человека.

Основными критериями, качественно определяющими средний класс в его классическом содержании, являются профессиональный капитал – высокий уровень образования, квалификации и культуры; величина дохода, позволяющая среднему классу обеспечивать, по меньшей мере, простое воспроизводство развитого человеческого капитала, качество жизни и стандарты потребления. По мнению отечественных исследователей [1], основными критериями принадлежности к российскому среднему классу являются: нефизический характер труда; наличие высокого уровня образования; среднемесячный душевой доход не ниже их медианных значений для данного региона страны; самооценка человеком своего социального статуса в обществе.

Если говорить о далеком прошлом России, то можно утверждать, что к ней трудно было применить понятие «средний класс». В интеллигентской этике и интеллигентской субкультуре было широко распространено мнение, согласно которому, быть богатым было стыдно, а бедным, но честным – почетно [2]. А среднего положения человека в российском обществе как бы не существовало.

В дореволюционной России наряду с другими социальными группами средним классом являлась бессловная интеллигенция и студенчество. После октябрьских событий 1917 года традиционные средние слои, которые были представлены значительной частью интеллигенции, эмигрировали или были высланы из страны. В советском обществе вновь средний класс сформировался в 30-е годы XX века. Наиболее массовыми слоями в нем стали инженеры, учителя, врачи. В позднесоветский период у нас был достаточно представительный средний класс, который развивался ускоренными темпами и занимал ведущее место в обществе. Средний класс являлся вполне благополучным социальным слоем. Стандарты его образа жизни и потребительского поведения отнюдь не уступали среднему уровню, существующему в мире. Тогда средним классом являлись до 35% интеллигенции. Это, прежде всего, такие ее профессиональные группы, как ученые, инженеры, преподаватели вузов, врачи.

Критериями выделения интеллигенции в среднем классе были достаточно благополучное по отечественным меркам материальное положение основной массы интеллигенции, занятой в области образования, науки, здравоохранения. К примеру, профессора и преподаватели вузов получали заработную плату, превышавшую даже заработную плату чиновников, высокий социальный престиж и статус в обществе. Хотя надо заметить, что по уровню доходов и имущественной обеспеченности наша интеллигенция значительно отставала от интеллектуалов, составляющих западный средний класс.

Кроме того, отечественная интеллигенция, входившая в состав тогдашнего среднего класса, обладала высоким интеллектуальным и творческим потенциалом. Немало его представителей окончили самые престижные высшие учебные заведения страны – МГУ, Ленинградский университет, МИФИ, МФТИ. В целом ряде направлений в мировой иерархии интеллектуально развитых стран представители интеллигенции, входившие в средний класс, занимали первые позиции.

Важно отметить и то, что немалая часть интеллигенции в советское время, являющейся средним классом, обладала высокой самооценкой, чувством собственного достоинства, уверенностью в будущем. К тому же интеллигенция выступала носителем национальной культуры, выполняла функции культурного объединителя общества, выражала интересы всего общества.

Существует ли в новой России средний класс как социальное образование, обладающее признаками, которые характеризуют его материальные ресурсы, культурный капитал и социальный статус? На этот вопрос пока нет единого ответа. Согласно одной точке зрения, передел государственной собственности под видом приватизации и реформы начала 1990-х годов привели к тому, что у нас средний класс, по сути дела, был практически уничтожен[3]. Аналогичную точку зрения высказывают и те авторы, которые полагают, что средний класс в новой России – это фикция[4]. Ибо, по сравнению с западноевропейским (подлинным) средним классом, российский средний класс находится за чертой бедности.

Основанием для такого утверждения служит то, что у нас были созданы крупные, но не средние и мелкие собственники. Основные ресурсы страны стали достоянием не более 1% населения. К тому же не был создан значительный слой эффективных собственников. Нельзя не учитывать и то, что преобразования в России привели к утрате интеллектуального и образовательного ресурса. К тому же общество в новой России распалось на два неравноценных полюса, пропасть между которыми постоянно увеличивается. На одном полюсе – богатые и очень богатые люди, составляющие не более 5% населения страны. На другом полюсе находится подавляющее большинство россиян, которое ведет нелегкую борьбу за существование.

Что касается интеллигенции, то, происходящий в современной России процесс поляризации, раскол ее на отдельные социальные группы – элитарную и массовую, имеющую различную перспективу развития. В состав элитарной интеллигенции входят те ее представители, которые имеют власть, капитал и определенный интеллектуальный потенциал. Это – квалифицированные специалисты в области политики, бизнеса,

науки, образования и т. п. Массовую часть интеллигенции составляют преподаватели ВУЗов, работники науки. В новой России в состав «верхнего» полюса общества входит верхушечная прослойка интеллигенции, то есть высококвалифицированные профессионалы – известные адвокаты, врачи, ученые. В то же время подавляющая часть интеллигенции, а именно, учителя, преподаватели ВУЗов, рядовые врачи, инженеры составили «нижний» слой российского общества.

Социальная дискредитация среднего класса в ходе преобразований в современной России привела к деградации ее «традиционных» слоев. Это выразилось в резком ухудшении их социального положения. «Новые» социальные слои в среднем классе, представленные людьми интеллектуальных профессий, далеко не все смогли выжить за счет традиционного для них труда по своей профессии. Уровень жизни, социальный статус и престиж в обществе «новых» средних, представленных интеллигенцией, резко понизился, и большинство оказалось на обочине жизни. Поэтому есть основания считать, что сегодня представители интеллигенции в массе своей не могут претендовать на устойчивое среднее место в социальной иерархии.

Социальные и культурные трансформации в России привели к тому, что наше общество стало резко дифференцированным и социально поляризованным. Рост реальных доходов граждан происходит в основном у их обеспеченных слоев. Естественно, это не способствует созданию благоприятных условий для формирования массового среднего класса, в том числе и за счет лиц интеллектуальных профессий.

Часть отечественных исследователей придерживается противоположной точки зрения на наличие у нас среднего класса, включая в его состав и интеллигенцию. Согласно ей, значительная часть представителей среднего класса, в том числе и интеллигенция, сохранила собственную идентичность. У нас продолжает существовать довольно многочисленный средний класс, который был создан еще в советское время. Вместе с тем в современной России развивается новый средний класс, который достиг значимой численности. В его состав входит и интеллигенция [5].

В фокусе внимания российских исследователей находятся проблемы, касающиеся определения границ среднего класса в новой России, его имущественного статуса, ценностного мира, культурных и политических предпочтений. В связи с этим отметим, что вопрос о существовании в современной России вообще среднего класса, критериях его выделения и численности является предметом дискуссии среди специалистов. По нему высказываются полярные точки зрения.

Большинство специалистов сходится во мнении, что сегодня у нас средний класс (его называют по-разному: «прототипом среднего класса», «средней прослойкой», «средним потребительским слоем», а нередко так называемым средним классом) расширяется и укрепляется, представляя собой активную социальную группу населения. Согласно данным одних исследователей [6], средний класс в постсоветской России насчитывает четверть (в крупных городах – треть) занятого населения. По данным других исследователей [7], средний класс у нас составляет около 40% активного населения. Однако в дальнейшем один из авторов этой работы (Н.Е.Тихонова) дает менее оптимистическую оценку доли среднего класса в нынешней России – 26%. Это, вне всякого сомнения, свидетельствует о крайней узости этого слоя в современном российском обществе.

Как представляется, основным источником формирования этого среднего класса являются лица, в большинстве своем, имеющие не только высшее образование, но и выходцы из наиболее образованных слоев общества, и проживающие в крупных городах. Что касается формирования среднего класса за счет лиц интеллектуальных профессий, то этому способствует распространение информационно-коммуникационных технологий, инноваций, изменение трудовой мотивации и ценностных представлений интеллигенции.

Существует и менее оптимистическая точка зрения о численности в нашей стране среднего класса, в том числе и за счет интеллигенции. Согласно ей, число представителей среднего класса за все годы преобразований вряд ли превышают 7-10% населения [8]. Причем средний класс растет главным образом за счет его пополнения чиновничеством, которому созданы наилучшие условия жизни и работы, а также лицами, занятыми в торговле и в сфере финансов. В то время как положение традиционных профессиональных групп среднего класса – врачей, учителей, инженеров, ученых, особенно в условиях экономического кризиса ухудшилось. В конечном счете, это не способствует росту численности среднего класса, его пополнению за счет лиц, массовых интеллектуальных профессий.

Представители интеллигенции, относящиеся к нынешнему среднему классу, сосредоточены лишь в Москве, отличающейся высоким уровнем централизации экономической и культурной жизни, развитием коммуникаций, высоким уровнем образования и квалификации людей, уровнем научного потенциала, и в Санкт-Петербурге, а также в некоторых крупных российских городах. В то время как в средних городах, а, особенно, в провинции средний класс ничтожен.

Известно, что средний класс, как комплексное социальное образование, дифференцируется по сектору занятости (государственный или частный): делится на верхний, собственно средний и нижний средний класс. Согласно эмпирическим исследованиям [9], в постсоветской России большинство представителей среднего класса заняты в государственном секторе экономики (46%). В то время как на приватизированных предприятиях – 11%, на вновь созданных частных предприятиях (основу которых составила государственная собственность) – 23%. В численном составе всего среднего класса его верхний (высший) слой составляет 20%; собственно средний класс – 28%; в состав нижнего слоя входит 41% населения. Именно этот слой среднего класса и определяет общую картину всего среднего класса современного российского общества.

Что касается интеллигенции, то в состав верхнего слоя среднего класса входит незначительная часть квалифицированных специалистов, относительно узкий слой интеллигенции, занятой в основном в гуманитарных науках. Эта часть интеллигенции существенно отличается от остальной ее части, приближаясь к богатым слоям российского общества. Этому способствует занятие интеллигенции выполнением чрезвычайно доходной функцией – экспертной, заключающейся в выработке стратегий социально-экономического развития страны, для осуществления которой необходима интеллигенция, занятая в социальных и гуманитарных науках.

К среднему слою – собственно среднему классу – относится та часть интеллигенции, которая занята в частном секторе экономики, особенно, в нефтяных и газовых отраслях хозяйства. За прошедшие 20 лет она обеспечила себе нормальный, не только по российским меркам уровень жизни благодаря традиционному для нее труду по своей профессии.

Нижний (бедный) слой среднего класса составляет главным образом массовая интеллигенция, занятая преимущественно в государственном секторе экономики, так называемые бюджетники, либо на приватизированных предприятиях. По своему статусу, доходу, уровню и качеству жизни представители нижнего слоя среднего класса гораздо ближе к бедным, чем к собственно среднему классу.

Важно отметить, что наличие высшего образования само по себе еще не гарантирует попадание человека в средний класс. Одним из основных критериев при вхождении в него является уровень материального благосостояния. Конечно, по своим имущественным характеристикам и стандартам потребления средний класс в новой России, в том числе и представленный интеллигенцией, существенно отличается от других групп общества. Однако если сравнивать российский средний класс и средний класс

развитых европейских стран и США, то отечественный средний класс в большинстве своем, включающий и лиц интеллектуальных профессий, не соответствует высоким западным стандартам по уровню материального благосостояния, а, следовательно, по образу и стилю жизни. У нас лица, занятые в сфере науки, образования, а особенно культуры, то есть, там, где больше всего сосредоточено высококвалифицированных специалистов, обычно входят в первую пятерку снизу по уровню оплаты труда в стране. Меньше их получают только работники сельского хозяйства.

К тому же средний класс в новой России, включающий и интеллигенцию, не обладает ни солидным капиталом, ни ценными бумагами, ни рентой, ни высоким социальным престижем. Естественно, это не делает интеллигенцию одним из источников формирования среднего класса в современной России.

Но, если говорить в целом, то отечественный средний класс, включающий в себя и интеллигенцию, характеризуется лучшими условиями жизни, стремится реализовать свой культурный капитал, ориентирован на интенсивный и хорошо оплачиваемый труд.

Важнейшими критериями среднего класса являются его социально-политические, культурные и морально-нравственные ценности, мировоззренческие установки. Что касается российского среднего класса, то он имеет различные интересы: частично средний класс является сторонником капиталистической рыночной системы, частично – сочетания различных идей, избегающих крайностей, частично – сторонником русского национального возрождения. Однако в целом в большинстве своем средний класс не придерживается никакого идейно-политического течения [10].

У отечественного среднего класса отсутствуют свои политические партии, а отношение к существующим политическим партиям у него крайне скептическое. В большинстве своем в работе политических партий, митингах, демонстрациях, забастовках участвует малое число представителей среднего класса, в том числе и интеллигенции. Причиной этому служит отсутствие тех общественно-политических сил, которые выражали бы интересы среднего класса. Кроме того, средний класс осознает, что лишен возможности оказывать влияние на принятие важных для страны решений.

Российский средний класс, включающий в себя интеллигенцию, высоко оценивает личную заинтересованность в труде, а также значимость такой ценности, как свобода, возможность для проявления самостоятельности, личной самореализации, ответственности за собственную судьбу.

Из человеческих качеств, которые наиболее ценит средний класс, стоит профессионализм. Следует отметить, что далеко не в полной мере у российского среднего класса сформирована соответствующая система морально-нравственных и духовных ценностей. Для него характерна ярко выраженная индивидуалистическая тенденция. Средний класс отрицает ценности солидарности. Чувство долга, равнодушие в иерархии качеств человека стоят у него на последнем месте [11].

Мы полагаем, что в современной России большинство представителей традиционных групп интеллигенции – врачи, учителя, ученые, инженеры могли бы стать важным источником формирования «нового» среднего класса. Однако вступление России в начале 1990-х годов в эпоху радикальных перемен привело к деградации интеллектуального потенциала страны. Этому способствовали низкий уровень государственного финансирования таких важных сфер человеческой деятельности, как наука, образование, здравоохранение, а отсюда резкое ухудшение материального положения подавляющей части интеллигенции. Важно и то, что жизненные стандарты и потребительские ожидания значительной части интеллигенции являются одними из наиболее низких в стране. Российская интеллигенция не обладает высоким качеством жизни и потому вряд ли способно выполнять функцию социального стабилизатора общества. Резко упали социальный статус, престиж и стиль жизни интеллигенции в обществе.

Следует также отметить, что в развитых странах одной из наиболее важных характеристик среднего класса в его классическом смысле является то, что это носитель национальной культуры. Кроме того, здесь средний класс является основным носителем традиционных норм и знаний и выразителем общественных интересов. Потому, он и выполняет функцию культурного интегратора в обществе.

Что касается нашего недалекого прошлого, то интеллигенцию в целом характеризовало определенное единство социальных и культурных установок. Однако этого нельзя сказать о нынешней российской интеллигенции, как составной части среднего класса. В результате радикальных перемен в обществе в среде интеллигенции произошел раскол между различными социокультурными силами. Можно смело утверждать, что далеко не вся современная российская интеллигенция придерживается только традиционной культуры и традиционных ценностей.

Итогом радикальных преобразований явилось разрушение прежних культурных норм и ценностей. У советской и постсоветской интеллигенции, особенно ее молодого поколения, входящих в нынешний средний класс, присутствуют разные социокультурные установки. По словам со-

циолога Л.Бызова [12], сохранившиеся «еще советские профессора и инженеры кажутся оазисом высокой культуры и духовности». Эта часть бывшей советской интеллигенции знает и ценит русскую культуру прошлого.

Вместе с тем среди части бывшей советской интеллигенции, но особенно молодого поколения современной российской интеллигенции (а именно, она и составляет ныне у нас средний класс) немало тех, кто оторвался от «почвы», от своих национальных корней и традиций. Эта часть российской интеллигенции является носителем новой посттрадиционной и постсоветской культуры. Для нее характерна ориентация на индивидуалистический успех, собственную карьеру, материальный достаток, комфортную жизнь, эта часть интеллигенции хочет жить здесь и сейчас, и для себя.

Конечно, нельзя отрицать того, что комфортная жизнь, к которой надо стремиться, и общие цели – вещи вполне совместимые. Плохо то, когда ценится только материальное благополучие и комфорт в жизни. Важно и то, что по сравнению с интеллигенцией нашего недалекого прошлого, в современной российской интеллигенции уже не так много людей, обладающих высокой духовной культурой, а также обширными и разносторонними знаниями, специалистов с высоким уровнем профессиональной подготовки. Особенно это касается молодых представителей интеллигенции.

Итак, негативные тенденции в интеллектуальной сфере, а, именно, низкий уровень финансирования науки, образования, культуры, резкое снижение уровня жизни интеллигенции, падение престижа и статуса труда интеллигенции, в том числе и на государственном уровне, низкая привлекательность науки, образования и культуры отнюдь не способствуют формированию среднего класса в России за счет интеллигенции.

Мы считаем, что источником формирования в новой России среднего класса за счет интеллигенции являются только те ее представители, которые играют новые социальные роли в обществе. Это в основном те группы интеллигенции, которые заняты в частном секторе науки, образования, а также на крупных приватизированных и частных предприятиях. Эта часть интеллигенции имеет высокий уровень жизни, доходы порядка нескольких тысяч долларов в месяц, в том числе и за счет грантов зарубежных научных фондов, обладают соответствующей имущественной базой, ее знания и опыт востребованы. Положение этой части интеллигенции приближается к положению интеллектуалов западных стран. Они имеют возможности для профессионального роста, способны к овладению новыми знаниями и успешно конкурируют на рынке труда.

Средним классом является и та часть российской интеллигенции, которая интеллектуально обслуживает власть, у которой находятся большие деньги, предлагает ей эффективные прикладные политические технологии, открывающие доступ к капиталу и ресурсам. Речь идет о таких профессиональных группах интеллигенции, как социологи, политологи, имиджмейкеры, разработчики избирательных технологий и т.д. За прошедшие со времени становления новой России годы, эта часть интеллигенции не только сохранила то, что она имела в советское время, но и существенно приумножила свое благосостояние, имеет достойно высокий статус и престиж в обществе.

В заключение отметим, что средний класс на протяжении всех лет преобразований является главным дефицитом в российском обществе. Но у среднего класса в новой России есть будущее. Говоря о том, может ли интеллигенция идентифицировать себя со средним классом, есть ли ей место в среднем классе в новой России, надо учитывать следующее. Необходимо последовательная государственная политика, направленная на рост уровня материального благосостояния интеллигенции, повышение ее статуса и престижа в обществе, особенно тех ее социальных групп, кто, по словам В.Путина, «тащит на себе страну, - врачей, учителей, инженеров...». К тому же необходимо создание в современной России нормально функционирующего общества, предъявляющего спрос на опыт, знания и способности интеллигенции. Без этого невозможно создание полноценного среднего класса в России и его формирование за счет интеллигенции.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Тихонова Н.Е. Средний класс: теория и реальность / Н. Е. Тихонова, С.В. Мареева. М., 2009. – С.89-90.
2. Соколов А.В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории / А. В. Соколов. СПб., 2007. – С.145.
3. Симонян Р.Х. Средний класс: социальный мираж или реальность? / Р. Х. Симонян // Социологические исслед. – 2009. – № 1. – С.59.
4. Симонян Р.Х. Средний класс: социальный мираж или реальность? / Р. Х. Симонян // Социологические исслед. – 2009. – № 1. – С.59.
5. См. Свобода. Неравенство. Братство. Социологический портрет современной России. М., 2007. – С.240.
6. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М., 2010. – С.139.
7. Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Указ работа. С.93-95; Тихонова Н.Е. Средний класс как гарант стабильности и основа для консолидации российского общества / Н.Е. Тихонова // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М., 2010. – С.40.

8. Сигрин В.В. Противоречивые итоги президентства В.Путина / В.В. Сигрин // Общественные науки и современность. 2009. – № 1. – С.76.
9. Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Указ. работа. С.100-103.
10. Средний класс в современной России. М. 2008. – С. 127, 128, 136.
11. Средний класс в современной России, С.101, 102, 121.
12. Литературная газета, 2-8 ноября 2011 г.

© О. Д. Барлукова
(Улан-Удэ)

МЕСТО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СТРУКТУРЕ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Первоначально необходимо уточнить понятия интеллигенции, используемые в русском, китайском и английском языках. В английском языке редко употребляется термин «*intelligentia*», чаще «*intellectual*». Как правило, оно обозначает «людей с высшим и средним специальным образованием, занятых умственным трудом». В китайском языке современное значение слова «интеллигенция» буквально переводится как «часть общества, обладающая знаниями». Мы считаем, что данные значения не учитывают всю специфику понятия «интеллигенция». Наряду с социологическими критериями необходимо учитывать и нравственно-этический, так как интеллигенция являлась хранителем всех этических норм, закрепленных в китайском обществе. В данном исследовании базовыми будут служить определения данные И.И. Осинским: «Интеллигенция – социальный слой, члены которого функционально заняты сложным умственным трудом и обладают общепризнанными развитыми культурно-нравственными качествами»[1] и М. Вебера: «Интеллектуалы – это группа лиц, являющаяся носителями культурных ценностей и достижений в обществе»[2]. Данные определения точно характеризуют социальный слой «ши» в Китае, который являлся самым образованным слоем, и являлся хранителем культурных и этических ценностей китайского общества.

Генезис китайской интеллигенции связан с социальным слоем «ши» (шижэнь). Все виды духовной деятельности в древнем Китае были непосредственно связаны с ши, а умственный труд стал их монополией. Многие известные в истории Китая теоретические труды были созданы представителями «ши». Мыслители доциньского Китая принадлежали к данному социальному слою, и в этом смысле, как считают некоторые китайские ученые, понятия «ши» и «интеллигенция» были синонимами[3]. Социальный слой «ши» стал главным субъектом культуры и интеллектуального потенциала древнего и средневекового Китая. Он стал носителем тенденций, утверждавших приоритет образования, норм морали и профессиональной компетенции.

В условиях распространенной в эпоху Чжоу системы наследственных пожалований сложилась пирамидообразная иерархическая структура общества, внутри которой выше «ши» располагались Сын Неба (император), чжухоу (князья) и дафу (сановники, министры). Отсюда следует, что в условиях названной системы ши составляли низший слой аристократии, располагаясь в структуре социальной иерархии ниже слоя дафу, возвышаясь над простонародьем, которое обозначалось понятиями «шужэнь» или «шуминь»[4].

С наступлением эпохи Чуныцзо (VIII – V вв. до н.э.) в социальном статусе ши произошли коренные изменения, связанные с распадом системы земельных пожалований эпохи Западного Чжоу (1027 – 771 гг. до н.э.). В эпоху Чжаньго (V – III вв. до н.э.) ши уже не входили в состав аристократии, а превратились в верхний слой «четырёх категорий народа» («сыминь»). Этими «четырьмя категориями» были: ши, торговцы, земледельцы и ремесленники. Граница между социальными слоями ши и шужэнь (шуминь) оказалась размытой. Ши перешли из низшего слоя аристократии в верхний слой «четырёх категорий народа»[5].

Превращение ши из сословия в социальный слой привело к появлению нового понятия – «шидайфу». До эпохи Чжаньго понятиями «ши» и «дайфу» обозначались два примыкавших друг к другу социальных статуса. Второй был выше первого. Особенность нового социального слоя шидайфу заключалась в том, что в его рядах объединялись интеллигенция и чиновничья бюрократия. Между первоначально существовавшими ши, и появившимися в последствие шидайфу, существовало одно существенное различие: шидайфу владели (собственной) землей, а ши нет. Иными словами ши не обладали экономической самостоятельностью.

Таким образом, различие между представителями социального слоя ши двух эпох – Западного Чжоу и послеконфуциевой – заключалось в том, что на менталитет первых накладывали ограничения их социальные и политические статусы, а менталитет вторых был уже освобожден от этих ограничений. В результате появления этого различия впервые в истории Китая возникли истоки формирования интеллигенции.

Интеллектуальные процессы, протекавшие в эпоху Тан (618 – 907 гг.) и Сун (960 – 1279 гг.), характеризуются определяющим влиянием «ши» на политику и культуру Китая. Социальный слой «ши», за шесть веков претерпел сложные социальные трансформации. Строить танское государство начинали «ши» – представители знатных родов, а к концу Северного Сун «ши» стали местной политической элитой необязательно знатного происхождения.

С момента создания Китайской Народной Республики в 1949 г. встал вопрос об отношении к интеллигенции. Данная проблема уходит своими корнями в события прошлого. В Китае с конца XIX в. по конец 20-х годов XX в. происходил процесс вычленения интеллигенции из слоя ученых – шэньши, которые на протяжении веков управляли Китаем. По мнению П.Сорокина, они определили «литературный» и непрактический характер правительства мандаринов, которое представляло собой правительство интеллигентов[6]. В стране стала появляться современная, «органическая», по терминологии А.Грамши, интеллигенция. Часть «традиционной» интеллигенции, разуверившись в конфуцианских канонах и догмах, обратила свой взор к философским, политическим и экономическим учениям, сложившимся в странах Запада. При этом представители современной интеллигенции – инженеры, врачи, ученые, юристы (их называли синьшэнь – новые шэньши) – воспринимали западную культуру сравнительно естественным путем: они учились в странах Европы, а иногда там же начинали работать, не имея возможности овладеть профессией в Китае.

До 1949 г., согласно расчетам Л. Орлеанса, Китай располагал всего лишь 148 тысячами дипломированных специалистов высшей квалификации. В 1949 г. численность научных работников составляла не более 50 тыс. чел., среди них не более 500 вели научно-исследовательскую работу. В стране насчитывалось не более сорока научно-исследовательских организаций. О нехватке научных кадров свидетельствует тот факт, что первый список Академии Наук КНР насчитывал всего лишь 233 фамилии. Одновременно отраслевые организации создали свои научно-исследовательские учреждения. К 1955 г. существовало уже 840 научно-исследовательских институтов, контингент научных работников возрос до 400 тыс. чел.[7].

Положение интеллигенции в 50-70-е годы XX в. было неустойчивым. В руководстве КНР проявлялись две тенденции по отношению к интеллигенции, связанные с противоборством Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая. Результатом этих дискуссий стало преобладание авторитета и взглядов Мао Цзэдуна и во время «культурной революции» интеллигенция была причислена к социальным изгоям. Считается, что из-за «культурной революции» Китай потерял, по меньшей мере, один миллион выпускников и 100 тысяч аспирантов. По китайским данным, на конец 1970-х гг. численность интеллигенции равнялась двадцати пяти миллионам человек[8].

Современная структура китайского общества представляет собой пеструю и сложную картину. По мнению Е.Г. Пашенко, до настоящего

времени, границы основных классов общества окончательно не сложились, между ними сохраняются промежуточные слои и группы, которым не свойственны четкие классообразующие признаки[9]. Место интеллигенции окончательно не установлено, также остается зависимым от государственной политики.

Период модернизации, последовавший после «Культурной революции» повысил роль интеллигенции в китайском обществе. Хотя контроль и давление со стороны партии сохранились, и время от времени усиливались, что показали различные кампании 1980-х годов. В целом, с начала преобразований в стране престиж интеллигенции возрос.

По данным социологических исследований, проведенных китайскими и американскими исследователями в Пекине и Тяньцзине в 1983 и 1988 годах соответственно, по вопросу о статусе различных, профессиональных групп наивысший балл получили профессии, ассоциируемые с высоким уровнем образования и особой квалификацией (ученые, врачи, инженеры, писатели и преподаватели вузов), а также кадровые работники центральных и провинциальных органов управления[10]. Сведения о количестве интеллигенции в КНР противоречивы. По подсчетам западных исследователей в 1980-е годы удельный вес лиц, имеющих высшее и незаконченное высшее образование, в КНР составлял 0,6% от всего населения[11]. Из расчета общей численности населения в один миллиард двести миллионов человек приблизительно получаем цифру семь миллионов двести тысяч. Согласно данным всекитайской переписи населения 1982 г. в КНР насчитывалось 26,46 млн. человек, имевших высшее и среднее специальное образование, а также 8,13 млн. человек, занимавших руководящие должности на предприятиях и организациях. Таким образом, в 1985 г. общая численность социального слоя интеллигенции оценивалась примерно в 34 млн. человек (6,8 % экономически активного населения)[12].

Экономические реформы, изменение и возникновение новых форм собственности повлекли за собой трансформацию социальной структуры. Основу социальной структуры составляют социальные слои и классы китайского общества, характеризующиеся вертикальной связью типа «руководство — подчинение», патернализмом и клановостью. Данные типы связей начинают претерпевать изменения с введением рыночной экономики. В государственной социалистической экономике доступ к ресурсам регламентирован чиновничьей бюрократией. Рыночный обмен стимулирует развитие горизонтальных связей между субъектами экономики и снижает ценность вертикальных связей.

В последние годы появились новые слои, социоструктурные образования: предприниматели и менеджеры, кооператоры, фермеры, свободные профессионалы, наемные работники в частном секторе, безработные и другие. Согласно данным общекитайского выборочного исследования, проведенного в 1994 г., высшее образование имели 17 % инвесторов и владельцев частных предприятий. 72 % окончили среднюю школу 1-й и 2-й ступени или получили среднетехническое образование и только 1 % неграмотных[13]. Эти данные свидетельствуют об изменении места интеллигенции в структуре китайского общества.

По мнению Э.П. Пивоваровой основными критериями стратификации китайского общества являются объем властных и управленческих функций, размер имущества и доходов, профессиональный и образовательный уровень. Руководствуясь такими основополагающими политическими, экономическими и социокультурными критериями, в современном Китае различают примерно пять социальных слоев: верхний, выше среднего, средний, ниже среднего, нижний. Интеллигенция занимает самый большой удельный вес (относительно других слоев) в слое «выше среднего» и, особенно, в «среднем». Существенно повысился в конце 1990-х годов статус высшей интеллигенции, многократно увеличились доходы тех, кто готовит поколение образованных людей[14].

По мнению исследовательницы Хэ Циньянь, нынешнее китайское общество можно грубо разделить на: небольшой правящий слой, более значительный средний и большие маргинальные группы. В правящем слое выделяются три группы – политическая, экономическая и интеллектуальная. Политические и экономические правящие слои составляют около 7 млн. человек или 1 % занятого населения. К 1998 г. 20% предпринимателей имели университетское образование. Внизу находятся научные сотрудники, юристы, преподаватели высшей и средней школы, сотрудники государственного аппарата среднего уровня и т.п. – всего 82 млн. человек, или 11,8% работающего населения[15]. Отсюда следует, что интеллигенция на этапе сегодняшней модернизации занимает важное место в структуре китайского общества. На первой Всекитайской конференции по теориям модернизации в ноябре 1988 года отмечалось, что степень грамотности и профессиональной подготовки являются важными индикаторами успеха преобразований современного общества. Китайская интеллигенция оказывает активное влияние на реформы, проходящие в стране. Это выражается как в разработке новых стратегических вопросов реформирования экономики, так и в политических демонстрациях. Правительство вынуждено искать новые подходы в диалоге с интеллигенци-

ей, так как на современном этапе глобализации и интеграции мирового сообщества без высокообразованного общества и без лояльно настроенной интеллектуальной элиты невозможно конкурировать и процветать ни одной стране.

Обобщая вышесказанное можно констатировать: китайская интеллигенция имеет глубокие корни, основы формирования заложены в древности и связаны с общественным разделением труда; в начале формирования китайская интеллигенция представляла собой небольшую группу людей, которая трансформировалась в сословие, а затем в социальный слой; место интеллигенции в структуре китайского общества характеризуется как неустойчивое, зависимое от политики государства и его руководителей, но с момента модернизации общества после «культурной революции» место и роль интеллигенции становятся все более значительными; в современном модернизирующемся обществе китайская интеллигенция стала социальной группой, с которой связывают и от которой зависит будущее КНР.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Осинский И.И. Интеллигенция: национальные и региональные проблемы / И.И. Осинский // Интеллигенция в современном обществе: национальный и региональный аспекты. – Часть 1.- Улан-Удэ: БГУ, 1997. – С. 3. From Max Weber. Gerth H.H. and C.Wright Mills (eds). – NY, 1946. – p.17.
2. Лю Цзэхуа, Лю Хунтао, Ли Жуйлань. Шижэнь юй шэхуй (сянь Цинь цзюань).- Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 1988. – № 4. – С.217.
3. Янь Буке. Шидайфу цзенхэ ды синче // Вэньши чжиши.- Пекин, 1989. – № 9. – С.14.
4. Юй Инши. Интеллигенция в Китае: исторический обзор // Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. 5. Зарубежная литература. Сер.10, Китаеведение. – 1992. – № 1. – С.111.
5. П.Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политическая литература. – 1992. – С.414-415.
6. Сташевский В.А. Некоторые вопросы организации научной деятельности в КНР// Интеллигенция: место в обществе и политика руководства КПК. – М., 1978. – С. 57.
7. Qu Shipai. Zhongguo daxiejiaoyu fazhanshi.-Shanxi, 1993. – P.648. – (Развитие университетского образования в Китае)
8. Е.Г.Пашенко. Социально-классовая структура общества // Государственный строй КНР. – М., Наука, 1998. – С. 73-82.
9. Престиж профессий среди городского населения Китая // Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10, Китаеведение. – 1998. – № 2. – С.19-24.
10. Merle Goldman. The Intellectuals in the Deng Xiaoping Era // State and Society in China. – Boulder. – 1992. – P. 67.

11. Экономика КНР в 80-е годы: стратегия, проблемы и тенденции развития. — М., 1991. — С.221
12. Чуванкова В.В. Влияние развития индивидуального и частного секторов экономики на формирование социальной структуры китайского общества // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI в. Тез.докл. VII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История. Современность, перспективы». Часть 1. — М.: РАН ИДВ, 1996. — С.47-51.
13. Э.П.Пивоварова. Социальная трансформация китайского общества. — С.51.
14. Хэ Циньянь. Складывается новая социальная структура Китая.- Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10. Китаеведение. — 2001. — № 3. — С.9-15.

© Ю.Г. Бюраева
(Улан-Удэ)

РОЛЬ И МЕСТО СЛОЯ МЕНЕДЖЕРОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Переживаемый Россией и ее регионами период трансформационных процессов носит уникальный характер. За короткое время произошла полная смена всех основ жизнедеятельности общества, системы ценностей. Начавшееся в результате принятия программы «500 дней» в 1991 г., главной целью которой являлся полный отказ от административно-командной системы управления, перераспределение собственности и власти обусловило трансформацию социальной структуры российского общества. Взамен сословно-этакратической структуры советского периода, характеризующейся слитными отношениями собственности и власти, сформировался специфический тип социальной стратификации на основе сочетания сословной иерархии и элементов классовой дифференциации, в виде появления страты частных собственников и наемных рабочих. В настоящий момент их границы достаточно размыты, что обуславливает одновременное обладание обоими статусами представителями этих страт. Однако это не ставит под сомнение классовый характер отношений тех, кто обладает собственностью, правом управлять и распоряжаться ею, получать доход от своего вложенного в дело капитала, и тех, кто продает свою рабочую силу, получая доход в виде платы за нее[1].

Таким образом, главным социально-дифференцирующим фактором выступают уже не столько отношения господства-подчинения, разделявшие ранее советское общество по вертикали: партийно-государственная элита — трудящиеся массы, а реальная многоукладность отношений собственности — факторы экономического характера.

В сложившейся социальной структуре помимо классических типов экономических классов (класс собственников и класс наемных работников) формируются промежуточные группы, обладающие «смешанным» социально-классовым статусом, наиболее значимым из которых является слой менеджеров как руководителей рыночного типа. Властные отношения, соотношение господства и зависимости, руководства и подчинения проникают во все сферы общественной жизни, во все области социальных отношений и наряду с отношениями собственности становятся важнейшим компонентом стратификационной структуры общества. Можно говорить о наличии многообразия форм власти. В эту систему включается и власть административно-должностная. Исследования, проведенные Институтом социологии РАН (руководитель З. Т. Голенкова) в 1995–2001 гг. в различных регионах страны, фиксируют одну и ту же закономерную тенденцию – дальнейшее укрепление позиций группы администраторов-руководителей, которая уже фактически сформировалась как господствующая и привилегированная страта [2].

В западных странах менеджеры, став субъектами управления, стали обладать мощным властным ресурсом, конвертируемым ими в ресурс политического влияния, высокого статуса и материальной обеспеченности. В России ситуация усложняется тем, что формальные институты собственности и управления недостаточно развиты, что проявляется в обращении управленческим слоем имеющихся у него ресурсов в собственность. В то же время собственность конвертируется в управленческие позиции, что позволяет собственнику внимательно наблюдать за процессами на предприятии и участвовать во всех важных решениях, принимаемых здесь. Совмещение позиций менеджеров высшего звена и собственников рождает так называемый «семейный» тип управления предприятием, который играет роль щита, охраняющего и тех, и других от особенностей рыночной среды, не имеющей устойчивых институтов [3]. В этой ситуации проявляется определенная российская специфика, вытекающая из ее культурного и исторического опыта.

Впрочем, и на Западе наблюдаются аналогичные тенденции. Границы социальных групп менеджеров и собственников все более размываются. Однако там это происходит в результате долгого естественного развития, в России в большей степени вызвано неполноценностью и неравномерностью развития постсоветского капитализма. Общеизвестна практика наделения топ-менеджеров небольшими пакетами акций или опционами с целью заинтересовать менеджера в максимально эффективной деятельности предприятия. Кроме того, некоторые социологи в период расцвета

«революции менеджеров» заметили, опираясь на высказанный М. Вебером еще в 1925 г. тезис о том, что контроль над менеджерами может оставаться в руках собственников, однако осуществляться со стороны, а не изнутри организации. Так, американский социолог М. Цейтлин [4] считал, что контроль в организации осуществляют менеджеры в интересах частной собственности. Факт, что собственник больше не может присваивать управленческие функции, означает скорее не отделение контроля от собственности, а управленческих функций от нее. Поэтому сегодня главный вопрос состоит не в том, насколько собственник внедрен в аппарат управления, а кто осуществляет контроль над этим аппаратом. Современный механизм взаимоотношений собственников и менеджеров настолько сложен, что его невозможно описать количественными характеристиками, приводимыми сторонниками теории «революции менеджеров». В каждой конкретной компании ситуация меняется. Кроме того, действительная внутриорганизационная структура большинства предприятий не только в России является коммерческой тайной. Помимо знания структуры акционерного капитала (в России в большинстве случаев и эти данные недоступны) необходимо исследовать роль банковских структур в функционировании предприятия, личные связи между собственниками, менеджерами и служащими, отношения с партнерами и органами власти [5]. Реальные отношения между собственником и менеджером, как правило, выясняются во время конфликта. Однако сегодня они не находятся в состоянии конфликта, даже скрытого.

Тем не менее, обладание менеджерами широким кругом привилегий позволяет включить их в состав нового среднего класса, как группу, обладающую иными формами собственности — высокой квалификацией и способностью к управлению, что соответствует концепции американского социолога Э. О. Райта, который в качестве критериев выделения социальных позиций менеджеров рассматривает отношение к власти и участие в контроле производственного процесса. Основной тезис заключается в том, что менеджеры — наиболее привилегированная группа наемных работников управленческого труда, обладающая высоким уровнем человеческого капитала и инновационно ориентированным поведением, что делает возможным отнесение их новому среднему классу.

Сегодня средний класс в России рассматривается не просто как одна из групп общества, а как социальный стержень, который консолидирует все общество, создает экономическую, социально-политическую и иную стабильность. Будущее, перспективы развития российского общества зависят от успешного развития среднего класса.

В целом образовавшийся в результате действий различных сил слой менеджеров имеет гетерогенные характеристики. С одной стороны, он стратифицирован «по вертикали» в зависимости от масштабов деятельности возглавляемого им предприятия, от имеющихся в их распоряжении собственности и привлеченных ресурсов, а также от экономического и политического влияния. С другой стороны, различные пути создания частной собственности привели к возникновению различных типов управленцев. По данным Российской ассоциации менеджеров, только 15 % менеджеров отождествляют себя с профессией управляющего[6]. Латентная приватизация государственных предприятий, при участии бывших государственных управляющих привела к возникновению «номенклатурных управленцев», часто называемых «классом уполномоченных»[7]. К этой группе также относятся бывшие директора государственных предприятий – «красные директора», ставшие в процессе приватизации обладателями крупных пакетов акций. Таким образом, они превратились из наемных управленцев в собственников, продолжая руководить приватизированным предприятием. Создание нового частного бизнеса привело к формированию «управляющих – собственников нового типа». Кроме того, все большее значение приобретают представители третьей группы – молодые и амбициозные наемные профессиональные менеджеры.

Итак, в совокупности людей, занимающих управленческие позиции, выделяют следующие группы менеджеров согласно характеру их экономической деятельности [8]:

- 1) классические менеджеры – хозяйственные руководители, управляющие предприятиями на основе найма, т. е. за заработную плату;
- 2) менеджеры-совладельцы – хозяйственные руководители акционерных предприятий, работающие по найму и одновременно имеющие пакеты акций управляемых предприятий. Руководитель становится предпринимателем;
- 3) менеджеры-бизнесмены-управляющие организуют собственное дело или становятся соучредителями какого-либо предприятия или держателями контрольного пакета акций. В этом случае управляющие сами принимают кардинальные решения и получают в качестве основного дохода процент с прибыли, автоматически становясь предпринимателями-капиталистами.

Как видно, профессиональные роли российских менеджеров и предпринимателей недостаточно дифференцировались друг от друга в силу отмечаемых ранее причин – неразвитости системы рыночных отношений и распределения функций в обществе. Большинство отечественных пред-

принимателей вынуждены исполнять роль менеджера из-за нехватки квалифицированных кадров, с одной стороны, из-за желания самим контролировать весь процесс в силу ряда причин, в том числе финансовых – дешевле самим налаживать деятельность персонала, чем нанимать управленца. Кроме того, директора предприятий, выполняя управленческие функции, занимаются предпринимательской деятельностью, реорганизовывая производство, создавая новые возможности для сохранения бизнеса или осуществляя активный поиск новых проектов и направлений деятельности. Сложные социально-экономические условия требуют от менеджеров принятия новых решений, перестройки организационно-управленческих отношений, активного использования профессиональных знаний, мобилизации всех творческих сил и способностей. К тому же неясная ситуация относительно того, кем и как осуществляется контроль деятельности менеджеров, предполагает наличие у них свободы действий, сравнимой со свободой владельцев собственных фирм. Поэтому сегодня в отношении российского бизнеса следует говорить о существовании, как менеджеров-предпринимателей, так и предпринимателей-менеджеров, а не о двух отдельных группах, выполняющих разные функции.

Здесь можно провести определенную параллель с кризисом в американской экономике 1970-х гг. Несмотря на падение производства, усилиями менеджеров было создано около 20 миллионов новых рабочих мест, активно развивалась сфера услуг, а также новейшие сферы экономики [9]. Это стало возможным, по мнению П. Друкера [10], благодаря формированию нового типа менеджеров, который соединяет в себе способность руководить предприятием и предпринимательскую ориентацию на выживание в любых обстоятельствах, на развитие производства вопреки внешним ограничениям. Практически аналогичная ситуация сложилась в российской экономике, которая после дефолта 1998 г. приобрела способность к росту во многом благодаря приходу в производящие отрасли менеджеров-предпринимателей вместо неэффективного собственника предыдущего периода [11]. Поэтому именно менеджеры призваны сыграть главную роль в создании более эффективной системы управления в современной российской экономике.

Между тем существует определенная разница между этими понятиями. Под предпринимателем подразумевают человека, берущего на себя риск, связанный с организацией нового предприятия или с разработкой новых идей, продукции, услуг, предлагаемых обществу. Он затрачивает на это все необходимое время и силы, берет на себя весь финансовый,

психологический и социальный риск, т. е. автономно принимает экономические решения, получая в награду деньги и удовлетворение [12]. Основные принципы предпринимательства – новаторство и новизна.

Термин «менеджер» имеет итальянские корни и связан с искусством наездников. С английского переводится как управляющий, заведующий, директор, хозяин [13]. В современном понимании – это наемный профессиональный управляющий, обладающий специальной подготовкой в области теории и практики управления. Он занимает постоянную должность и наделен полномочиями в области принятия решений по конкретным видам деятельности фирмы, функционирующей в рыночных условиях. Обычно менеджер независим от собственности на капитал предприятия, на котором работает, т. е. он управляет чужими капиталами.

Таким образом, их основным отличием является то, что предприниматели владеют собственностью (в том или ином виде), а менеджеры фактически ею не владеют. При этом основные профессиональные обязанности сходны, но не одинаковы. Предприниматель сам начинает организацию производства, а уже потом, на промежуточном этапе к этому процессу, подключаются наемные управленческие структуры. В дальнейшем именно они и могут осуществлять управление, но инициатива принадлежит всегда хозяину – предпринимателю. Главной задачей управленца является обеспечение эффективной деятельности предприятия в уже существующей и освоенной фирмой сфере бизнеса.

В качестве основного дохода у предпринимателя выступает процент с получаемой прибыли, а уже потом, если он работает на какой-то должности, – заработную плату в виде оклада. У менеджера заработная плата является основным доходом, т. к. он наемный работник, а уже дополнительно к этому может получать и какой-то процент с прибыли.

Различия, существующие между менеджером и предпринимателем, достаточно четко выделяются в следующем:

- отношение к собственности;
- характер принимаемых решений;
- главный источник дохода.

Если предприниматель работает в неструктурном окружении, где постоянно происходят стремительные изменения, в связи с чем, он располагает возможностью самостоятельного конструирования целей деятельности, то для менеджеров характерна целенаправленность в действиях, продиктованная, заданная извне жесткой логикой сохранения и воспроизводства существующих организационно-хозяйственных структур.

Современное предпринимательство предполагает умение пойти на риск, спонтанность к прогнозированию изменений в потребностях рынка, хорошую реакцию на динамику финансовой конъюнктуры, восприимчивость к инновациям, что является основной из отличительных черт. Так, американский исследователь Р. Хизрич [14] отмечает, что предпринимательство – это процесс создания человеком нового, что обладает стоимостью. Инновационный момент, конечно, присутствует и в деятельности менеджера, но в более мелких масштабах. Это подтверждают результаты исследования склонности личности к «инноватике – адаптации» по разработанной М. Киртоном [15] методике. Ориентация на адаптативный стиль деятельности (приспособление к старому) преобладает у менеджеров, в то время как предприниматели ориентированы в большей степени на инновационный (изменение старого).

Таким образом, менеджеры выступают обособленной группой, соблюдающей свои интересы и играющей ключевую роль в обществе независимо от его государственного устройства. Имеющийся значительный человеческий капитал позволяет им быть активными участниками гражданских отношений, а также относительно независимыми.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Беляева Л. А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. – М.: Academia, 2001. – С. 89–90.
2. Игитхян Е. Д. Книжное обозрение // Социс. – 2003. – № 1. – С 149–152.
3. <http://www.amr.ru>.
4. Zeitlin M. Corporate Ownership and Control: the Large Corporation and the Capitalist Class // American Journal of Sociology. – 1974. – Vol. 79. – P. 1073–1119.
5. Бессуднов А. Революция менеджеров / www.top-manager.ru/?a=1&id=1040.
6. www.amr.ru.
7. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – С. 308.
8. Заславская Т. И. О социальной структуре общества // Общественные науки современности. – 1997. – № 12. – С. 12.
9. Черныш М. Ф. Становление понятия «менеджер» в социологии // Социальный профиль российского менеджера: результаты исследования. – М.: Ассоциация менеджеров, 2004. – С. 14
10. Drucker P. Management challenges for XXI century. – New York, 1999.
11. Черныш М. Ф. Указ. соч. – С. 14.
12. Хизрич Р., Питерс Н. Предпринимательство. Вып. 1. – М., 1991. – С. 10.
13. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1971. – С. 464.

14. Хизрич Р. Основы предпринимательства. – М., 1997. – С. 84.
15. См.: Кравченко А. И. История менеджмента. – М.: Академический проспект; Фонд «Мир», 2007. – С. 410.

© А. В. Рускевич
(Житомир)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НА ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ АБСТРАКТНОЙ МЕРЫ ИСТОРИИ И УТВЕРЖДЕНИЯ СЕБЯ КАК ЕЁ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ

Особенность исторического мышления современности состоит в ломпенизации обыденного сознания и в феномене неадекватности теоретического сознания историческому бытию. Логически это обуславливается неспособностью выхода за регрессивные границы современного исторического пространства и рефлексии исторической реальности с оснований будущего, а также идеологической склонностью к сознательной и бессознательной мистификации исторического бытия. Распространение позитивизма на сферу теории обрекает последнюю на выстраивание искусственных конструкций, которые не могут не быть вариациями деконструктивизма. Одной из причин выведения культуры из сферы интересов является неправомерность для постклассической истории абсолютизации уровня развития производительных сил в качестве единственного и определяющего критерия развития того или иного общества. Научно-техническая революция становится основанием возможности культурной революции и сама проявляется в определенной степени как революция культурная, хотя и в отчужденном виде, но такая степень проявляется как порождение феномена свободного времени, освобождения человека из пределов утилитарного производства и перемещения его в пространство свободного саморазвития. При преодолении отчуждения свободное время суть единственное непосредственно производящее общественное богатство, поскольку предоставляет человеку возможность производить себя не только по логике материальных потребностей, но и по логике сформированных способностей и одновременного формирования-развития таковых. Только в этих параметрах научно-техническая революция и опредмечивающее ее индустриальное производство являются условиями человеческого измерения прогресса. Вместе с тем свободное время в пределах частной собственности на средства производства и частной формы распределения материального богатства является отчужденным свободным временем. Так происходит превращение большинства населения

земного шара в лишние люди. Основной мотив «конфликта цивилизаций» состоит в необходимости преодоления сущностной раздвоенности общественного разделения труда. В первую очередь речь идет о конфликте сущности и существования, в котором существование уже невозможно вне непосредственного тождества с сущностью.

С точки зрения Н. Злобина, «кризис современной цивилизации знаменует (...) историческую истощенность логик формационного развития и насущную необходимость выдвижения в качестве определяющей жизнедеятельность общества логики развития культуры. Детерминантой всех глобальных проблем как раз и выступает прямое столкновение в ней этих двух логик – общественного развития как естественно-исторического процесса, представленного формационным принципом, и как прогресса культурно-исторического, представленного принципом центрации личности» [3, С. 20]. Здесь обнаруживается ложная логика саморефлексии современной истории в том плане, что постмодернизм выступает логическим следствием истощенности формационного становления истории и в то же время, констатацией консервации этого конца в искусственных реалиях; культурно-историческая субъективация основания истории как объективная атрибутивность «постклассического» развития предстает в виде предельной эксплуатации субъективного фактора современной мировой конфликтной ситуации, причем в неординарной форме. Особенности последней обуславливаются феноменом совпадения субъективации всемирного основания и необходимостью его перехода в непосредственное саморазвитие.

Эта «субъективно-объективная» ситуация обнажает антагонизм сведенных в единое историческое пространство-время, в общее основание внутренних противоречий и антагонизмов разновременных уровней человечества. Такой онтологической ситуации история не знала никогда. Уже не может быть локальной гражданской или другой войны. Всемирный антагонизм обречен на «разрешение» по типу цивилизационного взрыва, при пассивности субъективного фактора, когда диалектический переход основания так и не состоится. В Европе повсеместно растет самый безудержный национализм, эгоизм, готовый оправдать всякое распространение собственной нации в ущерб другим народам.

В условиях глобализации экономические интересы почти всегда доминируют над политической целесообразностью. Происходит исключение их гуманистической направленности. Узурпация культуры экономическим интересом выступает новой формой отчуждения субстанциальной значимости свободного времени и распространения на него транс-

формированных признаков производящего меновые стоимости рабочего времени. Современность не распредмечивает универсалии культуры, а отчуждает их по логике регрессий агрессивной экспансии политической экономии.

Сущностный выход современной истории из классического пространства не совпадает во времени с разрешением фундаментальных противоречий становления, является формальным и не представляет собой разрешение противоречий науки логики и феноменологии духа. В силу того что фундаментальные противоречия предыстории разрешались антагонизмами классовой борьбы, то и содержание данного периода не выходит за пределы и компетенцию классовой борьбы. В этой борьбе предстает противоречивая природа практического разума, который классика знает только в форме императивов морали, т.е. как субъективную реальность абстрактного гуманизма. С точки зрения М. Шкепу: «Для различных периодов формационного становления носителем практического разума выступал не непосредственно класс производителей (практически осуществляющий всеобщность как форму предметно-практической жизнедеятельности, он являлся одновременно и подлинным носителем нравственных императивов). В стихийно-хаотическом пространстве производства существования производились практические предпосылки познания, но класс, который выполнял функцию прогрессивного субъекта смены формационных основ, не становился непосредственно познающим субъектом» [4, с. 194]. По этой причине до тех пор, пока основание не освободится разрешением антагонизма «цивилизация – культура», в сущности истории роль пролетариата остается той же, какой она определилась логикой классической истории. Представитель Римского клуба Бертран Шнейдер утверждает именно эту мысль: «...я считаю, что XXI век начался в 1917 году в России. А XX век начался в 1789 году с Французских революций» [5, С. 30].

По причине деформации непосредственной сферы бытия всеобщего – труда, деградация его объективности через деградацию субъективных мотивов и потребностей обуславливают и служат причиной деградации истории как всеобщности. В свою очередь, деформация сущности и мотивации труда проецируется в деформации эстетических, этических и логических предпосылок производством человека самого себя. Оно распространяется на все сферы общественной жизнедеятельности и занятости, в первую очередь – на сферу промышленного труда. Отсюда деградация рабочего класса, и вместе с ним интеллигенции, приводящая за собой ситуацию, когда в современной истории отсутствует прогрессивный субъект

ект. В этом смысле наличная история бессубъектна и в субстанциальном значении предстает бесцельной, неосновательной и, в зависимости от характера рыночных отношений, хаотичной.

Связь творческой десубъективации истории и ее возможной фатальности очевидна. И как следствие, искажения в культурном (необходимом совпадении идеального и материального) видении истории. Регрессия интеллигенции обеспечивает деградацию истории в ее идеологических, политических и социальных параметрах. Иными словами, деструкция феноменологии истории начинается с феноменологического превращения интеллигенции. Поэтому Ж. Деррида правомерно увязывал апокалипсические мотивы реальной истории с «апокалипсисом разума» как условием деконструкции: «Является ли апокалипсис разума единственной формой апокалипсиса? Если подобная изнанка разума все же существует и апокалипсис разума лишь открывает серию возможных апокалипсисов, то и тогда заключенное в скобки деконструированное путешествие в Москву, записанное и незаписанное одновременно, остается «удачным выкидышем», редким набором следов, но его истина оказывается в окружении не-истины и тем самым локализуется, открывается тому, что граничит с ней, но лежит за ее чертой, совсем рядом и очень далеко» [2, С. 140—141].

Вместе с тем современное сопротивление западной цивилизации универсалиям, как и современная невыразимость семантики исторических связей в контексте опредмечивания универсалий логоса, не только смещает акцент объективной истины в ее субъективистских выражениях, но и отрицает ведущую роль класса-субъекта в качестве снимающего видимость понятийных истин и опредмечивающего истину объективных закономерностей истории. Эти мифы не только не вписываются в культурную меру истории, но и являются условиями ее деградации. Культура превращается в регрессию исторической реальности с той минуты, когда вырождается созидаящая ее основа — общественная жизнедеятельность. Мифы об общечеловеческих ценностях не только способствуют семантическому и функциональному смещению субъекта истории с позиций прогресса, но и уничтожают его. В аспекте деградации «субъективного фактора» мировой культуры остается актуальной проблема феноменологии исторического пробуждения масс. Феноменология реального человека запаздывает от феноменологии истории. Действительной предметностью культурной истории, с которой она может начинаться после завершения классического становления, может быть непосредственность, воссоздающая одновременно цикл «повторения истории в ее узловых моментах» через воспроизводство конкретно-исторического содержания «узло-

вых моментов» самое себя в характеристиках общезначимой жизнедеятельности. Речь может идти лишь о той непосредственности, которая опосредуется образованием всеобщности индивидуального самосознания. А такое происходит уже не по безусловной (в значении незнания своей основы) логике гегелевской феноменологии духа, а средствами реального небезразличия к историческим противоречиям и новым, входящим в пространство индивидуальной жизнедеятельности, масштабам исторического пространства.

В таком опосредствовании речь не идет об абстрактной всеобщности знающего лишь свою «идеальную» историю мирового разума. Речь идет о таком качестве всеобщего, когда оно положено как наличное бытие и начало действительности истории в индивидуальном самосознании данного становления. В классических пределах феноменологии духа совпадение двух начал – индивидуальной феноменологии и феноменологии истории – в принципе невозможно. Его невозможность не позволила Гегелю вывести действительный «объем», меру опосредствования и снятия объективного основания в индивидуальной феноменологии. Гегель вынужден был по онтологической логике категориального становления «Логоса» абстрагировать противоречия логики истории и истории логики из пространства их реальных взаимопревращений. Поэтому и начало феноменологии духа выступает здесь простым, сохраняющимся в ограниченном круге опосредствования «Я», но теряющимся на выходе в пространство всеобщего разума тождеством.

Для классической феноменологии духа «опосредствование есть не что иное, как равенство себе самому, находящееся в движении, или оно есть рефлексия в себе же, момент для себя сущего «я», чистая негативность или (...) оно есть простое становление» [1, С. 10]. Равенство себе самому и выход сознания из сферы чувственного представляется здесь отчужденным опосредствованием, поскольку оно не представлено как равенство другому и положительным опосредствованием «другим». «Другое» – это прежде всего абстрагированное в абстрактном единичном общество. Поскольку же «другой» человек предстает не как тотальность «Я», а как положенность индивидуализированной совокупности общественных отношений, то она становится как бы вне истории, ведь в системе объективного идеализма история рассматривается как результат мирового духа, в движении которого феноменология духа не самодостаточна, а суть опосредствующий процесс возвращения идеи к себя в качестве абсолютной истины. С другой стороны, реальное отчуждение не может быть непосредственной диалектической предпосылкой для феноменологического становления некритической субъективности.

Представленное классическое противоречие необходимо для понимания в качестве принципа гносеологического основания образования классового самосознания субъекта истории-культуры уже не просто в среде пролетариата, а общества в целом. Представляется, что это одна из фундаментальных проблем педагогического процесса «постистории». И самой сложной задачей педагогического образования будущего будет выведение способа познания логики снятия онтологических основ классического становления. Будучи одновременно и внутренними, и внешними, субстанциальные противоречия классической истории отражаются в человеке в форме его классовой феноменологии. Такое положение дел является не только следствием разделения материального и идеального на дуализм сущности, но разделения по данному принципу истории и культуры. Поэтому классовая борьба только на первый взгляд предстает борьбой лишь за условия существования, но по своей сути она разрешает фундаментальное противоречие отчужденности истории и культуры.

Метафизика разыгрывающейся трагедии и видообразование идеологии мешает рабочему классу, и вместе с ним интеллигенции, осознать культурно-историческую цель собственной борьбы, что есть не самоцелью, а способом установления предпосылок перехода истории из пространства производительной функциональности в пространство окультуренных мировых отношений. И поскольку способ функционирования иррационализма в его нынешних реалиях отрывает причину от следствия и искажает способ отражения исторического времени в разных формах культуры, то влияние исторического бытия на общественное сознание сегодня также искажается. Следовательно, способ влияния истории на индивидуальные сознание и чувства (тем более – способ влияния индивидуального сознания на историю) ускользает от окончательных теоретических обобщений. Более того, если влияние исторического бытия на индивидуальное сознание детерминировано содержит момент подчиняющего себе человека исторического фатализма, то вторая сторона (влияния индивидуального на историю) становится существенным атрибутом превращения исторического бытия в творчество истории.

Здесь не может быть абстрагирования культуры в обособленные индивидуальные формы (наподобие великих людей классического периода), поскольку творчество истории как творчество культуры и есть творчество каждого человека в субстанциальных параметрах тождества мышления и бытия. Противоположный вариант одиночество. Личностно-обособленное опосредствование классового становления было не только условием, но и необходимой формой. Для постклассической истории одиночество личности обуславливается возможностью теоретического

опережения действительности в видении логики дела. Но это — возможность зависимости от уровня культуры, сформированного прошлым временем «Я». В монистическом основании не наличие отдельных всемирно-исторических личностей является критерием реальности культуры, а выход культуры за пределы феноменологической (гносеологической, моральной, политической, художественной и т.п.) обособленности отдельных персонажей. Таким образом, преодоление метафизики обособленной феноменологии суть культурное преодоление метафизики единичности субъекта истории и самой культуры.

Переход основания из абстрактной единичности в тотальность непосредственности каждого есть наиболее существенная характеристика действительности нового типа общественных отношений. Поэтому в границах преобладания «идеологической надстройки» над «экономическим базисом» возникает новое социальное содержание общественной роли интеллигенции. Она покидает традиционное пространство своей жизнедеятельности и исторической функциональности. Активизация интеллигенции в сфере политики только очерчивает опосредствованность личного перехода «чистого разума» в «практический разум». Здесь, в частности, можно найти одну из причин того, что субъект культуры выходит за пределы представительства форм общественного сознания, а природа и содержание последних становятся историческим самоопределением обыкновенного человека.

Таким образом, история саморазрушается и деградирует в классовом отношении с того момента, когда классовая борьба остается политическим делом, но не становится практическим делом культуры. Непонимание своей культурой конечной цели консервирует классовую борьбу в пространстве политики. Оно же порождает уродливые крайности, которые возможны во времена культурных революций. В таком случае догматическое понимание субъекта истории заключается в непонимании такого факта, что подлинно революционный субъект в постклассической истории может быть таковым лишь становясь субъектом культуры. В том же времени и пространстве это означает реальную объективацию культуры в принципиальном изменении характера отношения к истории как к космическому времени культурного человека (актуализируется действительная мера человека, опосредованная дифференциацией и интеграцией наук, восхождением абстрактного к конкретному). Положение «философии как духовного оружия пролетариата» (К. Маркс) важно для понимания восхождения научной идеологии в реальное историческое действие и принцип действия масс.

Условием превращения культуры в действительность истории в преодолении классовой раздвоенности выступает классовое разрешение противоречий основания отчужденности культуры в истории. Культурным субъектом истории может быть тот, кто на уровне основ жизнедеятельности общества в целом создает условия его развития.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа: Соч. В 14 т. Т. 4 / Г.В.Ф. Гегель. — М.: Соцэкгиз, 1959. — С. 10.
2. Жак Деррида в Москве. — М.: РИК «Культура», 1993. — С. 140 — 141.
3. Злобин Н. Коммунизм как культура / Н. Злобин // Альтернативы. — 1995. — № 1. — С. 20.
4. Шкепу М.А. Феноменология истории в трансформациях культуры / М.А. Шкепу. — К: Книжное издательство НАУ, 2005. — С. 194.
5. Шнейдер Б. Глобальная революция / Б. Шнейдер // Свободная мысль — 1993. — № 9. — С. 30.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Абаева Любовь Лубсановна**, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН, г. Улан-Удэ.
2. **Аграфонов Михаил Юрьевич**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии Восточно-Сибирского Института МВД РФ, г. Иркутск.
3. **Антонова Людмила Львовна**, доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российской Академии правосудия, г. Иркутск.
4. **Барлукова Оксана Дмитриевна**, кандидат социологических наук, доцент Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова, докторант Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ.
5. **Беленький Владимир Хононович**, доктор философских наук, профессор кафедры философии Сибирского федерального университета, г. Красноярск.
6. **Беляева Людмила Александровна**, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, Москва.
7. **Будаева Дарима Цырендоржиевна**, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета, Улан-Удэ.
8. **Бутковская Наталия Юрьевна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии Житомирского государственного университета им. И. Франко, г. Житомир, Украина.
9. **Бюраева Юлия Григорьевна**, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных экономических исследований БНЦ СО РАН, г. Улан-Удэ.
10. **Горохова Людмила Викторовна**, ассистент кафедры философии Житомирского государственного университета им. И. Франко, г. Житомир, Украина.
11. **Гераськова Анна Адольфовна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, теории и истории культуры Забайкальского государственного университета, г. Чита.
12. **Грабельных Татьяна Ивановна**, доктор социологических наук, профессор Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
13. **Дмитриева Анастасия Александровна**, кандидат философских наук, преподаватель Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
14. **Иванкина Любовь Ивановна**, доктор философских наук, профессор кафедры социологии Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск.
15. **Калсойас К.**, доктор философии, представитель народа навахо в Сенате США, Флагстафф, США.
16. **Канивец Борис Андреевич**, кандидат философских наук Житомирского государственного университета им. И. Франко, г. Житомир, Украина.
17. **Качинский Гжегож**, доктор социологических наук, профессор Университета Катаньи, Катанья, Италия.
18. **Козловец Николай Адамович**, доктор философских наук, профессор кафедры философии Житомирского государственного университета им. И. Франко, г. Житомир, Украина.
19. **Козлова Оксана Николаевна**, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии и психологии Щецинского университета, г. Щецин, Польша.
20. **Косела Кшиштоф**, доктор гуманитарных наук, профессор, декан комплекса социологии и философии Варшавского университета (Варшава, Польша).

21. Кромольница Барбара, доктор педагогических наук, профессор, декан Гуманитарного комплекса Щецинского университета, г. Щецин, Польша.
22. Кузнецов Алексей Евгеньевич, кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Бурятского аграрного колледжа им. М.Н. Ербанова, Улан-Удэ.
23. Кузнецова Аюна Мэлсовна, доктор философских наук, доцент, Улан-Удэ.
24. Маликова Наиля Рамазановна, доктор социологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва.
25. Мансуров Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, Президент РОС, заместитель директора Института социологии РАН, г.Москва.
26. Мантатов Вячеслав Владимирович, доктор философских наук, профессор директор Института устойчивого развития, руководитель кафедры ЮНЕСКО по экологической этике при Восточно-Сибирском государственном университете технологий и управления, Улан-Удэ.
27. Наумова Татьяна Владимировна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, г. Москва.
28. Никиторович Ежи, доктор гуманитарных наук, профессор, ректор Университета в Белостоке, Белосток, Польша.
29. Омельчук Роман Константинович, кандидат философских наук, доцент Восточно-Сибирской государственной академии образования, г. Иркутск.
30. Осинский Иван Иосифович, доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией социальной стратификации Бурятского государственного университета, Улан-Удэ.
31. Полюшкевич Оксана Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
32. Рускевич Анатолий Васильевич, ассистент кафедры философии Житомирского государственного университета им. И. Франко, г. Житомир, Украина
33. Сапожникова Анна Георгиевна, заместитель директора по учебно-воспитательной работе православной прогимназии имени святителя Иннокентия, епископа Иркутского, г. Чита.
34. Свирбутович Ольга Александровна, доцент кафедры «Автомобильный транспорт» Национального исследовательского Иркутского Государственного технического университета, Иркутск.
35. Скуратов Юрий Ильич, доктор юридических наук, профессор, директор Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, г.Москва.
36. Слюсар Вадим Николаевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Житомирского государственного университета им. И. Франко, г. Житомир, Украина.
37. Смирнов Алексей Евгеньевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии Восточно-Сибирского института МВД России, полковник полиции, г. Иркутск.
38. Соколов Сергей Макарович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, Улан-Удэ.
39. Струк Наталья Михайловна, кандидат философских наук, профессор кафедры «Социология и социальная работа» Национального исследовательского Иркутского Государственного технического университета, Иркутск.
40. Харитонов И. Н., научный сотрудник Института социологии НАН Республики Беларусь, Минск, Белоруссия.
41. Шафоростов Александр Иванович, кандидат философских наук, доцент Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, Иркутск.
42. Юрченко О. В., научный сотрудник Института социологии РАН, Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Кромолицка Б.	Реконструкция идентичности в XXI веке.....	5
Козлова О.Н.	Альтруизм: принцип деятельности или профессиональная	
Мансуров В.А.	идеология.....	12
Юрченко О.В.	Некоторые проблемы идентификации российской интел-	
Осинский И.И.	лигенции.....	21
Козловец Н.А.	Модернизация versus национальная идентичность.....	28
Качиньский Г.	Интеллигенция и формирование современной националь-	
	ной идентичности. Актуальное прочтение социологии на-	
	рода Флориана Знанецкого.....	39
Маликова Н.Р.	Идентификация интеллигенции.....	50
Беляева Л.А.	Роль интеллигенции в модернизации российских регио-	
	нов.....	60
Мянтатов В.В.	Научная интеллигенция: ноосферная стратегия устойчи-	
	вого развития Сибири.....	70
Абаева Л.Л.	Культурная идентичность и ценностные ориентиры элиты	
	современных монгольских сообществ Китая, Монголии и	
	России.....	73
Грабельных Т.И.	Место и роль вузовской интеллигенции в России на ру-	
	беже веков: переход к новому типу развития российской	
	интеллигенции.....	79
Струк Н.М.	Социальная идентификация научно-технической интел-	
Свирбутович О.А.	лигенции в условиях маргинализации общества.....	83

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Беленький Х.Ф.	Проблемы идентификации российской интеллигенции.....	92
Смирнов А.Е.	Понятие «идентичность» и «субъективация» в постсовре-	
	менном обществе.....	99
Калсойас К.	Идентичность и интеллигенция.....	110
Шафорстов А.И.	Онтология идентичности.....	113
Бутковская Н.Ю.	Социальная идентичность: подходы к исследованию.....	122
Иванкина Л.И.	Актуальность идей М.Хайдеггера в понимании природы	
	интеллигентности.....	130
Соколов С.М.	Тема интеллигенции в творчестве Г.П. Федотова.....	135
Канивец Б.А.	Историко-философское содержание понятия «интеллиген-	
	ция».....	138
Гераськова А.А.	Духовно-нравственный аспект понятия «интеллиген-	
Сапожникова А.Г.	ция».....	148
Полюшкевич О.А.	Интеллигенция и социокультурные границы.....	150
Будаева Д.Ц.	К определению сущности понятий «интеллигенция» и «бу-	
	рятская национальная интеллигенция».....	154

Аграонов М.Ю.	Общественно-политические и философские основания появления понятия «интеллигенция» в российском обществе.....	160
Омельчук Р.К.	Интеллигентность и интеллигибельная истина.....	162
Кузнецова А.М.		
Кузнецов А.Е.	Интеллигенция: миссия невыполнима.....	169
Антонова Л.Л.	Интеллигенция в России: исчезающий феномен?.....	172
Слюсар В.Н.	Интеллигенция как объект насилия в период трансформации общества.....	181
Дмитриева А.А.	Проблемы осмысления феномена интеллигенции в современной России.....	189
Горохова Л.В.	Страх потери идентичности в современном мире.....	195
Харитонов И.Н.	Проблема остракизма и изолированности интеллигенции в российском, советском и постсоветском обществах.....	202
Анисимова С.Г.	Идентификация интеллигенции на фоне дескомпозиции в социальной структуре или «разруха в головах».....	203
Наумова Т.В.	Есть ли место интеллигенции в российском среднем классе?.....	208
Барлукова О.Д.	Место интеллигенции в структуре китайского общества.....	219
Бюраева Ю.Г.	Роль и место слоя менеджеров в социальной структуре российского общества.....	225
Рускевич А.В.	Интеллигенция на пути преодоления абстрактной меры истории и утверждения себя как ее действительной меры.....	232
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....		240

Научное издание

СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Материалы научно-практической конференции

В трех частях

Часть 1

В авторской редакции

Свидетельство о государственной аккредитации
Регистрационный номер № 1289 от 23 декабря 2011 г.

Подписано в печать 13.06.2012. Формат 60 x 84/16
Усл. печ. л. 15,3. Уч.-изд. л. 14,7. Тираж 180. Заказ 188.

Издательство Бурятского госуниверситета,
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а

Отпечатано в Издательстве БНЦ СО РАН,
670047, Россия, Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8